ISSN 2071-8160

MGIMO
UNIVERSITY

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ВЕСТНИК
МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 • 2009

Ефимова Л.М[1]

СССР и возрождение коммунистической партии Индонезии в конце 40-начале 50-х гг.

Уже более двух поколений историков волнует вопрос том, принимала ли Москва участие в организационном и идеологическом возрождении Компартии Индонезии в 1951-1953 годах. Ряд зарубежных ученых полагает, что индонезийские коммунисты выработали новую партийную стратегию и тактику независимо и от Москвы, и от Пекина. Интригующим остается вопрос, было ли прямое участие Москвы в разработке новой линии КПИ. Недавно рассекреченные архивные документы свидетельствуют о том, что советские коммунисты и лично И.В. Сталин сыграли весьма заметную роль в обсуждении и формулировании новой программы КПИ. Основные идеи, высказанные Сталиным в дискуссиях с индонезийскими коммунистами, были включены в новую партийную программу, принятую в 1954 году, а также использовались в статьях и выступлениях нового генерального секретаря КПИ Д.Н. Айдита.

В июле 1950 года в Индонезию после восемнадцатимесячного отсутствия возвратились молодые лидеры Айдит и Лукман, которые после Мадиунских событий[2] эмигрировали и сражались во Вьетнаме, а затем принимали участие в Азиатско-Австралазийской профсоюзной конференции в декабре 1949 года в Пекине. Айдит и Лукман стали работать в Политбюро КПИ, отвечая за пропаганду и агитацию.

В начале 1951 года на пленуме ЦК КПИ руководство Компартии Индонезии было обновлено за счет молодых деятелей. Новым лидером КПИ стал Д.Н. Айдит. (1). Айдит сразу же взялся за восстановление единой партии в том виде, как это планировал и пытался провести в жизнь Муссо накануне Мадиунских событий. Одновременно Айдит приступил к выработке новой стратегии и тактики для индонезийских коммунистов.

---

[1] ***Ефимова Лариса Михайловна*** – доктор исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО (У) МИД России

[2] Мадиунские события произошли в сентябре октябре 1948 года в районе Мадиуна (Восточная Ява, Индонезия), и связаны с обострением противоречий между леводемократическими силами и правым крылом националистического движения. Индонезийское правительство, во главе которого стоял М. Хатта, начало чистку армии от коммунистов и их сторонников. 13 сентября 1948 года в Соло (Восточная Ява) начались столкновения между войсками 4-й дивизии, где влияние коммунистов было весьма значительно, и правительственными войсками. Непосредственной причиной столкновения послужило похищение неизвестными лицами нескольких офицеров из 4-й дивизии. К мятежной дивизии присоединилась часть войск, расквартированных в городе Мадиун, около Соло. И хотя эти события явились полной неожиданностью для руководства компартии, 20 сентября 1948 года правительство обвинило её в попытке государственного переворота. В ответ руководители компартии обратились к народу с призывом к свержению правительства и взятию власти в свои руки. В район Мадиуна были брошены значительные воинские формирования, и в течение двух месяцев повстанцы были разбиты. Около 35 тысяч коммунистов и их сторонников, было арестовано, около 600 членов компартии погибли в боях или были расстреляны. Среди погибших и расстрелянных были видные руководители компартии: М. Муссо, А. Шарифуддин, Маруто Дарусман, Сурипно, Харьоно и другие.

Западные исследователи, анализируя разработанную Айдитом программу для компартии и её идеологическое обоснование, стремятся подчеркнуть, что индонезийский лидер исходил из марксизма-ленинизма, а не сталинизма или маоизма. Они утверждают, что хотя китайский пример оказывал влияние на мировоззрение индонезийских коммунистов, Айдит разрабатывал свою стратегию и тактику абсолютно самостоятельно. Западные ученые делают особый упор на то, что выработка Айдитом новых планов и установок для индонезийской компартии проходила без какого-либо участия Москвы. Поэтому, заявляют они, новая программа индонезийских коммунистов была свободна от влияния «сталинской догмы». (2)

Документы, обнаруженные в недавно открытом Архиве И.В.Сталина, полностью опровергают указанные утверждения западных авторов.

После смены состава центральных органов КПИ, сложившихся после Мадиунских событий и прихода к руководству партии молодых лидеров во главе с Айдитом постепенно были восстановлены контакты между Сталиным и новым руководством индонезийской компартии. Посредником между ВКП(б) и КПИ, как и прежде, выступали китайские коммунисты. Архивные данные свидетельствуют о том, что Сталин лично принял самое активное и непосредственное участие в разработке Айдитом новых программных документов для КПИ. Сталин встречался с Айдитом и другими представителями КПИ, имел с ними длительные беседы, обменивался длинными письмами вплоть до последних недель своей жизни. В результате, мы можем с полным основанием утверждать, что не только марксизм-ленинизм и китайский пример, но, в первую очередь, идеи Сталина оказали серьезное влияние на программные документы КПИ, принятые в первые годы новым молодым руководством компартии во главе с Айдитом, а также на взгляды и представления самого Айдита, которые можно встретить в его более поздних выступлениях и трудах.

9 апреля 1951 года была принята Общая программа Компартии Индонезии - первый вариант новой программы, разработанной Айдитом и его сторонниками-молодыми членами обновленного руководства КПИ. Среди архивных документов обнаружен её перевод с английского на русский язык. (3)

В программе говорилось, что «КПИ является авангардом и высшей формой классовой организации рабочего класса Индонезии» и что «в настоящее время КПИ борется за установление в Индонезии народно-демократического строя, дальнейшей целью является построение социалистического общества, как первой фазы коммунизма.» Указывалось, что «вся деятельность КПИ основывается на сочетании марксистско-ленинской теории с практикой индонезийской революции – на идеях тов.

Муссо, изложенных в резолюции ЦК КПИ («Новый путь развития Индонезийской Республики» от 27 августа 1948 года), и идеях Мао-Цзе-дуна.»

Документ называл Индонезию полуфеодальной и полуколониальной страной, движущими силами революции – рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию, мелких предпринимателей, национальную буржуазию и другие элементы, страдающие от империалистического гнета. Текущий этап революции оценивался как «буржуазно-демократическая революция нового типа, буржуазно-демократическая революция периода империализма и пролетарских революций во всем мире».

Далее указывалось, что «революция в Индонезии является народно-демократической революцией, революцией широких народных масс под руководством пролетариата, революцией, направленной против империализма, феодализма и компрадорской буржуазии.»

Подчеркивалась необходимость объединения всех антифеодальных и антиимпериалистических элементов «для освобождения индонезийского народа от империалистического и феодального гнета». Однако при этом отмечается, что решение этой задачи потребует длительного времени. А непосредственными и ближайшими задачами должны быть воспитание членов партии и создание Единого национального фронта

В программе вскользь говорилось о роли крестьянства в революции: «ввиду того, что Индонезия является аграрной страной, работа партии в деревне должна быть расширена и углублена».

Если сравнить эту Программу КПИ, разработанную под руководством Айдита, с программными предложениями, разработанными представителем КПИ в Пекине Мурионо совместно с КПК от 6 октября 1950 года (4), то можно заметить, что она носила более умеренный характер, была свободна от революционной демагогии и левацких устремлений и в меньшей степени ориентировалась на опыт китайской революции. Общим для обеих программ оставалось невнимание к крестьянству и его роли в революционной борьбе. Недостатки, отмеченные Сталиным в его анализе первых программных предложений от 6 октября 1950 года, были изжиты, но не полностью.

Следует отметить, что замечания Сталина к первой программе от 6 октября 1950 года для индонезийских коммунистов были переданы китайскими коммунистами новому руководству КПИ только в феврале 1952 года. Очевидно, КПК только к этому сроку удалось восстановить связи с КПИ, нарушенные после устранения старых лидеров из Политбюро. О получении «письма ЦК ВКП(б) ЦК КПК относительно

индонезийских вопросов» индонезийские товарищи сообщили в письме на имя ЦК КПК в марте 1952 года. (5)

Однако, нужно подчеркнуть, что «индонезийские товарищи» – новое молодое руководство КПИ, возглавляемое Айдитом, сначала не приняло критику Сталина и не согласилось с рядом его оценок, касающихся как положения в Индонезии, так и стратегии и тактики КПИ. Мнение молодых индонезийских коммунистов было изложено в письме ЦК КПИ в ЦК КПК от 20 марта 1952 года. (6) Это письмо было передано КПК советским коллегам только 23 октября 1952 года. (7)

В письме сообщалось, что замечания ЦК ВКП(б) к проекту программы КПИ были обсуждены на Политбюро и что индонезийские коммунисты не полностью согласны с содержавшимися в нем замечаниями. В послании КПИ были сформулированы возражения руководства КПИ на замечания и рекомендации Сталина.

Письмо свидетельствовало о том, что Айдит и его единомышленники не были знакомы с программными предложениями, разработанными Муриono и КПК в 1950 году. «Мы не знаем, все ли материалы, посланные ЦК ВКП(б(, являются правильными. В силу этого мы горячо надеемся, что Вы пришлете нам «проект предложений тов. Муриono», - говорилось в письме. Далее шли возражения на замечания Сталина по ключевым вопросам стратегии и тактики КПИ.

Первое замечание касалось основной задачи, стоявшей перед индонезийскими коммунистами. Сталин писал; «Основная задача КПИ на ближайшее время состоит не в «создании широчайшего единого национального фронта» против империалистов для «завоевания подлинной независимости» Индонезии, а в ликвидации феодальной собственности на землю и в передачи земли в собственность крестьянам. … « Если компартия, как партия рабочего класса, поймет всю важность этой аграрной революции и поможет крестьянам в этом деле, то союз рабочего класса и крестьянства, как основа народно-демократической революции, будет обеспечен.» (8)

На это замечание индонезийские коммунисты отвечали: «Правда, Индонезия до сих пор остается отсталой аграрной страной, но в Индонезии нет феодальных помещиков. … На Яве в период революции помещичье землевладение было уничтожено. … Борьба против феодализма в Индонезии в большей или меньшей степени выступает в форме борьбы против феодальных обычаев и привычек. Борьба крестьянства за землю является в большей степени борьбой против империалистических владений, т.е. против правительства», которое отдает землю в аренду иностранцам. «Согласно существующей системе собственности на землю в

Индонезии и благодаря современному статусу Индонезии, как полуколониальной страны, мы думаем, что первостепенной задачей нашей партии в настоящее время не является создание антифеодального фронта. Мы считаем, что основной и первостепенной задачей нашей партии в данный момент является организация широкого национального объединенного фронта против империализма и пережитков феодализма.» При этом подчеркивалась важность борьбы не только против голландского, но и против американского империализма, который все больше проникает в Индонезию. «Эти положения несколько отличаются от положений, представленных нашими советскими товарищами», - так заканчивался первый раздел письма «индонезийских товарищей».

Второй раздел касался вопросов стратегии и методов революционной борьбы. Здесь индонезийские коммунисты разделяли мнение Сталина. «Что касается вопросов стратегии, то мы полностью согласны с предложениями наших советских товарищей, т.е. мы должны координировать два метода: метод вооруженной революции и метод революционных выступлений рабочих. И мы можем заверить Вас, что наша партия работает в данном направлении.»

Новое руководство КПИ отнесло замечание Сталина о том, что индонезийские коммунисты «все ещё находятся в плену у левой фразы» к прошлым периодам деятельности КПИ. Теперь же «члены нашей партии и в особенности наши партийные кадры начинают изучать марксистско-ленинскую литературу и труды тов. Мао Цзе-дуна … . Это является единственной гарантией того, что наша партия будет способна постепенно преодолеть недостатки и слабости в борьбе по осуществлению больших и сложных задач».

Индонезийские коммунисты указывали на трудные внутриполитические условия существования и деятельности КПИ и этим оправдывали свои полулегальные методы работы, очевидно, в ответ на советы Сталина переключиться с революционных призывов на «практическую, молекулярную, «грязную» работу по вопросам повседневных нужд рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции». При этом индонезийцы апеллировали к опыту международного коммунистического движения: «Мы думаем, что метод, который мы сейчас используем, соответствует советам, которые часто публикуются в газете «За прочный мир, за народную демократию.».»

Индонезийские коммунисты выражали надежду, что представитель КПИ в Пекине Искандар Субекти (Ринто) сможет объяснить их точку зрения советским товарищам.

Очевидно, стремясь сгладить разногласия с советскими товарищами и лично Сталиным, в мае 1952 года индонезийские коммунисты обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой созвать в Москве тройственное совещание представителей ВКП(б), КПК и КПИ. Эта просьба ЦК КПИ была поддержана «китайскими товарищами». Однако ЦК ВКП(б) 20 мая 1952 года вынес решение не посылать ответа на это предложение ЦК КПИ. Надо полагать, Сталин посчитал, что он уже дал достаточно полное разъяснение своих взглядов на стратегию и тактику КПИ в переданном через КПК послании от 2 февраля 1951 года.

Возможно, советский вождь был недоволен возражениями ЦК КПИ на его замечания, а также и тем, что индонезийские коммунисты находились под слишком сильным влиянием КПК.

Это, на наш взгляд, может быть подтверждено той словесной игрой, которую повел Сталин в беседах с китайскими лидерами по вопросам взаимоотношений между КПК и компартиями других стран Азии. С одной стороны, он как бы поощрял лидеров КПК стать наставниками и помощниками для азиатских коммунистов. В беседах с Чжоу Энь-лаем в августе-сентябре 1952 года Сталин говорил: «Китай должен превратиться в арсенал Азии. Он должен впоследствии снабжать специалистами другие страны.» «Теперь надо вести линию на то, чтобы первая роль в Азии принадлежала КНР. Это будет лучше, т.к. СССР входит в Азию лишь частью, а Китай весь в Азии, ему должна принадлежать первая роль.» (9) Как пишет А.М. Ледовский, когда Чжоу Энь-лай , ссылаясь на Лю Шао-ци, сообщил Сталину, что два представителя КПИ прибывают в Москву в качестве гостей 19 съезда ВКП(б) и, вероятно, захотят поговорить с советскими и китайскими руководителями о партийных делах, Сталин ответил, что если китайские товарищи хотят этого, то и он не возражает, а если нет, то нет. (10) В то же время в опубликованной беседе Сталина с Чжоу Энь-лаем 19 сентября 1952 года, Сталин на вопрос Чжоу о встрече с представителями КПИ дает более уклончивый ответ, говоря, что пока ещё трудно что-либо сказать по этому вопросу. Он указывает, что это зависит от того, обратятся ли индонезийцы к ЦК ВКП(б) непосредственно, а не через китайцев. И приводит в пример индийских коммунистов, которые попросили помочь им в выработке партийной политики, «и мы должны были сделать это, несмотря на занятость».(11)

Встревоженные отказом ЦК ВКП(б) и стремясь заручиться поддержкой своей деятельности со стороны Сталина, индонезийские коммунисты не оставляли попыток наладить прямые контакты с «советскими товарищами». В связи с поездкой в Москву на 19 съезд ВКП(б) члена ЦК КПИ Асму и представителя КПИ в Пекине Искандара

Субекти, ЦК КПК 23 сентября 1952 года вновь передал просьбу индонезийцев обсудить вопросы КПИ на тройственном совещании в Москве. Асму и Субекти были уполномочены представлять КПИ на таком тройственном совещании.

Но 3 ноября 1952 года Асму и Субекти получили от ЦК КПИ письмо, в котором сообщалось, что, учитывая важность трехстороннего обсуждения вопросов КПИ, ЦК КПИ принял решение увеличить число своей делегации на тройственном совещании до четырех и назначить членами делегации генерального секретаря КПИ Айдита и члена Политбюро ЦК КПИ Ньото, которые должны прибыть на съезд Компартии Голландии к 25 ноября 1952 года.

После получения этого письма Асму и Субекти обратились в ЦК КПСС с предложением отложить обсуждение индонезийских вопросов до приезда Айдита и Ньото.

Однако по прибытии в Голландию Айдит и Ньото по распоряжению голландских властей были отправлены обратно в Индонезию. 15 декабря 1952 года Айдит и Ньото прибыли в Прагу, направляясь в СССР. (12)

Тем временем 25 октября находившиеся в Москве Асму и Субекти представили в ЦК КПСС доклад о положении в КПИ. В докладе они изложили точку зрения ЦК КПИ по вопросам, затронутым в письме ЦК ВКП(б) от 2 февраля 1951 года, и просили ЦК КПСС обсудить эти вопросы.

К докладу было приложено сопроводительное письмо, адресованное членам ЦК КПСС и подписанное Асму и Субекти. В архиве имеется его перевод на русский язык с пометками Сталина. (13)

В письме говорилось следующее: «Вручаем Вам доклад о внутриполитическом положении Индонезии, о стратегии, тактике и организационной структуре партии, а также о работе партии по организации масс.» Индонезийские коммунисты считали, что «существующее в настоящий момент положение дает нам право надеяться, что в Индонезии снова назревает революционная ситуация.» … «Мы получили письмо от товарищей из ЦК КПСС и уже начали проводить успешную работу в свете сделанных нам указаний. Однако до сих пор у нас имеется ещё ряд неразрешенных вопросов. В связи с этим мы бы очень хотели, чтобы было организовано обсуждение вопроса о положении в Индонезии с тем, чтобы мы смогли получить полное представление по всем затронутым в Вашем письме вопросам, которые до сих пор ещё для нас недостаточно ясны. Так, например, нам не ясно, почему борьба против голландского империализма в Индонезии должна считаться первоочередной задачей и почему должен быть создан только антифеодальный фронт?

Мы уверены в том, что лишь тщательно изучив богатый опыт КПСС, КПИ сумеет правильно руководить народными массами Индонезии и достигнуть победы в революции.

В связи с тем, что индонезийский вопрос имеет отношение также и к китайским товарищам (как с географической точки зрения, так и ввиду того, что в Индонезии проживает два с половиной миллиона китайцев, которые играют важную роль в экономической жизни страны), мы предлагаем, чтобы к участию в этой дискуссии были привлечены товарищи из ЦК КПК.» Практически все приведенные цитаты из письма Асму и Субекти были выделены Сталиным, особо отметившим вопросы о борьбе против голландского империализма и о создании антифеодального фронта.

Сам доклад, перевод которого на русский язык хранится в архиве, был чрезвычайно объемным и подробным. К нему был приложен ряд документов КПИ в переводе на русский язык: резолюция «Новый путь Индонезийской Республики», принятая в августе 1948 года; «Задачи Единого рабочего фронта» – резолюция ЦК КПИ, утвержденная 1 марта 1952 года; «О политике партии в области проведения земельной реформы», принятая, по нашим предположениям, в ноябре 1951 года; «Общий согласованный устав и общая программа Совещательного органа партии» из журнала «Бинтанг Мерах» № 6-7 от 21 марта - 1 апреля 1951 года, общим объемом более 100 листов машинописного текста. (14) По документам видно, что Сталин особенно внимательно прочитал доклад (15), подготовленный индонезийскими руководителями. В докладе содержался анализ политической обстановки в Индонезии в начале 1950-х годов, характеристика политических сил и государственной власти и излагались основы политики КПИ и задачи, намеченные руководством во главе с Айдитом. Сталин выделил своим знаменитым синим карандашом ряд показавшихся ему наиболее важными мест. Во-первых, это был параграф, в котором говорилось о необходимости бороться за расторжение неравноправных соглашений с Голландией и отвергнуть соглашение с США о взаимном обеспечении безопасности. Во вторых, отметив требование национализировать важнейшие отрасли народного хозяйства, приписал: «Без иностранных предприятий?», которые не упоминались в числе подлежащих национализации. К фразе о необходимости ликвидировать крупную земельную собственность приписал: «и передать землю крестьянам». Его недоумение вызвало предложение предоставить индонезийский крестьянам «землю за выкуп».

Внимательно прочитал Сталин и краткую аннотацию данного доклада, подготовленную Отделом внешних сношений ЦК КПСС. (16) Он сделав ряд пометок, относящихся к стратегии и тактике КПИ и выдвигаемых партией требований. Многие

положения документа вызвали скептически-иронические ремарки Сталина. Так, например, по поводу требований КПИ, направленных на отзыв всех иностранных войск из Индонезии и всей Азии, против перевооружения Германии и Японии, Сталин заметил: «Ха-ха». Такая же ремарка заключает всю аннотацию. Вместе с тем, Сталин особо выделил предложения по аграрному вопросу, отметив позитивно требование предоставления земли тем, кто её обрабатывает, добавив от себя «в частную собственность».

В аннотации документа ЦК КПИ «О политике партии в области проведения земельной реформы» (17) давалась развернутая характеристика земельных отношений и классовой дифференциации сельского населения Индонезии, приводилась подробная инструкция по работе руководящих кадров партии в деревне. Сталин, придававший особую важность крестьянскому вопросу в такой аграрной стране, как Индонезия, выделил те места, где говорилось, что в стране не было проведено коренное перераспределение земли и даже возвращены все права и привилегии на землю крупному иностранному капиталу. Он поддержал требования экспроприации (конфискации) земель феодалов, национализацию основных средств производства, передачу высших прав на землю правительству, передачу земли крестьянам в частную собственность. В целом аграрная программа КПИ возражений Сталина не вызвала.

Первой реакцией ЦК КПСС на документы компартии Индонезии можно считать помещенную в Информационном бюллетене 1952 года комиссии ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Справку о документах по вопросу Компартии Индонезии. (18)) В справке давалась оценка Письма ЦК КПИ в ЦК КПК от 20 марта 1952 года, переданного советским коммунистам лишь 23 октября 1952 года, а также Доклада о положении в КПИ от 25 октября 1952 года и содержались критические замечания, составленные с учетом реакции Сталина.

«Оба документа, представленные индонезийскими товарищами, содержат неправильные положения. В письме на имя ЦК КПК руководство КПИ заявляет, что оно не совсем согласно с некоторыми замечаниями ЦК ВКП(б). Так, например, индонезийские товарищи считают, что в Индонезии нет феодальных помещиков, земля принадлежит правительству, находящемуся под влиянием империалистов, и поэтому, по мнению индонезийских коммунистов, первостепенной задачей индонезийского народа является борьба против империализма, а не против феодализма. … Однако в докладе Асму и Субекти приводятся конкретные данные о положении крестьянства в Индонезии, которые противоречат заявлению ЦК КПИ о том, что в Индонезии нет феодальных помещиков. В докладе говорится, что «большинство земельных наделов,

которые были захвачены крестьянами у помещиков во время революции, в настоящее время снова отобраны с помощью оружия. Кроме того, крестьяне до сих пор подвергаются феодальной эксплуатации…» Далее в справке на цифровом материале показывается наличие в Индонезии крестьянского малоземелья.

«Индонезийские товарищи не согласны также с тем, что острие борьбы за подлинную независимость они должны направлять против голландских империалистов. В письме ЦК КПИ ЦК КПК говорится, что «борьба против голландских империалистов едва ли может быть отделена от борьбы против американских империалистов. Таким образом, индонезийские товарищи преждевременно бросают вызов американским империалистам, увеличивая число своих врагов и лишая себя тактического преимущества в борьбе.

По поводу замечаний о «левацких» ошибках руководства индонезийский компартии, высказанных ЦК ВКП(б), индонезийские товарищи в своем письме заявляют, что эти замечания правильны лишь в отношении оценки прошлого периода деятельности КПИ». Но авторы справки с такой постановкой вопроса не согласны. Они указывают, что в докладе Асму и Субекти наряду с правильными положениями и характеристиками «имеются и неправильные формулировки, которые могут повести к ошибкам в работе партии. Так, например, заявляя, что власть в Индонезии в настоящее время находится в руках части национальной индонезийской буржуазии, состоящей в союзе с империалистами, авторы доклада не упоминают о классе помещиков, как участнике государственной власти наряду с частью буржуазии. Индонезийские товарищи иногда характеризуют всю национальную буржуазию как агента империализма.

В докладе прямо не говорится, что индонезийская компартия должна рассматривать врагами одинаково как голландских, так и американских империалистов и должна вести борьбу против них одновременно, однако фактический материал подобран с этой целью.

В докладе приводятся требования, выдвинутые КПИ, среди которых имеются неправильные требования, не соответствующие предстоящему в Индонезии этапу революционного движения, как например, требование национализации важнейших предприятий – крупных фабрик, шахт, средств транспорта, крупных плантаций, а также больших домов, принадлежащих частным владельцам.»

В декабре 1952 года Айдит и Ньото, прибыли в СССР, где приняли участие в заседаниях Х1Х съезда ВКП(б) и праздновании семидесятилетия И.В. Сталина. 29 декабря 1952 года генеральный секретарь КПИ Айдит направил в ЦК КПСС письмо с

приложением краткого доклада о текущих событиях в Индонезии. В письме Айдит ещё раз попросил о трехсторонней встрече представителей КПСС, КПК и КПИ для обсуждения «индонезийских вопросов»: «Как Вам известно, тов. Асму, Искандар Субекти, Ньото и я прибыли сюда и ожидаем возможности обсудить с ЦК КПСС и ЦК Компартии Китая вопрос о программе КПИ. Выражаем благодарность КПСС и КПК.» (19)

6 января 1953 года индонезийские коммунисты были приняты Сталиным. Между ними состоялась беседа, запись которой не обнаружена в доступной исследователю части Архива И.В.Сталина. Однако характер обсуждения проблем теории и практики деятельности Индонезийской компартии отражен в письмах, которыми обменялись Айдит и Сталин в последующие дни.

Письмо Айдита Сталину датировано 13 января 1953 года. (20) Письмо начинается с подобострастного выражения уважения и признательности Сталину за внимание к КПИ, посредством чего индонезийцы, очевидно, стремились завоевать расположение вождя. Можно предположить, что индонезийским коммунистам стало известно раздражение Сталина тем, что они обращаются к нему исключительно через посредничество китайцев и не учитывают его замечаний и рекомендаций по партийным программам, поэтому они хотели умилостивить его, объяснить причины невнимания к его указаниям и извиниться за это. «Мы хотели бы выразить нашу радость и благодарность за предоставленную нам возможность встретиться и побеседовать с Вами по основным вопросам индонезийской революции. Это большая честь для нас, делегатов ЦК КПИ, встретиться и побеседовать с Вами, великим учителем и вождем всего человечества, слышать Ваши воодушевляющие слова, полные критики, которая так ценна и необходима для нас. Эта первая беседа и другие встречи, которые могут последовать, является величайшим событием в истории КПИ и индонезийской революции.»

В письме Айдит выражает согласие практически со всеми основными замечаниями Сталина, объясняет позицию индонезийских коммунистов по главными вопросам стратегии и тактики революционной борьбы и запрашивает мнение Сталина и его рекомендации по ним. «Товарищи Ньото, Асму, Искандар Субекти и я обсудили Ваши замечания, высказанные во время первой беседы 6 января 1953 года, по трем вопросам: 1) по аграрной программе КПИ; 2) по единому национальному фронту; 3) относительно тактики в связи с недавними политическими событиями в Индонезии.

Основные выводы нашего обсуждения следующие.

В отношении аграрной программы. Мы согласны с Вами, что со времени создания 33 года тому назад КПИ и по настоящий день аграрный вопрос в нашей партии всегда оставался на заднем плане. Как Вы разъяснили нам и как это доказано победами народно-демократических революций в Европе, а также в Азии, аграрный вопрос является чрезвычайно важным и решающим. Мы считаем правильным утверждение, что если КПИ и теперь не придаст всего значения крестьянскому вопросу, то она вновь потерпит такую же катастрофу, которая имела место в 1926 и в 1948 годах.

До конца 1951 года КПИ не имела хорошо разработанной аграрной программы.» …«В ноябре 1951 года … КПИ опубликовала свою аграрную программу, так что, когда мы в феврале 1952 года получили письмо от ЦК КПСС через ЦК КПК, наша аграрная программа была полностью готова.

Что касается лозунга «национализация земли», мы недавно поняли его неправильность. Хотя крестьяне ещё активно не выступают против этого лозунга, может быть, потому, что они ещё непосредственно не почувствовали его недостатков, но они в большинстве своем не понимают ещё значение этого лозунга и остаются пассивными или же подозрительно относятся к нему. Нам собственный опыт показал, что указанный лозунг тормозит развитие крестьянского движения. Мы полностью согласны с Вашим мнением о необходимости отказаться от этого лозунга. Как Вы разъяснили, национализация земли вообще необходима, но она не должна являться программным требованием (подчеркнуто Сталиным) в Индонезии на современном этапе.» Последняя фраза была целиком отмечена Сталиным на полях текста.

«Мы убеждены теперь, что самым важным вопросом является получение крестьянами земли в результате революции. Поэтому будет совершенно правильным выдвинуть лозунг «земля крестьянам», понимая под этим лозунгом конфискацию принадлежащей иностранцам, а также индонезийским помещикам земли без какой-либо компенсации. Мы будем разъяснять крестьянам, что нашей основной задачей является уничтожение феодализма.» Сталин поправил термин «феодализм» на «феодальные пережитки».

«Вы указали нам, что при составлении аграрной программы наша партия запуталась в законах, созданных буржуазией. Мы считаем, что в этом Вы совершенно правы.» Далее Айдит пишет, что в аграрной программе КПИ говорится о праве крестьян на пользование землей, а нужно вести дело о получении земли в частную собственность. Последние слова подчеркнуты Сталиным.

Подводя итог первому разделу письма Айдит заверяет: «Нам хотелось бы заявить, что теперь нет никаких расхождений между Вашим мнением, изложенным в письме ЦК КПСС, и нашим мнением в отношении упомянутых выше вопросов.»

Второй раздел письма Айдита озаглавлен «О национальном фронте». Он пишет: «Вы указали, что мы должны выбирать между присоединением к нам всего крестьянства или созданием национального фронта без участия крестьян. (Комментарий Сталина к этой фразе: «Этого я не говорил.» Слова «не говорил» подчеркнуты дважды.) Мы считаем, что союз с крестьянством должен быть нашей базой, так как это означает союз с громадным большинством народа.» Но иногда в тактических целях внутриполитической борьбы требуется создание общего фронта с индонезийскими политическими партиями на базе программы - минимум. (Подчеркнуто Сталиным) Айдит просит совета Сталина по данному вопросу: «Рассматривая этот объединенный фронт с другими политическими партиями, нам хотелось бы задать такой вопрос: Каково Ваше мнение (подчеркнуто Сталиным) о нем и что Вы нам посоветовали бы в отношении этого фронта?» (Сталин против данного вопроса поставил знаки + и NB, дважды подчеркнутое.)

«Что касается точки зрения тов. Лю Шао-ци по вопросу о программе национализации, в первую очередь всех основных предприятий, принадлежащих империалистам, а также предателям, точка зрения, которую Вы одобрили, то теперь мы полностью согласны с ней.»

Третий раздел письма посвящен вопросам тактики: «О тактике. Мы полностью согласны с Вашим мнением в отношении того, какой тактики необходимо придерживаться при существующей в Индонезии политической обстановке.

В настоящий момент наша задача занять как можно больше постов в руководящих органах армии. Кроме того, в интересах широких народных масс, главным образом крестьянства и рабочих, мы должны требовать конкретных уступок, в частности, потребовать вооружения народа в целях самозащиты от нападений террористических групп и в особенности, прихвостней феодалов.

Таково в вкратце наше мнение по основным вопросам, поставленным Вами в нашей первой беседе.»

В заключение Айдит информирует Сталина о документах, над которыми в текущий момент работает КПИ.

«В настоящее время мы подготавливаем:

Проект программы КПИ вместо имеющейся программы из 12 пунктов, которая далеко ещё не завершена и содержит ошибки.

Проект резолюции для наших партийных кадров и для членов партии, в которой должны быть намечены задачи тактика Компартии Индонезии, направленные на достижение в партии единства в вопросах теории и практики, поскольку в этом заключается основное условие осуществления программы нашей партии.»

При этом из письма обнаруживается, что КПИ не собирается переориентироваться с Китайской компартии на КПСС и связи и влияние КПК на индонезийских коммунистов, на их идеологию и практику остаются значительными. «При помощи наших товарищей из ЦК КПК мы подготовляем проекты указанных документов и затем, как только закончим над ними работу, представим их Вам на рассмотрение. Мы надеемся узнать Ваше мнение и получить Ваши критические замечания по указанным проектам.» (Последняя фраза помечена Сталиным знаком +) Заранее благодарный Вам, с товарищеским приветом Айдит»

Сталин ответил Айдиту письмом, датированным 16 февраля 1953 года, т.е. за две недели до своей смерти. В архиве сохранился первый вариант, написанный собственноручно Сталиным карандашом, и несколько машинописных вариантов с правками Сталина. В нашей работе цитируется чистовой вариант ответа Сталина Айдиту. (21)

Сталин начинает так: «Получил Ваше письмо от 13 января 1953 года. Я не думал отвечать Вам, так как рассчитывал, что можно отложить это дело до новой встречи с Вами. Но я узнал потом, что Ваши товарищи ждут ответа. Поэтому я решил ответить, не дожидаясь встречи.»

Далее идут конкретные замечания по основным обсуждавшимся вопросам.

«1. Крестьянский вопрос. Можно только приветствовать, что у нас не осталось больше разногласий по крестьянскому вопросу. Но я думаю, что у нас не должно быть не только разногласий, но и каких-либо недоразумений по этому вопросу. Я имею в виду одно место в Вашем письме, где сказано: «Мы будем разъяснять крестьянам, что нашей основной задачей является уничтожение феодализма». Эта фраза может вызвать недоразумение, так как люди могут подумать, что в Индонезии существует полный, стопроцентный феодализм, что, конечно, не верно. Я уже говорил во время беседы с Вами, что стопроцентного феодализма нет и быть не может в Индонезии, так же как его не было в России перед Октябрьской революцией в 1917 году, как не было его в Китае и других народно-демократических странах перед началом антифеодальной революции.

Спрашивается, что же собственно было тогда в этих странах от феодализма и что имеется теперь в Индонезии? Был там, конечно, не стопроцентный феодализм, а

были серьезные и тяжелые пережитки феодализма. О пережитках феодализма говорили русские коммунисты, когда они поднимали крестьян против помещиков в 1917 году. О пережитках феодализма говорили в народно-демократических странах во время проведения «аграрной реформы». Я думаю, что то же самое имеет теперь место и в Индонезии. Поэтому следовало бы при составлении программы формулу об уничтожении феодализма заменить формулой об уничтожении пережитков феодализма, как более точной.» …

«Возникает вопрос: что это за пережитки феодализма, в чем их сущность?

Это, во-первых, фактически сохранившееся право крупных землевладельцев–помещиков на монопольное владение землей, обрабатываемой крестьянами, при отсутствии возможности у большинства крестьян – ввиду их бедности – владеть землей и вынужденных поэтому арендовать землю у помещиков на любых условиях («монопольное право» помещиков на землю при феодализме).

Это, во-вторых, натуральная арендная плата в пользу помещика, составляющая значительную часть крестьянского урожая и ведущая к нищете большинства крестьян («натуральная повинность» при феодализме).

Это, в-третьих, система отработок в помещичьем хозяйстве, осуществляемая при помощи примитивного крестьянского инвентаря и ставящая большинство крестьян в положение крепостных («барщина» при феодализме).

Это, наконец, густая паутина долговых обязательств, опутывающая большинство крестьян, делающая их неоплатными должниками и ставящая их в положение рабов в отношении помещиков («долговое рабство» при феодализме).

Последствия всех этих пережитков феодализма известны: техническая отсталость сельского хозяйства, обнищание большинства крестьян, худосочность внутреннего рынка, невозможность индустриализации страны.

Отсюда первоочередная задача коммунистов – ликвидировать пережитки феодализма, развернуть антифеодальную аграрную революцию, передать крестьянам помещичьи земли безвозмездно на правах частной собственности.

Встает вопрос: не означает ли временный отказ от национализации земли и раздел помещичьих земель среди крестьян на правах частной собственности – отказ от социалистических перспектив в развитии сельского хозяйства. Нет, не означает.

В России можно и нужно было идти к национализации земли прямым путем, так как там существовали благоприятные для этого условия» (сохранение крестьянской общины, большевистская и эсеровская партии, пользовавшиеся доверием крестьян). В странах народной демократии, напротив, сильны были традиции частной

собственности на землю, и там к национализации пошли окольным путем: сначала отдали землю в частную собственность, но постепенно трудовое крестьянство стало добровольно объединяться в кооперативы. К национализации земли в этих странах идут посредством ограничения частного землевладения и купли-продажи земли. На это путь становится и Китай. «Я думаю, что то же будет в Индонезии после победы там аграрной революции».

«2. Национальный фронт. Конечно, если компартия до того слаба, что неспособна одновременно заняться и организацией союза рабочих и крестьян, и созданием национального фронта, то ей придется выбирать между этими двумя общественными делами и сосредоточить свои силы на организации союза рабочих и крестьян, как более важного дела. Но этот случай никак нельзя считать желательным. Желательно было бы, наоборот, чтобы партия добилась возможности построить одновременно и союз рабочих и крестьян, и национальный фронт. При этом нужно иметь в виду, что национальный фронт безусловно необходим и важен для успешной борьбы не только против внутренней реакции, но и против внешней угрозы.

Отсюда мой совет: организуя союз рабочих и крестьян на базе аграрной программы, заняться одновременно улучшением и укреплением объединенного национального фронта с тем, чтобы компартия приобрела со временем внутри этого фронта руководящее положение.

Во всем остальном Ваше письмо не вызывает каких-либо замечаний.

С коммунистическим приветом И.Сталин. 16 февраля 1953 года»

Как известно, Сталин скончался 5 марта 1953 года. Очевидно, новых встреч с лидерами КПИ или обмена письмами между ними и И.В.Сталиным не было.

В марте 1954 года состоялся Пятый национальный съезд Компартии Индонезии. На нем была принята новая программа партии, в которую так или иначе были включены данные Сталиным разъяснения и трактовки.

Прежде всего, это относилось к характеристике Индонезии как полуфеодальной страны. В более ранних документах, составленных Айдитом и его единомышленниками, определение «полуфеодальная» часто перемежалось с определением «феодальная». Так, в Программе КПИ, утвержденной в апреле 1951 года, страна называлась «полуфеодальной», а далее в том же документе говорилось, что революция направлена против «феодализма», за освобождение от «феодального гнета». В Письме ЦК КПИ в ЦК КПК от 20 марта 1952 года указывалось, что в Индонезии нет феодальных помещиков и надо вести борьбу против «феодальных обычаев и

привычек», против «пережитков феодализма», а в Письме Айдита Сталину от 13 января 1953 года уже говорится о борьбе за уничтожение «феодализма».

На отсутствие четкости в понимании Айдитом этой проблемы обратил внимание и австралийский исследователь Д. Хиндли. Он пишет: «Теория руководства Айдита по вопросу индонезийской революции базируется на представлении, что Индонезия является полуколониальной, полуфеодальной страной. Сначала партийное руководство это просто констатировало как само собой разумеющееся положение. … С другой стороны, КПИ сначала не разъясняла, как надо понимать полуфеодальный характер Индонезии, возможно потому, что до 1953 года партия не занималась работой в деревне.»

«Четкое определение, что подразумевается под словом «полуфеодальный» было дано только в июле 1953 года» в программной статье Айдита «Будущее индонезийского крестьянского движения», которая знаменовала начало интенсивной работы в деревне». Далее западный исследователь приводит основные положения статьи Айдита, в которых говорится о наличии «серьезных тяжелых феодальных пережитках» и перечисляются монополия землевладельцев на владение землей и вынужденная аренда её крестьянами на условиях землевладельцев; большие натуральные выплаты за землю, барщина, тяжелая задолженность крестьянства. (22) Если мы сравним эти положения и последующее содержание статьи Айдита с текстом письма Сталина Айдиту от 16 февраля 1952 года, влияние сталинских разъяснений и формулировок становится совершенно очевидным. Как подчеркивает Д. Хиндли, Программа КПИ 1954 года ничего нового к статье Айдита, написанной в июле 1953 года, не прибавляла. Таким образом, можно сделать вывод, что программные характеристики Индонезии как «полуфеодальной» страны были составлены под прямым влиянием советского лидера, или, по выражению некоторых западных авторов, «сталинской догмы».

Сталинские рекомендации, данные при анализе первых программных предложений КПИ от 6 октября 1950 года, прослеживаются в разделе Программы КПИ 1954 года, где говорится об основных целях индонезийской революции. Д, Хиндли отмечает, что такими целями объявляются империализм и феодализм. И хотя Айдит подчеркивает неразрывную связь между обеими целями, индонезийский лидер считает невозможным решить обе задачи одним ударом и призывает сконцентрироваться сначала на борьбе против империализма, а затем ликвидации феодальных пережитков. (23)

Высказывания Сталина оказали также влияние на выработку и уточнение взглядов индонезийских коммунистов по вопросу о движущих силах революции и союзниках пролетариата. Сталин неоднократно повторял о первостепенной важности аграрного вопроса в Индонезии, создания прежде всего не широкого антиимпериалистического, а антифеодального фронта. В анализе Программных предложений КПИ от 6 октября 1950 года он прямо подчеркнул, что основой народной демократии в Индонезии может быть только прочный союз рабочих и крестьян. Индонезийские коммунисты, в конце концов, согласились с такой постановкой вопроса, что видно из письма Айдита Сталину от 13 января 1953 года. Как отмечает Д. Хиндли, с середины 1953 года руководство КПИ усилило своё внимание и работу в деревне. Знамением поворота компартии лицом к крестьянству стало заявление Айдита в июле 1953 года о том, что «Аграрная революция составляет суть народно-демократической революции в Индонезии» (24) повторив по сути слова Сталина.

Советские рекомендации нашли отражение и при оценках национальной буржуазии и помещиков. В справке Отдела внешних сношений ЦК ВКП(б) индонезийские коммунисты критиковались за определение всей национальной буржуазии как «агента империализма». Руководство Айдита учло это замечание, разделило буржуазию на «компрадорскую» и «национальную» и в дальнейшем стремилось использовать в своих интересах противоречия «национальной» буржуазии с империализмом. (25)

Сталин главной задачей КПИ на том этапе считал борьбу против феодальной собственности на землю. В конечном итоге Айдит и его товарищи согласились с этим. Они объявили помещиков «главным врагом революции». (26)

Одним из важнейших вопросов в дискуссиях Айдита и его единомышленников и Сталиным был вопрос о национальном фронте. Обсуждение этой проблемы прослеживается по всем вышеприведенным документам отношений между ВКП(б) и КПИ.

Как пишет Д. Хиндли, с самого начала Айдит, как и Муссо, считали создание национального фронта главным направлением партийной стратегии. Однако четких определений национального фронта в первые годы руководства Айдита не имелось. Как отмечает Д. Хиндли, разработка данной проблемы заняла период с 1950 по 1952 год. Западный исследователь указывает на опыт партийной деятельности и изучение индонезийского общества как на главные факторы, способствовавшие выработке тактики, форм организации и борьбы единого фронта, которые использовались партий в дальнейшем.(27) Как свидетельствуют архивные документы, немаловажный вклад в

дело формирования взглядов индонезийских коммунистов на проблемы национального фронта внес Сталин.

Сталин считал, что создавать широкий единый национальный фронт для борьбы за полную независимость Индонезии следует одновременно с формирование антифеодального фронта. В основе такого фронта должен лежать прочный союз рабочих и крестьян. К нему можно привлечь трудовую интеллигенцию, национальную буржуазию. Постепенно в этом фронте руководящие позиции должна занять КПИ.

Можно предположить, что дискуссии со Сталиным так или иначе помогли индонезийским коммунистам уточнить свои взгляды на проблемы национального фронта. Окончательно позиция КПИ по этому вопросу была сформулирована только летом 1956 года. Эти формулировки не расходились с рекомендациями советского вождя. (28)

Сталинские рекомендации практически дословно были повторены Айдитом в его работах «Краткая история Коммунистической партии Индонезии» 1955 года, раздел 4, а также «Индонезийское общество и индонезийская революция» 1957 года, раздел 5 главы первой и раздел 2 главы второй (29)

В заключение можно с полным основание сказать, что мнения, замечания и рекомендации, (отнюдь не носящие догматического характера), высказанные Сталиным, оказали существенное, а по ряду вопросов и решающее влияние на разработку программных документов КПИ в период руководства Айдита, а также на стратегию и тактику индонезийских коммунистов в 1950-1960-х годах. Таким образом, Айдит и его соратники стали настоящими сталинистами, но не том понимании, какое вкладывают в это определение западные авторы, толкуя сталинизм как синоним жесткой линии, догматизма, революционного экстремизма и слепого следования «линии Москвы». Напротив, указания Сталина были направлены на более гибкий, прагматический курс, умеренные позиции, чрезвычайную осторожность и постепенность в решении вопросов, связанных с революцией и построением социализма.

Следует отметить, однако, что ни разу ни Айдит, ни кто-либо другой из индонезийских коммунистических лидеров ни словом не упомянули о влиянии на их мировоззрение сталинских идей. Очевидно, это было связано с тем, что после смерти И.В. Сталина новое советское и партийное руководство утверждалось под лозунгами осуждения вождя и борьбы со сталинизмом. Индонезийские коммунистические деятели, заинтересованные в помощи и поддержке со стороны СССР и КПСС, не

хотели идти вразрез с новой линией советской политики и идеологии и держались духа времени.

В доступных исследователю материалах этот период завершается тремя телеграммами соболезнования из Индонезии по случаю смерти Сталина. Телеграмма от правительства Вилопо составлена в сдержанном официальном тоне. Соболезнование от президента Сукарно носит более личностный и эмоциональный характер. В телеграмме от Компартии Индонезии индонезийские коммунисты выражают глубокую скорбь и обещают выполнить все заветы любимого вождя. (30)

Примечания.

1. Hindley Donald, “The Communist Party of Indonesia, 1951-1963.” University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1966. p.22-26.
2. Hindley, op. cit. p.31, Tornquist Olle. “Dilemmas of the Third World Communism. The Destruction of the PKI in Indonesia”. Zed Books Ltd. 1984, p.51, 72; Van Der Kroef Justus M., “The Communist Party of Indonesia: Its History, Program and Tactics”. Publication Centre University of British Columbia, Vancouver, Canada, 1965, p.130.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) ф. 558, оп. 11, д. 315, л.22-26.
4. РГАСПИ ф. 558, оп. 11, д. 313, л. 2-12.
5. РГАСПИ ф. 558, оп. 11, д. 315, л. 16.
6. Там же, л. 19-21.
7. Там же, л. 19.
8. РГАСПИ ф. 558, оп. 11, д. 313, л. 51-52.
9. Ледовский А.М. Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе-сентябре 1952 года. //Новая и новейшая история» 1997, № 2.. с.79, 83.
10. Там же, с. 84.
11. The Cold War in Asia. Cold War International History Project Bulletin, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C. Issues 6-7, Winter 1995/1996, p. 19.
12. РГАСПИ ф. 558, оп. 11, д. 315, л. 16-17.
13. РГАСПИ ф. 588, оп. 11, д. 314, л. 5-6.
14. РГАСПИ ф. 558 оп. 11 д. 314..
15. Там же, л. 7-35.
16. РГАСПИ ф.558, оп.11, д. 315, л.8-12.
17. Там же л. 27-32.
18. Там же, л.16-18.
19. Там же, л. 2.
20. РГАСПИ ф. 558, оп. 11 д. 316 л. 2-6.
21. Там же, л. 14-19.
22. Hindley, op. cit. p 32-33.
23. Ibid., p.37-38.
24. Ibid., p 41.
25. Ibid., p. 43-45.
26. Ibid., p. 45-46.
27. Ibid., p. 47-48, 55.
28. Ibid., p. 47-59.
29. Айдит Д.Н. Краткая история Коммунистической партии Индонезии М., 1956 (Aidit D.N. A Short History of the Communist Party of Indonesia. New Delhi, 1955); Айдит

Д.Н. Индонезийское общество и индонезийская революция. М., 1958 (Aidit D.N. Masjarakat Indonesia dan Revolusi Indonesia. Jajasan “Pembaruan”, Djakarta 1957).
30. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) ф. 91, оп. 6, д. 1, п. 2, л. 1-3.

Larisa. M. Efimova USSR and revival of Indonesian Communist Party.

For more than two generations, historians have been asking themselves whether Moscow participated in the organizational and ideological revival of the Indonesian Communist Party (PKI) in 1951-53. Some authors believe that the Indonesian communists defined the new party strategy and tactics independently from either Moscow or Beijing. Scholars have been eager to know whether Moscow participated directly in the promulgation of the new PKI line. Newly released documents show that Stalin played an active and personal role in the process of discussing and refining a new program for the PKI. The main ideas Stalin expressed during his discussions with the Indonesian Communists were incorporated into the new PKI program adopted in 1954, as well as in articles and speeches of PKI General Secretary Dipa Nusantara Aidit.

А.Ю. Тимофеев*

ДИПЛОМАТИЯ ПО-РУССКИ, ДИПЛОМАТИЯ ПО-СЕРБСКИ… ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СССР В БЕЛГРАДЕ, ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЮГОСЛАВИИ В МОСКВЕ

СССР и Королевство Югославии от возникновения этих государств после окончания Первой мировой войны не имели взаимных дипломатических связей вплоть до 1940 г. Угроза нападения Гитлера и выход из войны Франции вынудили Белград смягчить свой антикоммунистический курс, и в 1940 году были установлены дипломатические отношения. Сравнение биографий и дипломатической деятельности работников полпредства в Белграде и посольства в Москве представляет собой попытку изучить субъективный фактор в формировании взаимных стереотипов, повлиявший на дальнейшие контакты между руководством СССР и правящими элитами Королевства Югославии.

Ключевые слова: югославянские народы, представители СССР в Белграде, представители Югославии в Москве, королевство СХС, В.А. Плотников, М. Гаврилович

Югославянские народы имеют богатую традицию исторических связей и достаточно тесных (с учетом географической удаленности) контактов с российским государством. При этом страны, центрами которых являются Белград и Москва, на протяжении прошедшего столетия, как правило, находились в напряженных взаимоотношениях. Этому, в первую очередь, способствовала полная разновекторность политического развития двух государств, что наиболее якро проявилось в период между двумя мировыми войнами. Лишь под влиянием внешнеполитических факторов Белграду и Москве удавалось преодолевать политический антагонизм. Но и в такие моменты эти два государства разделяли дипломатические традиции небольшой нарочито эгалитарной аграрной «балканской демократии» и многовековой бюрократической империи, холодно безразличной к судьбе отдельного своего подданого[1]. Примером столь различных подходов к дипломатии может послужить сравнение руководящих лиц полпредства СССР и посольства Королевства Югославии в сравнительно кратком, но драматичном периоде накануне немецкого нашествия 1941 года.

Хотя первые официальные посланники Москвы стали действовать в Югославии лишь со второй половины 1940 года, еще до начала Второй мировой войны в полицию Сербии[2] поступили сообщения о прибытии в Королевство первых эмиссаров далекого советского государства – нелегально заброшенных на территорию Сербии агентах ОГПУ[3]. Интересно, что еще в 1938 году президент Чехословакии Эдуард Бенеш через резидента НКВД в Праге Зубова попросил Сталина, чтобы Советский Союз субсидировал переворот, направленный против правительства Милана Стоядиновича в Югославии, чтобы установить там проанглийский военный режим и таким образом ослабить немецкое давление на Чехословакию. Бенеш запросил сумму в двести тысяч долларов наличными для сербских офицеров, которые должны были устроить переворот. Получив эту сумму из Центра, резидент НКВД в Чехии Зубов выехал в Белград, чтобы на месте ознакомиться с положением. Когда он убедился, что офицеры, о которых шла речь, были всего лишь «кучкой ненадежных авантюристов», и ни на какой успешный заговор рассчитывать не приходилось, он был потрясен и отказался выплатить им аванс. Вернувшись в Прагу с деньгами, он доложил в Центр о сложившейся ситуации. Сталин пришел в ярость: Зубов посмел не выполнить приказ. На

* **Тимофеев Алексей Юрьевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (г. Белград).

зубовской телеграмме с объяснением его действий Сталин собственноручно написал: «Арестовать немедленно»[4].

Впрочем, для прикрытия своих агентов советские спецслужбы куда чаще пользовались статусом белоэмигрантов. Так, например, уже с начала тридцатых годов на территории Югославии действовала агентурная группа Леонида Леонидовича Линицкого[5]. Л.Л. Линицкий, прибывший в Югославию с волной белоэмиграции в начале двадцатых, получил льготную возможность учиться в Белградском университете как представитель русской эмиграции, пользовавшейся особой помощью и поддержкой Королевства СХС и лично короля Александра Карагеоргиевича. По окончании Белградского университета в 1931 году начал сотрудничество с ИНО ОГПУ. Обстоятельства, при которых это сотрудничество было начато, описаны в опубликованных материалах достаточно противоречиво. С одной стороны, Линицкий, согласно «Очеркам истории внешней разведки», имел опыт сотрудничества с разведотделом 13-й армии[6]. С другой стороны, в СССР в Киеве проживала мать Л. Линицкого, супруга офицера императорской армии ротмистра Л. Линицкого – отца будущего разведчика. В тридцатые годы мать Л. Линицкого была уволена с работы и осталась без средств к существованию. По данным того же сборника, Линицкому было обещано позаботиться об его матери, но ОГПУ это обещание выполнять не спешило. Как бы то ни было, задачи, поставленные перед Линицким и образовавшейся вокруг него группой, сводились в первую очередь к разведывательно-диверсионной деятельности против русской эмиграции в Югославии, в высшие круги которой благодаря своему врачебному искусству и сумел инфильтрироваться Линицкий. В конце концов его группа была раскрыта, арестована и частично выслана из Югославии в 1935—1937 гг., причем приговоры были исключительно мягкими благодаря тому, что не удалось доказать существование антигосударственной направленности в деятельности Линицкого. Интересно, что в 1941 году родной брат любовницы Леонида Линицкого Н.Г. Дараган пытался организовать подпольную группу и был арестован гестапо[7].

Потенциальные объекты для вербовки представители советских спецслужб находили не только среди истосковавшихся по Родине и испытывавших определенные материальные затруднения белоэмигрантов, но и среди местного населения, в особенности среди добровольцев, прошедших горнило гражданской войны в Испании, где советские инструкторы занимались обучением опытных диверсантов[8]. Один из таких югославских бойцов интербригад Д. Милоевич был арестован гестапо и дал, перед тем как был расстрелян, подробное описание вербовки и всей деятельности небольшой группы агентов ГПУ, руководимой Ч. Поповичем и Р. Увaличем[9]. Необходимо отметить, что и деятельность, о которой сообщил Милоевич в кабинете немецкого следователя, не носила антигосударственного характера, основным направлением работы его группы была подготовка к противодействию возможной немецко-итальянской оккупации.

В течение полугода перед началом Великой Отечественной войны активность советских государственных учреждений в Королевстве Югославии была особенно интенсивной. Дипломатические отношения на уровне миссий были установлены 24 июня 1940 г. и официально прерваны со стороны СССР 8 мая 1941 г., однако реальная деятельность Полномочного представительства СССР в Югославии длилась куда меньше.

Полномочным представителем СССР в Королевстве Югославии был Виктор Андреевич Плотников, советником – Виктор Захарович Лебедев, военным атташе – Александр Георгиевич Самохин, помощником атташе – Петр Михайлович Коваленко. Интересны судьбы этих людей, ставших на короткое время олицетворением советского государства на сербской земле.

Александр Георгиевич Самохин родился на хуторе Верхне-Бузиловка Области Войска Донского 20 августа 1902 года. В годы Гражданской войны Александр Георгиевич всей душой был на стороне красных и уже 4 мая 1919 года вступил в РККА, активно поучаствовав в боевых действиях на Восточном фронте. Способный и выдержанный паренек решился сделать своей судьбой военную карьеру: с 1923 по 1931 год он был командиром батальона, в 1920 году вступил в РКП(б). Александр Георгиевич неуклонно стремился совершенствовать свой образовательный уровень: в 1921 году окончил Пензенские пулеметные командные курсы, а в 1923 году – Киевскую объединенную военную школу имени Л.Б. Каменева (по другим данным – Казанскую

высшую военную школу им. Л.Б. Каменева), с мая 1931 по май 1934 года учился на основном факультете Военной Академии имени М.В. Фрунзе. По окончании Военной Академии, Самохин перешел на штабную работу – стал сначала начальником оперативного отделения Штаба стрелковой дивизии, а потом и начальником Штаба стрелковой дивизии. Высокообразованный офицер привлек внимание начальства, и после этого жизненный путь Самохина внезапно изменился – в 1937 году он был переведен со штабной работы и назначен начальником Орджоникидзевского пехотного училища, а в 1939 – заместителем начальника Главного управления военно-учебных заведений РККА.

В августе 1940 года Александр Георгиевич был повышен до своего следующего звания – генерал-майора и назначен военным атташе при Полномочном представительстве СССР в Югославии. Для создания целостного образа необходимо очертить судьбу генерала и после возвращения из Югославии весной 1941 года.

Практически сразу же Самохину доверили не менее ответственное и политически щекотливое задание – он был назначен командиром 29-го Литовского стрелкового корпуса (Прибалтийский особый военный округ – Северо-Западный фронт), не только находившегося на острие предполагаемого удара, но и имевшего исключительно сложный район действий и этнический состав. В сентябре 1941 года генерал-майор Самохин был назначен заместителем командующего 16-й армией Западного фронта по тылу, а это, учитывая интенсивность продвижения немецких войск на восток, в то время была вовсе не тыловая должность, которая предполагала не только сложный комплекс мероприятий по обеспечению войск всем необходимым в экстремальных условиях экстренного отступления, но и ряд вполне понятных сопутствующих действий, связанных с активным действием немецких диверсантов и их пособников. В декабре Самохина снова повышают и назначают начальником II-го отдела III-го управления Генерального Штаба, а вскоре и начальником II-го управления (информационного) Главного разведывательного управления Генерального Штаба РККА[10]. Страна переживала тяжелые дни, и армии были необходимы способные и грамотные офицеры, поэтому Самохина назначили командующим 48-й армией Брянского фронта.

Сразу же после назначения на новую должность 21 апреля 1942 года Александр Георгиевич вылетел в Елец, но летчик сбился с маршрута и перелетел линию фронта, где и был сбит над расположением немцев. Самохин был взят в плен, причем в руки немцев попали и важные секретные документы, имевшие большое значение: оперативная карта и директивы Ставки. Несмотря на столь печальные обстоятельства пленения, не внушавшие никакого оптимизма в случае возвращения на Родину, генерал-майор Самохин, в отличие от известного командующего 2-ударной Волховского фронта, отказался сотрудничать с немецкими вербовщиками, сколачивавшими РОА[11]. В начале мая 1945 года Самохин вместе с рядом других содержавшихся вместе с ним пленных советских военачальников был освобожден американскими войсками, эвакуировавшими видных пленников во Францию. Оттуда 26 мая 1945 года Самохина вместе с товарищами по плену вывезли в Москву.

В ходе расследования были выявлены перелет на сторону врага и утеря важных документов, что имело однозначное толкование в то радикальное время, и поэтому 21 октября 1945 года Александр Георгиевич был арестован и осужден к 25-ти годам лишения свободы. Вскоре после смерти Сталина 15 августа 1953 года Самохин был реабилитирован и освобожден. Вышедший на свободу Александр Георгиевич сразу же решил... продолжить образование, и в 1953/1954 году стал слушателем Высших академических курсов при Военной Академии Генерального Штаба. Однако военная карьера генерала оказалась законченной, несмотря на отмену приговора. В 1954 году генерал-майор Самохин получил утешительный орден Ленина, был уволен в запас и получил место старшего преподавателя общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ. Сильные переживания нестарого и полного сил генерала тяжело отразились на его здоровье. 17 июля 1955 года Александр Георгиевич скончался[12].

Не менее драматичной была и судьба самого полпреда Виктора Андреевича Плотникова[13]. Виктор Андреевич родился 26 октября 1898 года в городе Астрахани. Вскоре отец умер, и мать Виктора Андреевича решила переехать в Москву, к чему у нее имелось несколько причин – она была модисткой, и в Москве найти работу было легче, малярийный климат тогдашней Астрахани не способствовал здоровью маленького

Вити. В 1917 году в Москве Виктор Плотников окончил гимназию и поступил в Московский коммерческий институт. Но 1917 год в России выдался удобным для всего, но только не для учебы, да еще в Коммерческом институте. Воздух был пропитан революцией, все друзья молодого Виктора из студенческой и рабочей среды тянулись к революции и по рекомендации Председателя Казачьего Отдела ВЦИК Л.А. Коробова Плотников вступил в Агитотряд «Защита прав трудового казачества крестьян и рабочих», а в феврале 1918 года и в ВКП(б). В качестве члена агитотряда, действуя по заданиям Казачьего Комитета (позднее Казачьего отдела ВЦИК), Плотников занимался политработой в военных частях и казачьих областях в 1918—21 г. В 1921 г. был командирован ВЦИК в качестве Уполномоченного Сибревкома для организации и участия в полярной экспедиции на полуостров Ямал.

По возвращению из экспедиции Виктор Плотников поступил на экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Закончив учебу в 1926 году, Виктор Андреевич работал до 1930 года в системе рыбацкой, а затем сельскохозяйственной кредитной кооперации в Москве, на Каспиийском и Аральском морях, в Туркмении. После ликвидации оргцентров сельскохозяйственной кооперации Плотникова перевели на ответственную работу в Московскую контрольную комиссию Рабоче-крестьянской инспекции по линии сельского хозяйства области и назначили заместителем руководителя сельскохозяйственной группы МКК – РКИ.

Из РКИ Виктора Андреевича перевели в систему Народного Комиссариата Внешней Торговли. В 1932—1934 годах Плотников работал заведующий Отделом Второэкспорта в Персии. В 1935—1936 годах Плотников был заместителем директора по экспорту Урумчинской конторы «Совсиньторга» в Китае. Необходимо напомнить, что тогдашний Синьцзян был местом крайне непростым. С начала 1934 года на его территории находилась группа войск Красной Армии, усиленная танками, авиацией и артиллерией, прибывшая по просьбе китайского наместника провинции Шен-Ши-Цай для борьбы против дунганской (состоящей из местных китайцев-мусульман) армии братьев Ма, «ориентировавшихся на Японию и стремившихся создать в регионе великое дунганское государство Северо-Запада»[14]. Ситуация была столь сложной, что советские подразделения были «замаскированы» под белых, командиры Красной Армии носили погоны, а все звезды с обмундирования были удалены. Впоследствии лидер провинции Шен-Ши-Цай был принят в ВКП(б), а сам Синьцзян СССР был бы рад назвать Восточно-Туркестанской республикой, однако с началом Великой отечественной войны затея провалилась[15].

В конце 1936 года Плотников возвращается в Москву. Однако после непродолжительного пребывания в Москве (первая половина 1937 года) на должности директора экспортной конторы Всесоюзного объединения «Международная книга», Виктор Андреевич вновь отбывает «за кордон» – решением ЦК ВКП(б) № 54/83 от 28/IX-37 Плотников в качестве Первого секретаря полпредства СССР направлен в Будапешт для исполнения обязанностей поверенного в делах СССР в Венгрии. Хортистская Венгрия предвоенного времени была для советских представителей исключительно сложной страной, приближавшейся по ориентирам своей внутренней и внешней политики к гитлеровской Германии, а во многом ее и обгонявшей. Например, именно в Венгрии был принят первый в XX веке антисемитский закон Numerus clausus, дополненный в 1938 и 1939 годах еще рядом законов, претворение в жизнь которых закончилось истреблением 600 000 из 800 000 венгерских евреев. В конце тридцатых годов Венгрия как верный союзник Германии поучаствовала в разделе Чехословакии и по результатам первого Венского арбитража аннексировала 15 марта 1939 года часть Словакии и Закарпатскую Украину (общая площадь 11927 км^2, население свыше 1 млн чел.).

В марте 1939 года Виктор Андреевич Плотников был переведен на другой, не менее напряженный участок работы, вызывавший пристальное внимание СССР: с марта по сентябрь 1939 года Плотников значился советником полпредства СССР в Финляндии. Он покинул Хельсинки незадолго до начала советско-финской войны, начавшейся, как известно, 30 ноября 1939 г.

Когда внешняя политика СССР по отношению к Финляндии была готова перейти в «горячую» фазу, Плотников отбыл в соседнюю Норвегию, которая в то время не была спокойным и богатым нейтральным государством, а кипела от политических страстей,

подогреваемых правыми. Норвегия стояла на грани войны с СССР, на ее территории находились вербовочные комитеты, она посылала добровольцев и помогала переброске оружия в соседнюю Финляндию. Тем не менее, до прямого конфликта дело так и не дошло: в марте 1940 года советско-финская война закончилась, а уже в апреле того же года гитлеровские войска, вторгшиеся в Норвегию, захватили ее столицу Осло. Поэтому 15 июня 1940 года в связи с оккупацией Норвегии немецкими войсками дипломатические отношения СССР с Норвегией были прекращены.

Согласно «Журналу записи лиц, принятых И.В. Сталиным», 19 июня 1940 года Виктора Андреевича Плотникова принял лично Сталин, разговаривавший перед этим с Молотовым, причем получасовой разговор Сталина с Плотниковым проходил в присутствии самого Молотова[16]. ТАСС 25 июня 1940 года сообщил «Об установлении дипломатических отношений между СССР и Югославией» («Известия» № 145 (7217) от 26 июня 1940 г.)[17].

Директивная телеграмма Молотова Плотникову от 17 октября 1940 года дает возможность понять (или, по крайней мере, с большой долей уверенности предположить), какие указания давал Сталин своему полпреду, уезжавшему в Белград[18]. Эти директивы сводились к следующему: не вставать открыто на сторону сторонников итало-германской или англо-американской ориентации, поддерживать политическую и экономическую независимость Югославии (вплоть до продажи оружия на обычных коммерческих условиях), но в то же время полностью опровергать слухи о попытках СССР проводить по отношению к Югославии политику панславизма или советизации, избегать вмешательства в проводимые Германией политические и экономические мероприятия.

Эти устремления в целом соответствовали общей, с первого взгляда, двойственной[19], но на самом деле исключительно целостной внешнеполитической программе СССР того времени: готовиться к неизбежной войне с Германией, стараясь максимально оттянуть момент нападения последней на Советский Союз, для чего, с одной стороны, постараться не допустить дополнительного внешнеполитического усиления Германии, а с другой стороны, не раздражать ее, проводя по отношению к ней политику дружественного нейтралитета.

Дальнейшие события в Югославии не позволили осуществиться надеждам СССР на сохранение нейтральности Югославии. Учитывая то, что все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к пакту Берлин-Рим-Токио, Югославия 25 марта 1941 года была вынуждена подписать пакт. Этот документ не только гарантировал ей «от германской стороны твердое заверение насчет сохранения нейтралитета»[20], но и отличался исключительной мягкостью[21]. При подписании Гитлер обратил внимание югославских представителей на близкие отношения между Москвой и Берлином[22]. Однако лидеры Великобритании, зная о том, что возможная военная «помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае – только символической»[23], организовали (или, по крайней мере, поддержали) с помощью представителей своих секретных служб военный путч в Югославии, сопровождавшийся массовыми беспорядками[24]. «Когда всеобщее возбуждение улеглось, все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи»[25].

Трудно сказать, явился ли военный путч генералов-англофилов, сопровождаемый массовыми беспорядками, погромами и убийствами немцев, полной неожиданностью для СССР.

По крайне мере, местные коммунисты (в то время последовательные проводники всех идей Москвы, преданно колебавшиеся вслед за генеральной линией ВКП(б)) вспоминали об обратном, свидетельство тому – мемуары Светозара Вукмановича-Темпо и Милована Джиласа[26]. По их сведениям, Сербский республиканский комитет КПЮ 27 марта 1941 года издал прокламацию, направленную против Великобритании, в которой, в частности, было заявлено, что лучшая гарантия против нападения немецких империалистов – подписание пакта о взаимопомощи с СССР. Тито 29 марта 1941 года осудил англофилов и провокаторов, участвовавших в сожжении немецкого флага и погроме Немецкого туристического бюро.

В 1941 году КПЮ не смогла осмелиться выдвинуть лозунг о советско-югославском договоре самостоятельно, без санкции свыше, поэтому понятно, что мнение

СССР было выражено еще до путча как ответ на возможное подписание пакта Югославии и Германии[27]. В условиях возможного подписания Югославией пакта с Германией СССР очевидно стремился подписанием договора между СССР и Югославией выровнять международное положение и стабилизировать ситуацию. В случае нападения государств антикоминтерновского пакта на Югославию советско-югославский договор мог превратиться не в гарантию нейтральности Западных Балкан, а в объявление войны Германии.

Фактически, ситуация в чем-то напоминала вступление России в Первую мировую войну, в которую ее также втянули, использовав очередную авантюру балканских политиков, раньше намеченного срока окончания модернизации армии. Однако руководство СССР продемонстрировало куда больше реализма (или, если угодно, политического цинизма), чем Николай II и его окружение.

СССР не дал раньше времени втянуть себя в войну, причем в войну, в которую СССР заведомо вступил бы как нарушитель договора с Германией, а также потенциальный источник «панславизма и коммунизма»[28]. Кремль не подписал договора с обреченной Югославией, помочь которой после совершенной ее же собственными генералами смертельной ошибки уже, в любом случае, никто был не в силах: ни окопавшиеся в Греции англичане, спровоцировавшие путч, чтобы оттянуть часть немецких сил на борьбу с Югославией, ни далекий СССР, помощь из которого просто не успела бы поступить. Внес ли в эту оценку Сталиным югославской армии свою лепту генерал-майор Самохин? Кто знает?!.. Однако фактом остается то, что по возвращению в СССР Самохин продолжил свой карьерный рост, который прервала лишь случайная ошибка летчика, сломавшая Александру Георгиевичу жизнь.

А вот для Виктора Андреевича Плотникова последствия весны 1940 года оказались не столь радужны. По-видимому, оценки общественно-политической ситуации, которые Плотников передавал в Москву, а также его роль во влиянии на властные элиты Югославии, были оценены НКИД без особого энтузиазма. Югославия не смогла остаться нейтральной, в чем важную роль сыграли левые (но не коммунистические) партии Югославии[29], с которыми, судя по телеграмме Молотова, вел переговоры Плотников (Молотов в ответ рекомендовал ему придерживаться равновесия).

В любом случае, фактом остается то, что заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов обратился 13 августа 1941 года к секретарю ЦК ВКП(б) с просьбой отозвать в распоряжение Центрального Комитета ВКП/б/ «Плотникова Виктора Андреевича, использовать которого на работе в системе НКИД в настоящее время не представляется возможным». На документ была наложена лаконичная резолюция – «Тов. Плотников направлен работать в Наркомлес. 26.VIII.1941.»[30].

Это было концом блестящей карьеры Плотникова, успевшего в свои сорок с небольшим побывать на важных и ответственных участках внешнеполитической работы, послали в тихую гавань на место начальника сельскохозяйственного отдела в министерство Лесной промышленности. О том, что лес в словосочетании Наркомлес был настоящим, свидетельствуют и семейные воспоминания его сына Валерия, сообщившего автору статьи о том, что его мать Елена Орлова познакомилась с Виктором Андреевичем в 1949 году, будучи подчиненной Виктора Андреевича в одном из отделов в Министерстве лесной промышленности. В 1950 (1951?) году Виктор Андреевич Плотников заболел туберкулезом, от которого в 1958 году и умер.

Кроме фигуры полпреда и военного атташе, внимания заслуживают и люди, которые выполняли функцию их помощников. Помощником А.Г. Самохина работал Петр Михайлович Коваленко. Петр Михайлович родился 1 сентября 1913 года и был представителем первого поколения веселой и полной энтузиазма советской молодежи тридцатых годов. Коваленко родился в Саратовской области на территории компактного проживания немцев Поволжья (в нынешнем городе Энгельс). Поэтому, несмотря на то, что сам был русским, в совершенстве владел немецким языком. По окончании техникума в 22 года Петр Коваленко вступил в ряды РККА и окончил военное танковое училище, после чего в 1939—1940 годах участвовал в советско-финской войне, где проявил должное мужество и был награжден орденом Красной Звезды (1939).

Осенью 1940 года молодого офицера назначают на должность помощника военного атташе советского полпредства в Югославии. После начала бомбардировок Белграда гитлеровской авиацией 6 апреля 1941 года работники советского посольства на

караване автомашин попытались покинуть Белград. Коваленко находился за рулем машины советского военного атташе и проявил высокие навыки водительского мастерства и выдержки, ведя машину по крутым горным дорогам исключительно низкого качества[31]. В годы войны Петр Михайлович был награжден еще одним орденом Красной Звезды (1943).

В конце 1943 года майор Коваленко был включен в военную миссию СССР при Национальном комитете освобождения Югославии во главе с генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым и назначен помощником начальника военной миссии СССР. Весной 1944 года в связи с планировавшимся приближением армии СССР к границам Югославии, началось наступление партизанских частей из Боснии, Герцеговины, Далмации, Славонии и Черногории на Сербию, которая еще осенью 1941 года была очищена немцами и четниками от партизан и с тех пор удерживала свои границы, при участии Недичевской Сербской государственной стражи Милана Недича, Сербского добровольческого корпуса Димитрия Льотича, Югославской армии на Родине Драголюба Михайловича и частей Русского охранного корпуса.

Для организации и помощи в планировании этого наступления на места были посланы офицеры штаба и советской военной миссии. Майор Коваленко был направлен в Черногорию, войсками которой командовал генерал Пеко Дапчевич. По территории, занятой противником, Коваленко прошел около 500 километров и благополучно прибыл в штаб 2-го Пролетарского корпуса. Вскоре этот корпус из Черногории стал пробиваться к югославско-румынской границе навстречу наступающей Советской Армии. Преодолевая реки, горы и сопротивление противника, части прошли на северо-восток более 400 километров. Коваленко не отсиживался в штабах, а участвовал в организации и проведении разведывательно-диверсионных операций в тылу противника, в том числе длительных одиночных рейдов. Особенно упорные бои, в которых П.М. Коваленко принимал непосредственное участие, велись при форсировании реки Ибар и за горы Копаоник. Вместе с бойцами партизанского генерала П. Дапчевича майор Коваленко вышел в назначенный район и принял участие в Белградской операции, проводившейся Красной Армией совместно с югославскими партизанами. За проявленное при выполнении особых заданий на территории Югославии мужество майор Коваленко 24 августа 1944 года получил звание Героя СССР, а также был награжден югославским орденом «Партизанская звезда» 1-й степени[32]. После войны Петр Михайлович закончил Военную бронетанковую академию, однако здоровье оказалось подорванным тяжелыми военными годами. В 1958 году в звании подполковника П.М. Коваленко уволился из рядов ВС СССР. Петр Михайлович умер в возрасте всего 47 лет 15 июня 1960 года в Москве.

Еще одной крайне интересной фигурой в составе советского полпредства был Виктор Захарович Лебедев, подробности жизни которого мы можем восстановить наименее отчетливо, но чья фигура вызывала наибольшее количество споров[33]. Пристальное внимание на В.З. Лебедева впервые обратили немцы, спутавшие его с русским эмигрантом, Владимиром Александровичем Лебедевым, активным деятелем просоветской эмигрантской организации «Союз советских патриотов», врачом по профессии. Виктор Захарович Лебедев (1900—1968), в отличие от его вышеупомянутого однофамильца, занимался дипломатической работой. Он окончил Рязанский педагогический институт (1922) и Московский университет (1925). В 1929—40 гг., по официальным данным, он числился доцентом, заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Всесоюзной академии пищевой промышленности имени И.В. Сталина. В 1940 году был переведен в Наркомат иностранных дел (НКИД) СССР и назначен советником полпредства в Югославии. На этой должности в марте 1941 года (после отъезда в Москву посла В.А. Плотникова) он известил МИД СССР о произошедшем военном путче, а затем попытался наладить контакты с генералом Душаном Симовичем. На оккупированных территориях бывшей Югославии витали слухи о том, что якобы именно он являлся настоящим руководителем коммунистического движения сопротивления в Югославии осенью 1941 года. Подобные теории на сегодняшний день невозможно доказать или опровергнуть. Существуют лишь официальные заявления СССР военного времени, которые не могут быть названы достаточно доказательными, согласно которым Виктор Захарович до 1943 года находился на аппаратной работе в НКИД непосредственно в Москве. Лишь с 30 ноября 1943 года Виктор Захарович вновь появляется

на виду, и его появление с тех пор можно документально подтвердить: Лебедев становится послом при находящихся в изгнании союзных правительствах Бельгии и Норвегии. С 5 января 1945 года – Виктор Захарович Лебедев стал советским послом в Польской республике, которую в то время встраивали в социалистический лагерь под руководством СССР. С весны 1951 года Виктор Захарович Лебедев занимал должность посланника, а потом и посла СССР в Финляндии. В 1958 г. Лебедев вернулся в Москву, и в течение пяти лет с 1960 до 1965 гг. руководил Высшей дипломатической школой Министерства иностранных дел СССР. В 1965 вышел в отставку, скончался в 1968 году[34]. Хотя фигура В.З. Лебедева до 1943 года и окутана туманной дымкой тайны, не найдено неопровержимых доказательств, подтверждающих подозрения исследователей о двойном адресе работодателей Лебедева в Москве.

Остается открытым вопрос, какой руководящий сотрудник советского полпредства, писавший донесения на имя Начальника Разведупра Красной Армии, скрывался за псевдонимом «Софокл». Тот самый «Софокл», вращавшийся в деловых и дипломатических кругах, поддерживавший контакты с политическим бомондом югославского общества и опрометчиво написавший 4 апреля 1941 года: «Стоило только Югославии занять решительную позицию, как вместо традиционных немедленных действий, немцы седьмые сутки стоят в зверином рычании, а дивизий на границе не прибавляется»[35].

Неоспоримо, что двое из четырех ведущих чиновников советского полпредства в 1941 году, хотя бы на протяжении части своей жизни открыто были связаны с военной разведкой (Самохин позднее занимал должность начальника II-го управления (информационного) ГРУ ГШ РККА, а Коваленко активно участвовал в разработке, организации и проведении разведывательно-диверсионных операций в тылу противника в 1944 году в рядах частей П. Дапчевича). Служба Плотникова в различных горячих точка 1930—40-х также выглядит подозрительно. Вызывает сомнения и окутанный тайной В. Лебедев...

О порядках, царивших за стенами советского посольства, ярко свидетельствует случай с выпускником Белградской русско-сербской гимназии Евгением Буйницким.

В начале 1941 года на улице в центре Белграда хорошо одетый человек попросил его на чистом русском языке помочь сделать покупку в магазине, сославшись на плохое знание сербского языка. Как потом выяснилось, это был сотрудник советского посольства, который завязал с ним разговор и пригласил прокатиться на машине. В то время машины еще не были банальным транспортным средством, а служили символом высокого социального статуса, техническим чудом, привлекавшим внимание молодежи. Женя сел в машину, позднее надолго задержался в гараже, рассматривая железное чудо техники. В дальнейшем Евгений Буйницкий использовался в качестве курьера для передачи русским эмигрантам и сербским офицерам неких запечатанных конвертов, которые сотрудники представительства желали переслать без привлечения внимания почты и прочих ненужных свидетелей. Женя заметил, что в здании представительства регулярно проводились тренировки по стрельбе из бесшумного револьвера (вероятно, стоявший на вооружении оперативных работников прибор братьев Митиных «БраМит» в модификации с револьвером Нагана, бывший в то время последним словом советской спецтехники[36]) и странной борьбе (вероятно, т.н. «боевое самбо»[37]), похожей на джиу-джицу (предшественника дзюдо). Буйницкий сообщил и о том, что посольство имело детальную картотеку русских организаций, действовавших в Югославии, и даже поименный список русских эмигрантов. Эту информацию гестапо подтвердило и по сообщениям еще нескольких осведомителей[38].

Галерея представителей СССР в предвоенной Югославии объединена общими чертами отдельных лиц: преданность партийной линии и максимальное стремление к тому, чтобы как можно вернее и точнее выполнить пожелания и приказания государственного и партийного руководства и лично кремлевского самодержца. Самоотверженный труд по выполнению поставленных руководством задач подразумевался сам по себе, не вел к каким-то особым наградам и давал лишь возможность дальнейшего карьерного роста (Лебедев, Коваленко). Минимальные ошибки и чрезмерная инициативность беспощадно наказывались (Плотников, Самохин). Интересно сравнить фигуры официальных представителей СССР с представителями Королевства Югославии, прибывшими в СССР в предгрозовое время накануне войны. В качестве примера мы

можем взять самого югославского посла – Милана Гавриловича.

На всем протяжении своей дипломатической карьеры Гаврилович оставался независимым политиком – личностью, которая сама принимает решения и стремится к тому, чтобы вести независимую игру. Милан Гаврилович был лидером Сербской аграрной («земледельческой») партии, занимавшей активную антинемецкую позицию и опиравшейся на мелких предпринимателей и крестьян из сербской части Югославии. Поскольку эта партия умело использовала традиционные антинемецкие настроения сербских народных масс, после начала Второй мировой войны ее руководство смогло получить определенные дотации английского правительства[39]. Большая часть средств на нужды партии шла через руки партийного коллеги Гавриловича – Милоша Тупанянина. Согласно оценке одного из организаторов Управления специальных операций (британская разведывательно-диверсионная служба времен Второй мировой войны) Хью Дальтона, обшие затраты короны до 27 марта 1941 г. составили свыше 100 000 фунтов стерлингов. При этом вряд ли можно говорить о банальном подкупе, т.к. не только аграрии, но и большинство тех из участников заговора 27 марта, кто припадал к английским финансовым источникам, были искренне уверены в том, что Югославия должна продолжать свою традицию ориентации на союзников по Первой мировой войне.

С другой стороны, аграрии как наиболее демократичная партия меньше всех среди югославского политического бомонда были вовлечены в антикоммунистическую и антисоветскую политику, бывшую мейнстримом официального Белграда в 1918—1939 годах. Поскольку коммунистическая партия Югославии была официально запрещена, аграрии были наиболее левой партией югославской официальной политики, поэтому именно им и удалось выдвинуть своего лидера на пост первого посла королевства Югославии в СССР. К слову сказать, умеренная левизна сербских аграриев, несмотря на все перепетии, сохранилась и в послевоенной Югославии, благодаря чему им было некоторое время позволено находиться в парламенте и правительстве послевоенной демократии для придания видимости многопартийности ширме «демократии»[40]. Именно в этих условиях М. Гаврилович и был назначен первым представителем Королевства Югославии.

Собственное видение геополитических приоритетов Югославии Гаврилович ставил выше мнения королевского Министерства иностранных дел и правительства, которое направляло его в Москву. Показательный диалог состоялся между Гавриловичем и немецким послом в Югославии фон Херреном в июне 1940 г. накануне отбытия лидера аграриев к месту службы в СССР[41]. Важно отметить, что воспоминания об этой беседе оставил сам Гаврилович. Согласно этим воспоминаниям, Гаврилович в разговоре совершенно игнорировал то, что Югославия проводила курс нейтральности. Он позволил себе это в разговоре с представителем сильной и безжалостной страны, которая в то время уже показала свою военную мощь. И это несмотря на то, что нейтралитет для Югославии, не имевшей ни одного военного союзника и окруженной кольцом союзных Германии реваншистски настроенных соседних стран, значил очень много. В результате фон Херрен прямо заявил, что де югославский посол едет в Москву, чтобы постараться испортить германско-советские отношения. Это предположение Гаврилович тут же назвал «комплиментом», чем и потвердил догадку немецкого дипломата. Более того, Гаврилович ясно дал понять, что оглашенная фон Херреном цель является для балканского политика приоритетной. Он храбро и решительно заявил: «Я люблю свою страну и жизнь бы отдал свою и своих детей за нее. Я буду защищать интересы своей страны до конца!»

Столь патетическое заявление следует дополнить некоторыми деталями. Процитируем отрывок из недавно обнаруженных пространных мемуаров Бранко Лазаревича (1883—1963), выдающегося сербского интеллектуала, писателя и дипломата. «Состоялся путч. Радио вещает. Говорит король Петр II. Позднее оказалось, что король ничего не знает и что вместо него речь произнес молодой подпоручик. Вбежал в наш дом на улице Леди Колдри, 9-летний сын Милана Гавриловича и крикнул: “Кранты пакту!” (После этого он убежал из страны, и он, и вся его семья, и сегодня они в эмиграции)». А вот как Б. Лазаревич описывал дальнейшее развитие событий, имевших место еще до того, как Германия напала на Югославию. «..Начали наши самолеты летать над Белградом. Армия начала маршировать по улицам. Возбуждение до дели-

риума... Через два дня, я думаю числа тридцатого, состоялся в доме доктора Милана Гавриловича на улице Андры Николича длительный телефонный разговор с самим послом Гавриловичем... и сразу же после этого разговора вся его семья, вместе с семьей Тупанянина, выехала якобы в Боснию, а на самом деле через Болгарию в Стамбул»[42].

Однако вернемся к приезду в Москву Милана Гавриловича. Сразу же после приезда он развил бурную дипломатическую деятельность, которая нисколько не ограничивалась идеями и приказами его формального начальника – министра иностранных дел Сербии Александра Цинцар-Марковича, «скучного» карьерного дипломата (с самого начала трудовой деятельности с 1921 года). Отсутсвие дипломатического стажа вовсе не смущало Милана Гавриловича, который пытался восполнить его богатым опытом балканского политика, готового к самым разнообразным «комбинациям». Уже в ходе первого официального визита в НКИД СССР Гаврилович постарался привлечь симпатии советских дипломатов любыми казавшимися ему уместными способами. Согласно воспоминаниям представителя советской стороны, Гаврилович «зашел так далеко, что настаивал на создании Балканского союза, руководствующегося славянофильскими идеями, в котором русский язык заменит различные славянские диалекты»[43]. Крайне показательно, что Милан Гаврилович отказался публично произнести эти свои слова, или вообще что-либо произнести год спустя с трибуны Всеславянского митинга в Москве 10—11 августа 1941 г.[44]

Сразу же после столь эмоционального выступления Гавриловича в июне 1940 г. советские дипломаты сообщили об этом «куда следует», и НКВД решил завербовать активного и самостоятельного дипломата. Но едва успели начальник 3 отдела ГУГБ (КРО) НКВД П.В. Федотов и замначальника 5 отдела ГУГБ (ИНО)[45] П.А. Судоплатов выполнить задуманное, как их постигло разочарование. М. Гаврилович вряд ли годился на роль проводника советского влияния в Белграде – уж слишком он часто посещал сэра Стаффорда Криппса – посла Великобритании в СССР. Эти контакты были связаны с продолжением партийной деятельности М. Гавриловича. Дабы не отрываться от событий в Белграде и оповещать своих партийных коллег о нюансах переговоров с СССР, Гаврилович слал на имя М. Тупанянина тайные сообщения, которые он ревниво скрывал даже от глаз своего министра иностранных дел. Чтобы соблюсти эту приватность, Гаврилович пользовался услугами своего британского коллеги, с чьей помощью сообщения Гавриловича, закодированные британскими дипломатическими шифрами, летели в Королевство Югославии[46]. Не мудрено, что в НКВД его поспешили сразу же зачислить в британские шпионы.

Вскоре М. Гавриловичу удалось еще более запутать сотрудников НКИД и НКВД в нюансах своей многослойной лояльности. Осенью 1940 года югославский посол стал намекать советским дипломатам на то, что реальный адрес для переговоров представителям СССР стоит искать не в королевском правительстве, а в группе антинемецки настроенных офицеров королевского Генштаба, оппозиционных белградскому правительству[47]. В результате уже в сентябре 1940 года в Париже были начаты эти переговоры, а прекращены они были лишь после того, как стало ясно, что, несмотря на всю риторику правительства и оппозиции, Югославия стремительно движется к пакту с Германией и ее союзниками.

И все-таки М. Гаврилович, представлявший свою все еще официально нейтральную страну, продолжил опасную акробатику над пропастью войны, в которую была готова сорваться Югославия. В то время как и Сталин, и Молотов поставили его в известность, что СССР не только не будет, но и не хочет самоинициативно вступать в войну, даже в случае ухудшения ситуации на Балканах, Гаврилович передавал в Белград эту внятную позицию в крайне своеобразной трактовке. Он слал Цинцар-Марковичу сообщения о том, что якобы СССР был готов вступить в войну, и что СССР «в любом случае против нейтральной Югославии»[48]. В конце концов, Гаврилович сообщил официальному Белграду, что «...Вышинский открыто сказал, что [СССР – А.Т.] вступит в войну против Германии, если британцы откроют фронт на Балканах. Советские войска устремятся прямо на Болгарию и проливы»[49]. Трудно поверить в такую откровенность поляка и бывшего меньшевика Андрея Януарьевича Вышинского, который немотря на все эти «недостатки», смог пробиться на самый верх государства и при этом пережить самого Сталина. Трудно поверить в то, чтобы осторожный Вышинский заявил нечто, настолько отличное от курса Сталина на уклонение от конфликта с Гер-

манией. Еще труднее поверить в то, что эту откровенность Вышинский мог допустить по отношению к иностранному дипломату, да еще столь «многослойной лояльности», каким был Милан Гаврилович. Свободная интерпретация заявлений советских политиков привела к тому, что НКИД был вынужден перейти к достаточно необычным в дипломатической практике шагам. Советскому полпреду Плотникову пришлось выяснять в Белграде, насколько точно посол Югославии передает советские формальные и неформальные высказывания своему руководству в югославском МИД[50].

Верхом «самостоятельности» Гавриловича был известный диалог с югославским премьером Душаном Симовичем в ночь с 5 на 6 апреля 1941 года накануне немецкого нападения на Югославию. Тогда новое королевское правительство настаивало на подписании договора о сотрудничестве с СССР. Советское правительство, в свою очередь, не желало вносить в договор пункт о военной помощи, чтобы избежать втягивания в войну. Москва предлагала лишь договор о нейтралитете, который должен был в дипломатической форме показать Гитлеру, что нападение на Югославию будет рассматриваться как шаг, враждебный по отношению к СССР. Объективности ради стоит отметить, что в сложившейся стратегической ситуации (полное окружение Югославии враждебными государствами) прямую военную помощь Югославии СССР оказать бы не смог, даже если бы и захотел.

Характерно, что параллельно с этими переговорами, в тот же день 5 апреля югославское правительство сообщило немецкому послу в Белграде, что переговоры в Москве – результат кратковременного «возбуждения» после восстания, но против них был весь кабинет, который «хочет достичь взаимопонимания не с Москвой, а с Берлином»[51]. Новому правительству в Белграде стало уже ясно, к какой катастрофе близится вся страна.

Судя по тому, что Гаврилович заблаговременно эвакуировал свою семью, он также понимал, что ожидает Югославию. Тем не менее, Гаврилович упорно настаивал на первоначальной формулировке югославской стороны, пытаясь вовлечь в войну с Германией и СССР, наивно полагая, что Кремль будет обязан поступить в соответствии с подписанным договором. Поздно вечером 5 апреля 1941 г. посол СССР в Берлине Деканозов сообщил, что немецкое нападение на Югославию неизбежно. Сталин приказал срочно подписать договор во что бы то ни стало. Около полуночи Гавриловича разыскали на приеме у посла США и быстро объяснили ему ситуацию. Однако Гаврилович спокойно ответил, что де нет повода торопиться, и что ответ от югославской стороны поступит только утром. Но Вышинский не желал ждать и попросил Гавриловича срочно связаться с премьер-министром Югославии по телефону из здания королевского посольства и получить от него все необходимые инструкции[52].

Между премьером Югославии и послом Югославии в Москве состоялся следующий телефонный разговор.

« – Подпишите то, что вам предлагают русские, – сказал Симович.

– Не могу, генерал. Я знаю свои обязанности и что я должен делать.

– Вы должны подписать.

– Я не могу, генерал. Верьте мне.

– Подпишите, Гаврилович!

– Я знаю, что я делаю. Я не могу подписать этот документ.

– Ну ладно. Если вы хотите приказ, я тогда вам приказываю подписать!

– Я знаю, что делаю. Верьте мне».

После этого Гаврилович повесил трубку. Американский исследователь назвал этот диалог «странным и недипломатическим», израильский исследователь – «сюрреалистичным»[53].

Продолжение было еще более странным и сюрреалистичным. Это была уже беседа Гавриловича с Вышинским, очевидно слушавшим этот международный разговор. Сразу же, как только Гаврилович повесил трубку, в пустынном особняке югославского посольства вновь зазвонил телефон. «...Это был Вышинский.

– Вы приезжаете? – спросил он.

– Нет, сказал Гаврилович.

– Что!?

– Нет, сказал я, – говорю вам я не приезжаю.

– Но у вас приказ подписать; вы обязаны подписать!..

– Понимаю, но не буду подписывать. Не могу – моя рука отказывается это делать...

– Вы обязаны подписать. Вы это обязаны подписать сейчас же. У вас приказ от своего премьер министра.

– Я это не обязан подписывать. Мой премьер-министр может меня уволить или заменить на кого-то другого, но пока я здесь, я в таком виде это не подпишу...»[54].

В контексте нашей работы не столь уж важно, что в конце концов Сталин все же смягчился и приказал изменить формулировку договора, который, впрочем, так никогда и не был ратифицирован и не вступил в законную силу. Ясно, что тогда этот договор не подписывался не ради спасения Югославии, ибо ей уже ничто не могло помочь после того, как организованный англичанами путч 27 марта бросил ее под колеса безжалостному бронированному катку вермахта. Речь тут шла о сложной дипломатической игре между СССР и Германией, но это тема для другого исследования...

В данном случае интересен сам стиль дипломатической деятельности Милана Гавриловича, взгляды королевского посла на субординацию и его подход к дипломатии вообще. Уверенность в собственной значимости и свободе выбора даже на государственной службе полностью проявились в этом крайнем случае. При этом наиболее показательно, что сам Гаврилович с гордостью вспоминал об этом эпизоде своей дипломатической службы и после окончания войны. Предметом особой гордости для него было то, что он осмелился противоречить всесильному Сталину, которого и видел всего два раза в жизни. В первый раз в ходе вручения верительных грамот, а во второй раз – в злополучную ночь во время подписания договора, сразу же после «сюрреалистического» диалога. То, что Гаврилович детально вспоминал о ночи с 5 на 6 апреля свидетельствует, что его поведение не было результатом стресса и тяжелых обстоятельств, а характерным подходом к решению проблем. В ходе пребывания первого посольства Югославии в СССР было еще немало различных, пусть не столь заметных, но столь же характерных эпизодов. Подробности об этом хранят несколько объемистых коробок в Архиве Югославии, но к сожалению, их исследование выходит за рамки нашей работы.

Впрочем, и на примере самого первого посла Югославии в Москве Милана Гавриловича можно сделать вывод, что образ его мышления и поведения коренным образом отличался от модели поведения сталинских дипломатов. При этом проекции взаимного восприятия сотрудников советского НКИД и королевского МИД шли куда дальше и проецировались и на общую перцепцию партнеров в дипломатических контактах. Речь шла не об отдельном экстравагантном человеке, а о восприятии сталинской Москвой всего государственного организма королевской Югославии, который считал необходимым, чтобы в предгрозовые дни накануне войны, во время нахождения у власти антагонистических к друг другу кабинетов Драгиши Цветковича и Душана Симовича Белград представлял опытный балканский политик и сюрреалистичный дипломат Милан Гаврилович.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хотя до 1941 Сербия, а потом Югославия, являлась монархическим государством, со времени получения независимости Белград был не только местом, где располагалась небольшая резиденция сравнительно доступного массам монарха, но и разгорались активные, порой кровопролитные, политические баталии между партиями, управлявшими страной, и теми, кто прорывался к государственному штурвалу. Об этом феномене своеобразной «балканской демократии» см.: Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб. 2002; Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб. 2004; Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006.
2. ИАБ, ф. BdS, д. G-169.
3. В методологических целях стоит разделить представителей партийных (Коминтерн и его спецслужбы – в лице Отдела международных связей и Спецотдела) и государственных (НКИД и государственные спецслужбы ОГПУ, НКВД) институтов. Первые, несомненно, имели своих представителей в СХС-Югославии чуть ли не с мо-

мента основания государства, вторые (деятельность которых в Югославии и является темой данной статьи) обратили пристальное внимание на Югославию лишь в тридцатых годах, в связи с очевидным изменением внешне- и внутриполитической обстановки.

4. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996, с.72—73, 106. Книга представляет собой мемуары генерал-лейтенанта П. Судоплатова (в тридцатые годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД), который курировал многие силовые операции и ликвидации.

5. См. подробнее: *Ермаков Н.А.* Неповторимый путь Л.Л. Линицкого // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933—1941 годы. М., 1997.

6. Там же... С. 123.

7. ИАБ, ф. BdS, д. D-275.

8. Например, И. Хариш, позднее руководитель диверсионного отделения ГШ партизанских отрядов Хорватии. См. подробнее: *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1997.

9. ИАБ, ф. УГБ СП IV, д. 127. Л. 33—41.

10. О структуре Главного разведывательного управления Генерального Штаба см. подробнее: ГРУ, КГБ и другие. М., 1999, а также: *В. Кочик.* Советская военная разведка: структура и кадры / «Свободная мысль», 1998, № 5—8.

11. В заметках на полях хотелось бы обратить внимание читателя на описание судеб военнопленных генералов, среди которых упоминается и Самохин, в известном художественно-публицистическом романе: *Гагарин С.С.* Мясной Бор. М., 1991, С. 538.

12. *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб.—М., 2002. С. 295—296.

13. Автор приносит искреннюю благодарность сыну Виктора Андреевича Плотникова – Валерию Викторовичу Орлову за предоставленную им информацию и документы о судьбе первого советского полпреда в Югославии Виктора Плотникова.

14. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933—1941 годы. М., 1997. С. 217.

15. См. подробнее: *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян 1918—1941 г. Барнаул, 1998; *Бармин В.А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941—1949 г. Барнаул, 1999; *Чубаров В.В.* Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927—1933) // Советская внешняя политика 1917—1945. Поиски новых подходов. М., 1992; *Полынин Ф.П.* Выполняя интернациональный долг // В небе Китая. 1937—1940. М., 1986.; *Linda Benson* The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944—1949. London, 1990.

16. 1941 год / Россия. XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. С. 15.

17. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том IV (1935—июнь 1941 г.). М., 1946. С. 514.

18. 1941 год / Россия. XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. С. 310—311.

19. Эту тему двойственности политики СССР в 1940—1941 гг. по отношению к Королевству Югославии достаточно давно разрабатывает в своих трудах Л.Я. Гибианский. См. одну из его последних статей в на эту тему в сборнике «Двести лет новой сербской государственности» (СПб., 2005). В более подробном варианте та же статья вышла в Тиране на английском языке. *Gibianskij L.* Yugoslavia in Context of the Balkan Policy of the Soviet Union at the Beginning of the Second World War, Acta Studia Albanica. 2 / 2005.

20. *Белов Н.* Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 328.

21. Югославия не должна была помогать Германии и Италии вооруженными силами, пропускать по своей территории их вооруженные силы для ведения боевых действий в третьих странах, Германия гарантировала территориальный суверенитет Югославии и обещала принять «во внимание интересы Югославии в отношении выхода в Эгейское море, что может быть осуществлено признанием ее суверенных прав на город и порт Салоники». *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969. С. 241.

22. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 76.

23. Там же. С. 76.

24. Факт участия Секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 года

давно не вызывает сомнения у большинства историков см: *Смирнова Н.Д.* … С. 242; *David A.T. Stafford*. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 Slavic Review. Vol. 36. No. 3 (Sep., 1977). Pp. 399—419 и др.

25. *Черчилль У.* … Кн. 2, С. 84.

26. *M. Đilas.* Memories of a Revolutionary. New York, 1973. S. 369—373. *S. Vukmanović Tempo.* Revolucija koja teče. Memoari. Knjl. S. 156.

27. *Vujošević Ubavka.* Prepiska (radiogrami) CK KPJ - IKKI / Vojnoistorijski glasnik. 1/3. 1992. Профессор Вуешевич обратила свое внимание на документы с июня 1940 по декабрь 1941.

28. Вспомним еще раз телеграмму Молотова Плотникову.

29. О путче 27 марта 1941 года и роли в нем левых партий см.: *David A.T. Stafford.* Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 Slavic Review. Vol. 36. No. 3 (Sep., 1977), Pp. 399—419. Не только британцы, но и советские спецслужбы солидарны во мнении, что левые партии (в особенности «земледельцы») находились на содержании правительства Великобритании.

30. Фотокопия этого документа из личного дела В.А. Плотникова находится в семейном архиве Валерия Викторовича Орлова.

31. *Румянцев Н.М.* «Люди легендарного подвига». Саратов, 1968 г.

32. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениз. 1987.

33. Об этих спорах см: *Јовановић Мирослав* О једном неспоразуму у нашој науци или ко је био В.Лебедев? / Зборник филозофског факултетаю Серија А: Историјске науке. Књ. XVIII.

34. *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва. Вече. 2000; Дипломатический словарь в трех томах. М., 1984.

35. 1941 год / Россия. XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. 572, 736. Кн. 2. С. 24.

36. См. подробнее: *Ардашев А.Н., Федосеев С.Л.* Оружие специальное, необычное, экзотическое. Иллюстрированный справочник. М., 2003. С. 20—30.

37. См. подробнее: *В.П. Волков* «Курс самозащиты без оружия "самбо". Учебное пособие для школ НКВД». М., 1940.

38. ИАБ, ф. BdS, д. B-76.

39. Перечисление лиц и примерные объемы выплат установлены английскими исследователями. *David A.T. Stafford*. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 Slavic Review. Vol. 36, No. 3 (Sep., 1977); *Јанковић М., Лалић В., Кнез Павле*. Истина о 27 марту. Београд, 2007. С. 62.

40. При этом сам М. Гаврилович в результате своего поведения в Москве и в эмиграции в годы войны уже не был включен в состав этих «временных попутчиков».

41. Документы Милана Гавриловича находятся в Гуверовском институте (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace) Milan Gavrilović papers, 1938—1979. *Миодраг Јанковић, Вељко Лалић, Кнез Павле*. Истина о 27 марту. Београд, 2007. С. 33—35; *Хоптнер. Ј.* Југославија у кризи 1934—1941, New York—London, 1962. С. 249.

42. Изгубљена оставштина Бранка Лазаревића нађена је случајно. 2004. године у Херцег Новом. Овај цитат је наведен у «Дневнику једнога никога». Branko Lazarević, Dnevnik jednoga nikoga. (26) General Simović i avijatičari junaci dana // «Danas». 10. septembar 2008.

43. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 167 // Gabriel Gorodetsky Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. Yale, 1999. Этот израильский ученый провел исключительно объемное исследование, которое базируется на только на материалах западноевропейских и американских архивов, но и на материалах АВП РФ.

44. *Никола Б.Поповић.* Југословенско-совјетски односи у Другом светском рату. Београд, 1988. С. 259.

45. КРО – котрразведка, ИНО – разведка, ГУГБ – Главное управление государственной безопасности СССР.

46. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль, М., 1996. С. 137. Gašić Ranka,Beogradska politička i vojna elita u svetlu nemačkih i britanskih izvora pred Drugi svetski rat // Istorija 20 veka, 1/2006; *Јанковић М., Лалић В., Кнез Павле.* Истина о 27 марту. Београд,

2007. С. 72.

47. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 168.

48. *Хоптнер Ј.* Југославија у кризи 1934—1941, New York—London, 1962. С. 288—290.

49. *Миодрага Јанковића и Вељка Лалића Кнез Павле*. Истина о 27 марту. Београд, 2007. С. 16, 31.

50. *Jovanović D.* Ljudi, ljudi... medaljoni 46 umrlih savremenika. Beograd, 1975. S. 162—263.

51. Городецкий (*Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 178.) приводит это высказывание официального Белграда со ссылкой на записи немецких дипломатов. DGFP. XII. P. 463. Фајне, немецкий поверенный в делах в Белграде – МИД Германии, 5 апр. 1941 г.

52. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз, М., 2001. С. 178.

53. *Хоптнер Ј.* Југославија у кризи 1934—1941. New York—London, 1962. С. 385—386, *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз, М., 2001, с. 178.

54. *Хоптнер Ј.* Југославија у кризи 1934—1941. New York—London, 1962. С. 388.

Alexej Y. Timofeev Diplomacy by Russia, Diplomacy by Serbian. The First Soviet's Representatives in Belgrad, and the First Yugoslav's representatives in Moscow

USSR and the Kingdom of Yugoslavia didn't have any diplomatic relations till 1940 from the moment of their creation after the First World War. Belgrade has to change its anticommunist policy only after the fall of France and in 1940 the diplomatic relations were established. Comparing of Russian and Yugoslav diplomats' biographies and diplomatic activities is an adequate way to understand a role of subjective factor and mutual stereotypes in the further contacts between Moscow and Belgrade.

Е.С.Сенявская[1*]

Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Запад[2]е[**]

В статье рассматриваются причины, по которым Первая мировая война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов и сама оказалась на периферии общественного сознании. Показано влияние идеологической и политической конъюнктуры на интерпретацию прошлого, роль властных элит в формировании целевых установок ретроспективной пропаганды. Сравниваются особенности освещения военных событий 1914-1918 гг. в отечественной и зарубежной художественной литературе.

Первая мировая война 1914-1918 гг. буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 год открыл дорогу войнам новой эпохи, в которой проявилась «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонравных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия»... «В кровавой бойне отныне были попраны все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травили газами, втихомолку подкравшись, топили суда и корабли из-под воды, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в

---

1. [*] **Сенявская Елена Спартаковна** - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

2. [**] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а

воздухе, появились бронированные машины – танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных[1]».

Как же это поистине грандиозное событие начала XX столетия закрепилось в исторической памяти последующих, не столь уж многочисленных (к XXI в.) поколений? Каким запомнилось в разных странах, принадлежащих в той войне к противоборствующим коалициям? В чем особенности его восприятии в России и на Западе?

Огромное влияние на историческую память, на оценки минувших военных событий оказывают политические элиты, находящиеся в определенный период у власти и ориентированные во внешней политике на сохранение либо пересмотр итогов прошлых войн. В этом процессе, как правило, задействованы текущие геополитические, политические, экономические и другие интересы. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно его идеологические трансформации, как это и произошло в начале XX века в результате Первой мировой войны и последовавших революций в России, Германии, Австро-Венгрии и ряде других стран. В этом контексте особенно сильно на историческую память народа влияла ретроспективная пропаганда, причем степень воздействия этого инструмента на массовое сознание оказалась столь мощной, что пропагандируемые события потеснили иные, гораздо более значимые для мировой истории, освещение и оценка которых были серьезно искажены.

---

1. *Семанов С.Н.* Предисловие // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С.8.

Тем самым наглядно высветилось такое явление социальной психологии, как отсутствие прямой, жесткой связи между масштабностью, объективной значимостью для страны события и его фиксированием в исторической памяти. В России яркий тому пример – Первая мировая война, потрясшая до основания все российское общество, но память о которой была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени. Однако не меньшую роль в этом “вытеснении” мировой войны сыграла идеологическая политика советского государства. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык “империалистической” и “захватнической” с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми.

И здесь следует особо поговорить о героических символах как феномене массового, во многом мифологизированного сознания.

Любая, а тем более крупномасштабная война является экстремальной для общества ситуацией, нарушающей привычное течение жизни, подвергающей жесткому испытанию существующую в мирных условиях систему ценностей, моральное здоровье общества, его психологическую устойчивость. Регулирование морально-психологического состояния общества является одним из важнейших факторов мобилизации его ресурсов в чрезвычайных военных условиях. А наиболее действенный инструмент такого регулирования – формирование ***героических символов***, то есть обобщенных социальных образцов индивидуального, группового, массового поведения, на которые общество ориентирует своих членов в аналогичных, значимых в данный исторический момент ситуациях. Символы приобретают

значение самостоятельной социальной ценности, становятся предметом подражания в жизни и идеологическим инструментом широкого профиля - агитации, пропаганды и воспитания, прочно закрепляясь затем и в исторической памяти социума.

Первая мировая, спровоцировавшая в России внутренние революционные потрясения, закончившиеся распадом Российской Империи и Гражданской войной, до сего времени носит ярлык неудачной для страны и непонятной для народа «проигранной» войны, несмотря на принадлежность к коалиции победителей. «Ряд за рядом направлялись мужественные, печальные, равнодушные лица в сторону запада, к неведомым боям за непонят[1]ное дело», – такими, например, увидел идущие на фронт русские войска летом 1915 г. американский корреспондент Джон Рид. А для подобных войн в исторической памяти как форме общественного сознания обычно находится не слишком много места. Поэтому не случайно в народной памяти практически не сохранилось героических символов Первой мировой войны. Но все же главной причиной подобной исторической «амнезии» явилось то, что германская война переросла в революцию, которая смела и старые ценности, и олицетворявшие их символы, заменив новыми. Закономерно, что советские люди в массе своей могли назвать немало имен «героев Гражданской» (разумеется, победителей-«красных»!), но уже через десяток лет не помнили никого из героев войны предшествующей, «империалистической», которая еще недавно называлась Отечественной. (Кроме, быть может, А.А.Брусилова с его знаменитым «брусиловским прорывом», и то в основном потому, что этот царский генерал перешел на службу к Советской власти).

Это не значит, что в Первую мировую был недостаток в героических символах: широко известными становились и полные Георгиевские кавалеры,

---

1. *Рид Джон.* Вдоль фронта // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С.384.

и представители нового рода войск – авиаторы. Например, безногие летчики Александр Северский и Юрий Гильшер, предшественники Алексея Ма[1]ресьева. И автор «мертвой петли», основоположник высшего пилотажа Петр Николаевич Нестеров, который 26 августа 1914 г. впервые в истории совершил воздушный таран и сбил двухместный австрийский самолет-разведчик. О его подвиге и трагической гибели широко извещали газеты. «...Как-то совсем неожиданно на глаза мне попался клочок газетной бумаги, – записал в своем дневнике офицер Л.Войтоловский. – Чувство брезгливости боролось во мне с нахлынувшим любопытством; я не видал уже газеты около трех недель и колебался недолго. В этом обрывке “Нового времени”, которое я узнал по шрифту, я прочитал о смерти штабс-капитана Нестерова. Было подробно описано его столкновение в воздухе с австрийским летчиком, завершившееся гибелью обоих пилотов. Сообщение было несколько раз перечитано вслух, и все заговорили о Нестеров[2]е».

Пресса была основным источником информации о героях-символах Первой мировой, а также средством их популяризации. Но не только она занималась пропагандой подвигов русских солдат и офицеров. Например, сведения о Георгиевских кавалерах собирала учрежденная еще весной 1911 г. «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен». В годы войны созданный при этой комиссии Военно-художественный отряд, куда входили художники и фотографы, запечатлевал для истории картины сражений, делал зарисовки подвигов, за которые воины награждались Георгиевскими знаками отличия, создавал портретную галерею самих героев. Комиссия издавала специальную литературу, распространявшуюся среди населения, в том числе серию «Герои и трофеи народной войны[3]».

---

1. *Поляновский Эд.* Русский американец // Известия. 1997. 12 апреля; *Его же.* Юрочка // Известия. 1996. 2 ноября.
2. *Войтоловский Л.* По следам войны // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 508-509.

Георгиевским кавалерам, которые воспринимались народным сознанием как истинно русские богатыри, в героической символике дореволюционной России принадлежало особое место. Солдатский знак отличия ордена св. Георгия был учрежден в 1807 г. и предназначался для награждения солдат, матросов и унтер-офицеров, которые «действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Заслужить солдатский Георгиевский крест можно было, только совершив боевой подвиг: захватив неприятельское знамя, пленив вражеского офицера или генерала, первым ворвавшись во время штурма в крепость противника или на борт его корабля, а также за спасение в бою знамени или жизни своего командира. Не случайно Георгиевскими крестами, дававшимися исключительно за боевые подвиги и отличия «в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских», гордились больше, чем любыми другими наградами. В Первую мировую (к 1917 г.) 1-ю степень ордена получили (то есть стали полными Георгиевскими кавалерами) – около 30 тыс. человек, а 4-й степенью было награждено более 1 млн. воино[1]в.

Кого же из них мы знаем? И кого из отмеченных высшей наградой солдатской доблести можно отнести к героическим символам своей эпохи?

Полным Георгиевским кавалером еще до создания знаменитого «батальона смерти» стала женщина-доброволец Первой мировой войны М.Л.Бочкарева, – фигура действительно символическая, за что и была в 1920 г. расстреляна большевиками. Известно, что будущие «красные командиры» С.М.Буденый, В.И.Чапаев и некоторые другие имели Полный бант, то есть все четыре солдатских Георгиевских креста, однако в советское время данный факт старались не афишировать. Эти люди, несомненно, являлись символами, но уже другой, Гражданской войны, к которой «царские кресты» отношения не имели. Иметь награды старой русской армии при советской власти было

---

3. Родина. 1993. № 8-9. С. 156-157, 185, 191.

1. *Дуров В.* Георгиевские награды // Георгиевские кавалеры. Сборник в 4-х т. Т. 1. М., 1993. С. 11-12.

небезопасно: слишком многие из-за них оказались в подвалах ЧК, а чудом уцелевшие в 20-е годы сгинули позже, в 37-ом. Тем не менее, во время Великой Отечественной войны многие солдаты – участники Первой мировой – с гордостью носили Георгиевские знаки отличия: в обеих войнах врагом была Германия... Так, полный Георгиевский кавалер донской казак К.И.Недорубов в Великую Отечественную был удостоен звания Героя Советского Союза, но при этом так и не стал символом ни одной из двух войн, в которых проявил доблесть.

Героиня Первой мировой сестра милосердия Раиса Михайловна Иванова прославилась не только тем, что оказывала помощь раненным непосредственно на передовой, под огнем неприятеля. Когда командир роты и все офицеры были убиты, она приняла на себя командование и повела солдат на штурм вражеской траншеи, во время которого была смертельно ранена. Награжденная посмертно офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени, Иванова оказалась единственной женщиной (если не считать учредившую орден Екатерину II), удостоенной этой выс[1]окой награды, но и она не превратилась в символ, сохранившийся в исторической памяти народа.

В то время главными национальными символическими фигурами, воплощавшими народный патриотизм, стали казаки, более близкие к народной аудитории по своему социальному об[2]лику. Так, например, Кузьма Крючков – реальный герой, убивший в кавалерийской атаке нескольких немцев, превратился в персонаж лубочной пропаганды – почти мифическую фигуру, собирательный образ лихого русского казака. В армии и среди гражданского населения распространялись брошюры и открытки (аналог листовок более позднего времени) с описанием его подвигов, сильно преукрашенных и преувеличенных.

---

1. Там же. С. 8-9; *Сенявская Е.С.* «Душа моя была уставшая...» // Родина. 1996. № 3. С. 101.
2. Из рецензии на монографию немецкого историка Х.Ф.Яана «Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны». См.: Отечественная история. 1998. № 4. С. 187.

Кто же такой Кузьма Фирсович Крючков и почему он оказался одним из главных претендентов на роль символа? Донской казак (род. ок. 1890 г.), первый Георгиевский кавалер в войну 1914-1918 гг., к ее концу он имел два Георгиевских креста и две медали, то есть даже не стал кавалером полного банта, хотя и был первым, получившим крест 4-й степени. Дослужился до звания подхорунжего. Его именем были названы папиросы и пароход, портреты печатались на первых страницах журналов, подвиг был запечатлен на многочисленных плакатах и лубках. Показательно, что на фронт, чтобы специально познакомиться с героем, приезжали столичные дамы. В Гражданскую казак К.Крючков сражался против большевиков. За боевые отличия в восстании против них на Дону был произведен в чин хорунжего. Погиб он в 1919 г. в бою под д.Лопуховка Саратовской губерни[1]и.

В советское время (и далеко не случайно!) казаки воспринимались как «главная опора царизма», «душители революции», «белогвардейцы». Новая власть не только ликвидировала казачество как особое военное сословие, но и старалась вытравить саму память о нем. Поэтому и этот символ Первой мировой не закрепился в долговременной памяти народа, оставшись знаковой фигурой лишь своего времени. Однако интересно такое свидетельство. 14 декабря 1941 г., в разгар контрнаступления под Москвой, московский журналист Н.К.Вержбицкий записал в своем дневнике: «Боец Ибрагимов в один день из автомата, винтовки, штыком и гранатой уничтожил 70 солдат и 3 офицера. Получил Героя Советского Союза. Промелькнула о нем газетная заметка, и через два дня он забыт, как и тысячи других героев. А как при царе в[2]озились с Кузьмой Крючковым!» В сознании людей образованных, современников и участников Первой мировой, это имя все-таки сохранилось. И здесь интересны как сами проводимые аналогии между героями двух войн, так и упрек к советской пропаганде, быстро забывающей солдатские подвиги.

---

1. Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 728.
2. Там же. С. 494-495.

Но в целом можно констатировать, что Первая мировая война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов.

Было приложено максимум усилий, чтобы “вытравить” все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем, в качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Именно Октябрьская революция и Гражданская война оказались в советское время главными пропагандируемыми событиями, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.).

Всем этим объясняется тот парадоксальный факт, что крупнейшее потрясение начала XX века - Первая мировая война - в отечественной художественной литературе, в отличие от зарубежной, осталась преимущественно “в тени”. В основном она была отражена в полухудожественных-полумемуарных произведениях малоизвестных авторов, выходивших в годы самой войны и сразу после ее окончания, которые не оставили заметного следа в литературе, хотя в качестве исторического источника представляют немалу[1]ю ценность. Что касается произведений крупных советских писателей, то в них она, как правило, - за

1. См.: *Окунев Я.* Воинская страда. Пг., 1915; *Федорченко С.* Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917; *Лугин Н. [Степун Ф.А.]* Из писем прапорщика-артиллериста. *Ропшин В. [Савинков Б.В.]* Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918; *Тимофеев Б.* Чаша скорбная. М., 1918; *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929; *Арамилев А.* В дыму войны. М., 1930; *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1931; *Падучев Вл.* Записки нижнего чина. М., 1931; и др.

редким исключением - проходила второстепенным фоном, так как их военная проза была посвящена преимущественно революции и гражданской вой[1]не

За пределами Советской России тема мировой войны продолжала волновать русских писателей-эмигрантов, однако среди созданных ими произведений на эту тему не оказалось действительно масштабных и заметных, хотя некоторые из них интересны как разновидность художественной мемуаристики. В то же время на Западе Первая мировая породила целый поток произведений, созданных в межвоенный период 1920-х - 1930-х гг. и ставших классическими. В них проявились две противоположных тенденции. Одна из них, антимилитаристская, которую тесно связывают с получившим самостоятельную жизнь термином "потер[2]янное поколение", предостерегала и предупреждала об опасности развязывания [3]новой мировой войны, а вторая, напротив, психологически готовила войну, романтизируя и воспевая ее и подстегивая (особенно в Германии) реваншистские и[4] милитаристские настроения. Причем характерно, что пацифистская тенденция доминировала в странах-победительницах, тогда как милитаристская – в странах, проигравших войну. Во многом это связано с объективными итогами Первой мировой, в которой потерпевшие поражение многое проиграли, но победившие, особенно с учетом заплаченной за это цены, – мало что выиграли. Бессмысленность "мировой бойни" была наиболее очевидна именно со стороны победителей. Эту позицию – в действительности массовую для непосредственных участников боевых действий – выражали писатели, которые сами еще

1. *М.Шолохов* "Тихий Дон"; *А.Толстой* "Хождение по мукам"; *Вс.Вишневский* "Война"; *Н.Тихонов* "Война"; *К.Федин* "Города и годы"; *С.Сергеев-Ценский* "Брусиловский прорыв"; и др.

недавно сидели в окопах в роли “пушечного мяса”, а затем стали “голосом” своего поколения.

Иными были распространенные настроения на стороне проигравших, прежде всего в Германии. Надежды на близкую победу, рухнувшие в результате ноябрьской революции 1918 г., несправедливость последовавшего затем Версальского мира, унижение и разорение страны, - все это явилось фрустрирующими факторами немецкого национального сознания. И “певцами войны” стали не только вышедшие из окопов рефлексирующие “эстеты и интеллектуалы” (Э.Юнгер), но и новые политики. Не будем забывать, что “Майн Кампф” Адольфа Гитлера – продукт все тех же событий и тех же настроений, распространенных в послевоенной Германии.

Первая мировая война выявила широкий спектр психологических эффектов, связанных с отражением одного и того же события в исторической памяти разных стран, социумов, народов, социальных и иных слоев. Она

---

2. Lost generation (*англ.*), verlorene Generation (*нем.*), génération perdue (*франц.*) - переводится и как “потерянное поколение”, и как “погибшее поколение”. Это выражение, прозвучавшее в случайном разговоре применительно к молодежи, побывавшей на войне, и ставшее одним из самых распространенных литературных ярлыков XX столетия, получило известность благодаря Э.Хемингуэю, сделавшему его эпиграфом своего романа “Фиеста” (“И восходит солнце”), вышедшего в свет в 1926 г. Рассказ об эпизоде, связанном с появлением выражения “потерянное поколение”, см.: *Хемингуэй Э.* “Праздник, который всегда с собой” // *Хемингуэй Э.* Собр. соч. в 4-х тт. М., 1968. Т. 4. С. 395. Однако наиболее ярким выразителем мировоззрения “потерянного поколения” с его антивоенным пафосом считается другой писатель - Эрих-Мария Ремарк. Обычно в этой связи вспоминают его роман “На Западном фронте без перемен”, который открывается эпиграфом, в котором также звучит слово “поколение”: “Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов”. Есть у Ремарка и другой роман - с символическим названием “Возвращение”, об “отсроченных” последствиях войны. Чувствуя себя изгоями, герои Ремарка отчаянно держатся друг за друга, готовые к конфликту с властями, со всем враждебно настроенным миром, в который они никак не могут вписаться, и обвиняют лицемерное общество, сначала пославшее их на войну, а затем отторгнувшее их. См.: *Ремарк Э.-М.* На Западном фронте без перемен. Возвращение. Романы. Пер. с нем. М.-Харьков, 1999.

выявила большую зависимость “официальной” исторической памяти от идеологии и политики, и в то же время определенную автономность “стихийной” памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей. Наконец, выявилась очень значимая роль “культурной фиксации” военного опыта в произведениях литературы, мемуаристики и т.д. Относительно кратковременная историческая память о Первой мировой войне – в масштабах поколения ее участников и современников – стала важным фактором дальнейшего развития мировой истории, повлияв на мотивацию реваншизма в потерпевших поражения странах, на реакцию “избегания” и нерешительности в отношении потенциального агрессора среди элит “западных демократий” накануне Второй мировой войны, вылившуюся в политику “умиротворения” Гитлера и Мюнхенский сговор. Более поздняя, “отсроченная” память о Первой мировой, безусловно, в массовом сознании была вытеснена более масштабными, значимыми, кровавыми событиями новой мировой войны, а в официальной исторической памяти – в политике, идеологии, системе образования и т.д. – фиксировалась в соответствии с интерпретацией властных элит конкретных стран, в том числе и для обеспечения их текущих интересов и соответственно международной конъюнктуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

3. Анри Барбюс “Огонь” (1916); Ярослав Гашек “Похождения бравого солдата Швейка” (1923); Эрнест Хемингуэй “В наше время” (1925), “Фиеста” (1926) и “Прощай, оружие!” (1929); Арнольд Цвейг “Спор об унтере Грише” (1927); Эрих-Мария Ремарк “На западном фронте без перемен” (1929), “Возвращение” (1931) и др.; Ричард Олдингтон “Смерть героя” (1929); и др.

4. Эрнст Юнгер - идейный антипод Ремарка, “певец войны”. В своем автобиографическом романе “В стальных грозах”, созданном на основе дневниковых записей, он убеждает читателей в том, что война - самое естественное проявление человеческой жизни, что только она может принести народу обновление, а без нее начинают преобладать застой и вырождение. Творчество Юнгера, весьма популярное в послевоенной Германии, психологически готовило немецкую нацию к военному реваншу. См.: *Junger E.* In Stahlgewittern. Berlin, 1920; *Юнгер Э.* В стальных грозах. Пер. с нем. СПб., 2000; Героика и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э.Юнгера // Философия человека: Традиции и современность. Вып. 2. Сб. обзоров. М., 1991. С. 196-221; Э.Юнгер и “новый национализм” // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372-384.

Elena S. Senjavskaja Historical Memory of the First World War: Notes on its Shaping in Russia and in the West

The article deals with the reasons, why the First World War didn’t leave stable heroic symbols in the historical memory of the Russians and occupied only marginal place. The influence of ideological and political background on the interpretation of the past, the role of the power elite in shaping the aims of the retrospective propaganda. The picture of the military events of 1914 – 1918 in Russian and foreign fiction literature has been given on the comparative basis.

А.М. Филитов[1]

«Комиссия Ворошилова» - ведущий орган советского планирования по Германии в период Великой Отечественной войны.

Статья посвящена деятельности "Комиссии по вопросам перемирия" учрежденной в Народном комиссариате по иностранным делам в сентябре 1943 г. Возглавляемая маршалом К.Е. Ворошиловым она играла решающую роль в разработке условий безоговорочной капитуляции Германии, имеющих цель основать после войны демилитаризованное, денацифицированное и демократическое германское государство.

После того, как в 1943 г. был достигнут коренной перелом в Великой Отечественной (и второй мировой) войне, приобрела насущную актуальность проблема выработки конкретных проектов послевоенного мирного устройства, в частности, в том, что касалось будущего Германии. Выполнению этой задачи должны были служить три плановых органа, образованные при Наркоминделе: «Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства» во главе с бывшим послом СССР в США, заместителем наркома иностранных дел М.М. Литвиновым, «Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками» во главе с бывшим послом СССР в Великобритании И.М. Майским (он также получил пост заместителя наркома) и, наконец, «Комиссия по вопросам перемирия», которую возглавил маршал К.Е. Ворошилов. Деятельность первых из двух названных комиссий была освещена автором этих строк в статье, опубликованной в сборнике, вышедшем к пятидесятилетию Победы под об[2]щей редакцией О.А. Ржешевского. По ряду причин в этой статье не нашла практически никакого отражения работа третьей из них- «комиссии Ворошилова». Не была затронута эта тема и в опубликованно[3]й в том же сборнике статье Г.П. Кынина. Отдельные ее аспекты стали предметом рассмотрения в докладе, который

1. ***Филитов Алексей Митрофанович*** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

2. См. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела…//Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995, с. 54 – 71.

автор представил на конференции, посвященной истории европейской интеграции, и котор[1]ый был опубликован в сборнике ее материалов. Небольшой раздел, посвященный деятельности «Комиссии Ворошилова», вошел в статью, посвященную более общей теме о[2] эволюции советской политики в германском вопросе. Между тем, тот вклад, который эта структура внесла в разработку основ послевоенной политики в отношении побежденных стран – прежде всего- в отношении Германии, весьма значителен, и заслуживает отдельного самостоятельного анализа. Определенной попыткой в этом направлении является данная статья.

Остановимся вначале на персональном составе и организационной истории «Комиссии Ворошилова». Ее членами были маршал Б.М. Шапошников (заместитель председателя), дипломаты В.П. Потемкин и И.М. Майский, генерал А.А. Игнатьев (бывший генштабист дореволюционной российской армии, в период первой мировой войны – военный агент (атташе) России во Франции), М.Р. Галактионов (редактор «Красной звезды»), С.Б. Крылов (видный правовед- международник), адмирал И.С. Исаков, С.Т. Базаров (сотрудник НКИДа, секретарь). Итоговый отчет о работе Комиссии, датированный 14 февраля 1946 г., фиксирует 55 ее заседаний, имевших место в период с 6 сентября 1943 по 29 июня 1944 г. Первой крупной разработкой комиссии был «Документ о безоговорочной капитуляции Германии» от 3 февраля 1944 г. Текст содержал 158 статей, в которых подробно перечислялись военные и политические условия, принять которые должны были «Германское правительство, Верховное Командование вооруженных сил Германии и германский народ». Отдельные положения проекта еще более конкретизировались в приложенном к нему «Протоколе» из пяти разделов.

---

3. См. Кынин Г.П. Антигитлеровская коалиция и вопрос о послевоенном устройстве Германии // там же, с. 166- 176

1. Филитов А.М. Европа в советских планах послевоенного устройства // История европейской интеграции (1945 – 1994). Под ред. А.С. Намазовой и Б.Эмерсон. М., 1995, с. 17 – 29.

2. Филитов А.М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941 – 1961 гг.)// Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. ред. Н.И.Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003, с. 223 – 256.

Востребованными поначалу оказались однако лишь проблемы демаркации зон оккупации и военные положения документа. В короткий срок Комиссия разработала три варианта «Кратких условий капитуляции», где рассматривались именно эти вопросы (от 4, 8 и 12 февраля). Несколько заседаний в конце февраля- начале марта 1944 г. были посвящены проблемам установления гражданской администрации во Франции, Норвегии и Бельгии, а с 22 -го заседания (13 марта 1944 г.) комиссия сосредоточилась на обсуждении политических аспектов германской проблемы- с явным выходом на долговременную перспективу. Это период работы комиссии достаточно хорошо отражен в сохранившихся документах - «Протоколах» и «Дневниках». Первый вид источников представляет собой краткий перечень обсужденных на заседании вопросов и принятых решений; второй (наиболее информативный) излагает ход дискуссии. Составлялись эти документы секретарем Комиссии- сотрудником НКИДа Базаровым.

Постановлением СНК от 29 июня состав комиссии и ее функции были резко сокращены. В июле- августе пять заседаний были посвящены обсуждению условий перемирия с Финляндией, Венгрией и Румынией. Затем комиссия вернулась к германским делам, в основном, корректируя и дополняя проекты приказов, которые должны были отдать союзные главнокомандующие после взятия на себя власти в отдельных зонах оккупации. Заседания комиссии в это время не протоколировались (если они вообще имели место[1]).

Мандат «Комиссии Ворошилова» был значительно шире, чем это можно было судить по ее названию. Дело в том, что еще до образования трех упомянутых комиссий был сформулирован принцип, согласно которому перед советской дипломатией ставилась задача «путем условий перемирия по возможности предрешить основные пункты будущего мирного дого[2]вора». Тексты мирных договоров со странами- союзниками гитлеровской Германии, выработанные державами- победительницами и вступившие в

1. См.: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 15, д.150, лл. 2-4.

2. СССР и германский вопрос. 1941- 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1: 22 июня 1941 г.- 8 мая 1945 г./ Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996, с. 222.

силу в 1947 г. действительно в значительной мере соответствовали содержанию подписанных с ними ранее, еще в ходе войны, соглашений о перемирии. В этой связи можно говорить о известном совпадении компетенций и задач «Комиссии Литвинова» и «Комиссии Майского», с одной стороны, и «Комиссии Ворошилова», с другой, параллелизме в их работе. Сразу же возникает вопрос: чем объяснить такой феномен? Шла ли речь о некоей бюрократической путанице? Вовсе нет. Дело в том, что советское планирование по проблемам послевоенного мира, в частности, по германской проблеме носило ярко выраженный плюралистический характер. Разрабатывались различные концепции и проекты. Одни из них носили стратегический характер, отражая глубинные интересы государства, другие – тактический, учитывали необходимость определенным образом считаться с мнениями и установками союзников по антигитлеровской коалиции. В частности, если у Литвинова и Майского как руководителей соответствующих плановых органов весьма сильно проявлялся ультражесткий подход к Германии и к немцам, включавший в себя идеи расчленения германского государства и деиндустриализации как гарантий против будущей агрессии, то совсем другой подход отражался в дискуссиях и рекомендациях комиссии Ворошилова. Ее участники исходили из предпосылки сохранения единого германского государства с центральным германским правительством и с определенной силовой компонентой.

Приведем несколько конкретных фактов, подтверждающих этот тезис. На 25-м заседании (25 марта) при обсуждении «проекта об оккупации» (его готовил А.А. Игнатьев) было отмечено, что расходы на содержание оккупационных органов должны «оплачиваться Германским правительством», а «для охраны границ Правительства СССР, Соединенного Королевства и США могут разрешить использование отдельных частей германской полиции порядка[1]».

На 32-м заседании (27 апреля) тема о германском правительстве всплыла при обсуждении вопроса «о положении личного состава германских вооруженных сил после разоружения и объявления военнопленными». Дискуссия приняла любопытный оборот. Председатель комиссии поставил вопрос о возможности использования военнопленных в

1. АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 15, д.150, л. 64.

качестве рабочей силы после окончания войны, отметив, что это будет иметь место «по-видимому, преимущественно на строительстве дорог, на восстановлении зданий, а также в жилищном строительстве и на сельскохозяйственных работах»- но не в промышленном производстве. Майский выразил несогласие с таким ограничением: «можно даже выделить некоторые фабрики, которые целиком будут обслуживать пленные немцы». Вмешался маршал Шапошников, указав, что от применения труда пленных вряд ли можно ждать большого эффекта; он наблюдал, как они ремонтировали плотину возле его дачи в Архангельском: дел там было максимум на два дня, а они возились неделю. Майский снова не согласен: «производительность труда во многом будет зависеть от того, как мы организуем работу этих лиц». Ворошилов разъясняет свою точку зрения:

«Германских военнопленных правильнее будет использовать на сельскохозяйственных, и в частности, полевых работах, которые носят характер временных работ, в то время как работа на фабриках и заводах является постоянной и использовать на этой работе после капитуляции немцев, у которых в Германии будут оставаться семьи, домашние очаги и т.п., будет нелегко».

Майский, не отказываясь от своей мысли о массовом и повсеместном использовании немецкого труда, несколько ее модифицирует: «можно организовать так, чтобы одна партия военнопленных сменяла другую… На их место Германское правительство обязано будет присылать другие партии германских работников». Дискуссия переходит в русло обсуждения конкретных запросов на немецкую рабочую силу и правовых норм, которыми ее применение должно регулироваться, но тут слово берет генерал Игнатьев и делает самое радикальное предложение: «После пленения германской армии мы можем отпустить немцев домой, а по истечении известного срока потребовать у Германского правительства известное количество рабочей силы». Ворошилов возражает: надо все же «предрешить вопрос» о формах и масштабах использования немецкого труда, «согласовав его с союзниками». Майский, ссылаясь на проект программы английских лейбористов, заверяет, что особых проблем с союзниками по этому вопросу не буде[1]т.

---

1. Там же, лл. 91-94

Далее в «Дневнике» следует описание того, как на том же заседании обсуждался второй вопрос- «как поступить с учетными документами германских военнослужащих после капитуляции Германии». Согласно проекту, разработанному маршалом Шапошниковым, они подлежали уничтожению- «хотя бы уже потому, чтобы они не могли быть использованы для проведения новой мобилизации и для организации вновь вооруженных сил Германии», как выразился автор проекта в обоснование своего предложения. Ворошилов выразил сомнение:

«Союзникам отнюдь нечего бояться списков. Бояться надо, сказал т. Ворошилов полушутя, - пушек, танков и другого оружия, а не списков. Наоборот, списки нужны для того, чтобы, учитывая в течение всего периода оккупации Германии германских военнослужащих, использовать их надлежащим образом на работах по восстановлению народного хозяйства союзных стран». Майский добавил, что использование труда солдат вермахта следует предусмотреть и после окончания оккупации: «после заключения мирного договора они перестанут быть военнопленными; но в самом мирном договоре должно быть прямо указано, что Правительство Германии будет периодически заменять одну партию бывших военнопленных, используемых на восстановительных работах в соответствующих союзных странах, новыми контингентами германских рабочих», в чем, по его мнению, «Германское правительство само будет заинтересовано», ибо налицо «необходимость всемерного сокращения тяжелой промышленности Германии», а «это вызовет большую безработицу[1]».

Материалы этой дискуссии интересны не только тем, что практически все ее участники исходили из перспективы сохранения в Германии после войны эффективного и ответственного правительства. В разгар войны в отношении будущей судьбы солдат противника был проявлен подход, который без преувеличения может быть назван гуманным. Ярче всего это проявилось у двух представителей генералитета- Ворошилова и Игнатьева. Интересна позиция Майского: в известной записке от 11 января 1944 г. он выступал как сторонник ее «раздробления» Германии, но в качестве члена «Комиссии

1. Там же, л. 95.

Ворошилова» он уже принимает как само собой разумеющееся существование «Правительства Германии» (именно так – в единственном числе!).

Как Майский, так и Литвинов несколько пренебрежительно относились к «гуманитарному» аспекту будущей политики в отношении Германии: проблема «перевоспитания» немцев считалась ими «неактуальной». В «Комиссии Ворошилова» было по-иному.

На ее 31 -м заседании, состоявшемся 26 апреля 1944 г.,- за день до обсуждения проблемы военнопленных, возник вопрос- что делать с литературой по военному делу и военной истории, имевшейся в библиотеках и книгохранилищах Германии. В подготовленном проекте предлагалось простое решение- всю ее изъять. Член комиссии С.Б. Крылов предложил поправку- изъять «только такую, которая содержит пропаганду идей милитаризма и агрессии и не изымать остальную военную литературу». Маршал Шапошников не согласился- «надо изъять всю военную литературу, независимо от того, когда и кем она была написана». Более того- надо будет запретить «издание, распространение и ввоз иностранной военной литературы». Посыл простой- «немцев надо разоружить не только физически, но и духовно». Далее в «Дневнике» следует подробное изложение мнения главы Комиссии:

«Тов. Ворошилов, соглашаясь с предложением о том, что немцев необходимо разоружить также и духовно, указывает, что немцы для подготовки настоящей войны широко использовали иностранную военную литературу и в том числе нашу (например, танковому и парашютному делу они учились у нас). Однако это не означает, что после капитуляции Германии из этой страны должна быть вывезена или уничтожена на месте всякая военная литература. Для демилитаризации Германии необходимо, во-первых, чтобы в этой стране существовала не регулярная армия, даже в сокращенном составе, а милиция в количестве, определенном союзниками, и подлежащая повседневному контролю со стороны последних. Если мы хотим, - продолжает т. Ворошилов,- перевоспитать немецкий народ, то для этого необходимо прежде всего завоевать большую часть его на свою сторону, а не ограничиваться тем, что наложить на него цепи, лишив его возможности читать какую бы то ни было литературу. Спора нет о том, что в период перемирия с немцами нужно поступать как можно более круто, однако, лишать их самых

элементарных привычек мы не можем. Было время, когда Антанта строила всякие комбинации над Германией и германским народом, сложившим оружие после первой империалистической войны. Тогда мы искренне сочувствовали этому народу. Однако Антанта тогда задумала в отношении Германии и германского народа целый ряд серьезных мероприятий, но ни одного из них не провела в жизнь. Больше того, сама Антанта сразу же после заключения Версальского договора начала содействовать возрождению Германии и германской военной мощи.

Переходя к вопросу о демилитаризации Германии, т. Ворошилов сказал, что при проведении мероприятий по демилитаризации Германии необходимо исходить из того, что немцы и после капитуляции останутся все же людьми. Однако, воспитываться они должны не на милитаристской, а на общей литературе. Из этого следует, что изымать и уничтожать нужно не всю военную литературу, а лишь ту литературу, которая будет включена в заранее составленные и согласованные между союзниками списки».

Эта мысль и была зафиксирована в решении Комиссии- с важным добавлением о том, что соответствующий список будет «передан Германскому правительству[1]».

На основании такого же заблаговременно подготовленного совместно с союзниками списка предусматривался процесс чистки германской политической жизни от нацистского влияния (вначале предусматривалось автоматическое интернирование всех функционеров НСДАП- вплоть до блокляйтеров- общей численностью до 600 тыс. человек, в конечном счете было решено, что в отношении среднего и низшего звена будет взят на вооружение дифференцированный подход, причем опять-таки карательные меры по этому списку должно было бы осуществлять «Германское правительство»). Дискуссия и принятие решение по этому вопросу имели место 4 мая, на 34-м заседании Комисси[2]и.

Тогда же был рассмотрен еще один вопрос- о том, является ли законодательство Веймарской республики приемлемой заменой для подлежащего ликвидации законодательства нацистского режима. Майский, к которому обратился в этим вопросом председатель Комиссии, ответил на него утвердительно, хотя и с оговорками:

1. Там же, лл. 84-88
2. Там же, л. 110- 112

«разумеется, в известных пределах, установленных правительствами СССР, Соединенного Королевства и США (оно) могло бы быть по крайней мере временно восстановлено сразу же после капитуляции Германии. Так как другого более подходящего законодательства в Германии тогда не будет, а без всякого законодательства нормальную жизнь в стране организовать нельзя, то придется взять за основу старое германское законодательство и на базе этого законодательства постепенно восстанавливать в Германии республикан[1]ские учреждения». Так и было решено.

Материалы работы «Комиссии Ворошилова» дают основания для вполне определенных выводов: там высказывались разные взгляды, сталкивались разные мнения, однако результирующий вектор указывал направление однозначно: образцом для послевоенной Германии должны быть не «советская», не «социалистическая», а Веймарская, буржуазно-демократическая модель; чистку государственного аппарата от нацистов и выполнение обязательств по возмещению ущерба жертвам гитлеровской агрессии должно было осуществлять правительство единого германского государства, разумеется под контролем союзников, продолжение сотрудничества которых в послевоенном мире считалось само собой разумеющимся.

Разумеется, нельзя идеализировать те позиции и подходы, которыми руководствовались члены этой комиссии. То у одного из них, то у другого проявлялось недоверие и подозрительность в отношении «капиталистического запада», и это сказывалось на рассмотрении тех или иных вопросов, относящихся к послевоенном будущему Германии. Характерный пример- обсуждение на трех заседаниях проекта директивы о контроле Объединенных Наций над германским транспортом. Несмотря на то, что речь шла о довольно частном вопросе, дискуссия развернулась весьма жаркая и заняла три заседания (24 мая, 9 и 15 июня). Речь шла о том, как отнестись к идее восстановления деятельности на территории Германии международных железнодорожных объединений, существовавших до войны, которая имелась в проекте, внесенном в ЕКК британским представителем Стрэнгом. А.А. Игнатьев не усмотрел в проекте Стрэнга никакого криминала и предложил принять его за основу. Против него вступили Исаков,

1. Там же, л. 109.

Майский и сам председатель Комиссии. Главным аргументом у них был тот, что за британским проектом стоят интересы [1]неких «частных британских фирм». Логика была простая: если что-то выгодно «капиталистической» Англии, то не может быть выгодно «социалистическому» СССР. На такой идеологизированной основе выработать разумную программу германского урегулирования было, конечно, невозможно.

Однако, приведенный пример остался скорее исключением. На том же заседании 15 июня, где большинство Комиссии «зарубило» проект Стрэнга, обсуждался вопрос о судьбе иностранных инвестиций в Германии, и подход к нему оказался гораздо менее предвзятым. Глава Комиссии высказал ту мысль, что довоенные активы «возможно, будут возвращены или компенсированы их собственникам», а отчуждению подлежит лишь та часть балансовой стоимости того или иного предприятия, которая «явилась результатом расширения за время войны». Из числа претендентов на компенсацию должны были, по мнению Ворошилова, быть исключены те фирмы, которые во время войны поддерживали «разного рода секретные соглашения с германскими фирмами». Этой, в принципе, вполне здравой мысли сопутствовало важное замечание, что такого рода собственников «не будет поддерживать и их собственное правительство (н[2]апример, фирма «Дюпон»)». Здесь очевиден отход от идеи, что любое западное правительство- это «орудие монополий», с которым невозможно найти общий язык- во всяком случае там , где затронуты интересы собственности этих самых монополий. Не лишено иронии то обстоятельство, что американская политика в Германии не подтвердила оптимистического предположения Ворошилова об отношениях между правительством США и частным капиталом; возможно, последовавшее разочарование частично объясняет резкость последующей советской критики «американского империализма».

Оценивая разработки «Комиссии Ворошилова» в развитии, можно констатировать, что оно шло, в общем и целом, в направлении большего реализма, меньшей идеологизированности. Если, например, на заседании 6 мая, где обсуждался вопрос о

1. Там же, л. 141- 143, 154.
2. Там же, л. 145.

директивах по контролю над германской промышленностью, Ворошилов категорически заявил, что «система этого контроля должна полностью исключать возможность каких-либо сделок между промышленниками Германии и промышленниками других стран» (это означало бы нечто нереальное и контрпродуктивное- автаркию большую, чем даже при Гитлере!), то окончательная версия соответствующей статьи, вышедшая из Комиссии 30 ноября, как раз санкционировала возможность заключения «финансовых, коммерческих и иных сделок» между германским правительством, германским физическим и юридическим лицами, с одной стороны, и их контрагентами в нейтральных странах, с другой, лишь предусматривая контроль над ними со стороны четырех оккупирующих держав[1].

Заметим: формулировки о германских «промышленниках», о вовлеченных в разного рода сделки «физических и юридических лицах» ясно свидетельствуют, что не предусматривалось никакого покушения на систему частного предпринимательства в послевоенной Германии. В целом, подход «Комиссии Ворошилова» к проблемам послевоенного будущего Германии был далек как от идеологии «экспорта революции», так и от идеи «мести» в отношении Германии и немцев.

Какая же из комиссий играла приоритетную роль в выработке решений высшим руководством страны и соответственно- в формировании реальных политических планов? На этот вопрос однозначный ответ дают авторы- составители документального сборника «СССР и германский вопрос» Г.П. Кынина и Й. Лауфера: «Среди этих комиссий главное место занимала Комиссия К.Е. Ворошилова. Это объяснялось тем, что она имела прямое отношение к переговорам союзников в[2] рамках ЕКК в Лондоне, и выражалось в том, что наиболее важные разработанные ею проекты документов утверждались личн[3]о И.В.

1. Там же, л. 361.

2. ЕКК (Европейская Консультативная Комиссия) было образована по решению Тегеранской конференции и имела своей главной задачей выработку условий безоговорочной капитуляции Германии и будущей политики союзников в германском вопросе. В ее работе первоначально участвовали представители СССР, США и Великобритании, а позднее к ним присоединился представитель Франции.

Сталиным». С этим ответом можно в принципе согласиться. Может быть, стоит лишь уточнить: эта комиссия не просто «имела прямое отношение» к переговорам в ЕКК, она была тем единственным органом, где формулировалась советская позиция по обсуждавшимся в ЕКК документам о капитуляции Германии; соответствующие положения оформлялись в виде директив советскому представителю в этом межсоюзническом органе, послу СССР в Лондоне Ф.Т. Гусеву, и озвучивались последним на заседаниях ЕКК.

С чем никак нельзя согласиться, так это с утверждением тех же авторов, что «ориентировка на раздел Германии на несколько государств, о чем Сталин говорил уже в ноябре 1941 г., стала *основополагающей* в планах Наркоминдела по послевоенному урегулированию» (курсив[1] наш- А.Ф.). Такой вывод можно сделать в отношении комиссий Литвинова и Майского (хотя и там эта точка зрения не была монопольной), но никак не к комиссии, которую возглавлял Ворошилов. Материалы работы этой комиссии в изданном ими сборнике представлены несколько однобоко (на чем мы еще остановимся), но и то, что опубликовано, говорит само за себя. Так, из записи о заседании комиссии от 5 мая следует, что ее председатель подверг критике американский и британский проекты о контрольном механизме в Германии как раз за то, что «ни в одном из этих документов ни слова не говорится о месте германского правительства, его центральных органов в[2] системе управления Германии». Но если бы имелась ориентация на раздел, то эту особенность западных проектов скорее следовало бы приветствовать!

Й. Лауфер в одной из своих статей подробно разбирает различные обсуждавшиеся в «Комиссии Ворошилова» проекты разделения Германия на зоны оккупации (их тексты занимают, пожалуй, непропорционально большое место и в

3. СССР и германский вопрос..., Т.1, с. 26. Тот факт, что руководитель «Комиссии по репарациям» Майский являлся рядовым членом «Комиссии Ворошилова», также много говорит о том, какая их них была более авторитетной.

1. Там же, с. 15. Это утверждение стало широко тиражироваться в зарубежной историографии. См. Badstübner R. Vom «Reich» zum doppelten Deutschland: Gesellschaft und Politik im Umbruch, Berlin, 1999, S. 44-47.

2. СССР и германский вопрос..., Т.1, с. 469-470.

упомянутом сборнике), усматривая в них некий зловещий смысл: советская сторона имела-де изначально намерение превратить границы зон в межгосударственные границы, т.е. по сути планировала создание двух германских государств еще с нач[1]ала 1944 года. Между тем, из опубликованной записи заседания «Комиссии Ворошилова» от 30 апреля 1944 г. следует, что ее председатель прямо отверг идею превращения отдельных зон в некие самостоятельные изолированные друг от друга образования. Вот как звучало его высказывание:

«...Намечаемые зоны являются лишь зонами для управления, а не зонами для хозяйничанья. Нельзя рассматривать каждую из трех зон оккупации в качестве собственности той Союзной державы, которая будет ее оккупировать. Если встать на этот путь, то тогда пришлось бы согласиться и с тем, что северо- западная часть Германии вместе с Рурским и Саарским бассейнами, намеченная для оккупации британскими войсками, должна рассматриваться в качестве собственности британского правительства, с чем ни при каких условиях нельзя согласиться[2]».

Подобная позиция была характерна не только для данной действовавшей при НКИДе комиссии (повторим- «главной» из трех имевшихся), но и для руководства 3-го Европейского отдела НКИД СССР, курировавшего германские дела. Возглавивший его с сентября 1943 г. А.А. Смирнов четко сформулировал ее в проекте ответа на запрос английского представителя в ЕКК Стрэнга (9 августа 1944 г.):

«При решении затронутого англичанами вопроса было бы целесообразно придерживаться принципа- рассматривать Германию как единое экономическое целое вне зависимости от зон оккупации. Это усилит наши позиции в вопросе о контроле германской промышленности, сосредоточенной главным образом в зоне англо- американской оккупации[3]».

---

1. Laufer J. Die UdSSR und die Zonenteilung Deutschlands (1943 -1944)// Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1995, H. 4.
2. СССР и германский вопрос..., Т.1, с. 467
3. АВП РФ, ф.012, оп. 5, п. 61, д. 101, л. 55.

Этот документ не представлен в упомянутом сборнике. Возможно, это оправданно: Смирнов по сути продублировал высказывание Ворошилова. Труднее понять, почему составители полностью проигнорировали материалы заседаний его комиссии 26 и 27 апреля и 4 мая 1944 г., где обсуждались никак не менее важные вопросы будущего обращения с Германией - и с немцами. В результате читатель сборника может получить искаженную картину. Из опубликованного в нем документа Комиссии от 3 февраля 1944 г. он узнает, что она выступала за то, чтобы запретить в Германии всю военную литературу и интернировать всех функционеров НСДАП- вплоть до самого низ[1]ового звена-блокляйтеров. А вот о том, что такой огульный подход позднее, а именно в ходе заседаний 26 апреля и 4 мая, был отвергнут, - это осталось читателю сборника неизвестным. Данный пример показателен - он предупреждает против сугубо выборочной манеры обращения с источниками. В ситуации, когда после открытия российских архивов источников стало много, «выбрать» (в смысле- вырвать) то, что соответствует порой предвзятой концепции, стало неизмеримо легче. Это создает определенную проблему. Тем важнее показать полную палитру имевшихся в советском внешнеполитическом сообществе подходов и концепций, выделить в них то, что представляло главное направление планирования. В этом смысле, анализ деятельности «комиссии Ворошилова» имеет собой особое значение – в том числе и в плане опровержения определенных искаженных представлений, имеющихся в историографии.

1. СССР и германский вопрос, с. 397.

Alexej M. Filitov "Voroshilov's Commission" the leavning structure of soviet planning for Germany during the Great Patriotic war.

The article deals with the planning activities of the "Armistice Commission" set up under the auspices of the Soviet Commissariat of the Foreign Affairs in September 1943. Headed by Marshal Voroshilov it played a crucial role in working-out the terms of unconditional surrender of Germany which aimed at the creation of a de-militarized, de-nazified democratic German state.

ПРИМЕЧАНИЯ

Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю[1].

Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблем[2]ы

События, связанные с признанием независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии, актуализировали вопрос о политике в отношении этнических меньшинств, организации и основаниях легитимности власти в молодых полиэтнических государствах. Поскольку почти все государства при своем формировании вынуждены осуществлять гомогенизацию населения через механизмы включения/исключения меньшинств, опыт «старой Европы» получил теоретическую концептуализацию в работах многих политологов, посвященных исследованию как параметров «национализаторской» политики и ее последствий для этнических меньшинств, так и зависимости процесса государство- и нациестроительства от размежевания центр-периферия и вариантов установления политического контроля центра. Используя эти подходы, авторы предлагают модели анализа причин, форм и следствий политизации этничности и оценки условий развития этнополитической стабильности/нестабильности, включая сецессии, на постсоветском пространстве.

Достаточно широкое международное признание независимости южной сербской провинции Косово, равно как и признание независимости Абхазии и Южной Осетии Росси[3]ей показало, что последняя европейская волна национального самоопределения, поднявшаяся после распада СССР, не исчерпала своей приливной силы. Вновь в центре внимания политиков и политологов оказался вопрос об организации и основаниях легитимности власти в полиэтнических государствах: если она исходит от народа (а не от Бога, династического правителя или авангардной партии), то каков объем прав меньшинств как части этого народа? Нормативный принцип народного суверенитета кажется бесспорным, пока мы не задумываемся над тем, что в каждом конкретном случае народ есть уникальное сообщество с точки зрения комбинации гражданских, политических, религиозных, расовых, языковых, этнических и других идентичностей и что «общая воля», о которой писал Ж.-Ж. Руссо, неизбежно предполагает подчинение меньшинства большинству.

Чтобы «обойти» разнообразие идентичностей, в XIX веке в политический обиход стало внедряться понятие «суверенитета нации», которое «однозначно подразумевало идею единства более высокого, чем сумма индив[4]идов». Не вступая в дискуссию

---

1. ***Кудряшова Ирина Владимировна***, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Мелешкина Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

2. Статья написана при поддержке РГНФ, проект «Политика этно-политической гомогенизации в посткоммунистических странах как фактор формирования нации и государства, грант № 08-03-00405а.

3. На октябрь 2008 г. независимость Косово признали 48 государств-членов ООН, Абхазии и Южной Осетии – два. – Прим. авт.

4. Мусихин Г.И. Суверенитет, монархия и революция: история становления и взаимоотношения понятий // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Ильин М.В., Кудряшова И.В. (ред.). – М.: МГИМО, 2008. – С.46.

относительно содержания понятия нации (В. Малахов справедливо указывает на невозможность конвенции по этом[1]у вопросу), хотим оговорить, что в данной работе мы в целом следуем подхо[2]ду Э. Геллнера, который отмечал: «…Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объе[3]диняющего их членства». Таким образом, национальная общность имеет гражданско-территориальный, надэтничный и надконфессиональный (т.е. мультикультурный) характер.

С тех пор, как источник власти был перенесен в народ, установление общих связей между членами политического сообщества и его элитой, с одной стороны, и размежевание политических сообществ – с другой, стали императивом. Проблема (и источник многих будущих конфликтов) в том, что этнические характеристики как символические узы родства и близости оказались удобным средством национального строительства. Согласно Э. Смиту (который, кстати, не проводит четкого различия между этническим и национальным, что еще раз свидетельствует о политической и теоретической неоднозначности вопроса), этническая группа – это «самоустанов[4]ленная» общность, которая отличается коллективными именем и исторической памятью, мифом об общих предках, связью с определенной родиной и чувством солидарности между значительным[5]и секторами населения. В таком контексте этнос как бы должен дорасти до нации, что предполагает возникновение *политической этничности* (не путать с этническими характеристиками!), т.е. политизации общего происхождения, языка, истории и др. Это косвенно закрепляют и статьи международных документов, предусматривающие право народов, существ более этнических, нежели политических, на самоопределение и свободное установление своего политического статуса.

История знает немного примеров моноэтничных наций. В современной Европе (и то с оговорками) к ним можно отнести Армению, Данию, Исландию, Норвегию, Польшу, Португалию[6], Венгрию. В случае же выраженного этнического разнообразия, предполагающего наличие значительных меньшинств, возникает немало противоречий, которые неизбежно обостряются при борьбе за независимость и определение содержания национального проекта.

Английский политолог Дж. Прис формулирует некоторые из этих спорных вопросов: какой подход – правовой или социологический должен иметь место при идентификации народа? Как и на какой основе формируется правящая элита? Можно ли утвердить политическое сообщество «в разнообразии»? Какие права следует (если следует) предоставить меньшинствам? Достаточны ли равные гражданские права для гарантии индивидуальной свободы и политического участия? Надо ли заботиться о сохранении и продвижении «чужих» идентичностей? Одним словом, как реагировать на

---

1. См.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – С.18-23.
2. Другие известные специалисты по проблематике наций и национализма - Э. Хобсбаум, Б. Андерсон – также определяют нацию в терминах экономического прогресса, общего языка (или культуры как системы идей, знаков, ассоциаций и способов поведения) и взаимного признания индивидами принадлежности к ней.
3. Геллнер Э. Нации и национализм // Вопросы философии. – М., 1989. - № 7. – С.124.
4. По мнению Э. Гидденса, этносы могут конструироваться, как и нации. – Примеч.авт.
5. Smith A.D. National identity. – L.: Penguin, 1991. – P.20-21.
6. См. сайт Международной группы по правам меньшинств: http://www.minorityrights.org

«парадокс этничности», являющийся следствием существующей системы наций-государств[1]?

Построение государственной (национальной) идентичности, включающей в себя элементы культуры меньшинств, часто оказывается неприемлемым в нелегких политических ситуациях, которые следуют за независимостью. Свобода и чувство принадлежности к сообществу – конкурирующие ценности: свобода предполагает автономию действия, принадлежность требует координации и в некоторых случаях субординации. После 1918 г., когда произошел второй «взрыв» создания на[2]ций-государств, обмены населением, высылка или маргинализация меньшинств стали привычной политической практикой. Как точно подмечает Прис, признанного определения меньшинств нет потому, что они – политические аутсайдеры, проблема которых обнаруживается при попытке определить, кто принадлежит к нации, а кто н[3]ет.

Так, проблема господства/подчинения явственно проглядывает в определении венгерского политолога и члена Европейского парламента Г. Шофлина: «Национальные меньшинства – коллективные сообщества, которые существуют в условиях доминирования духовных и культурных программ других, бóльших групп, будучи включенными в национально-государственные образования, где их относительный[4] вес мал». Хотя речь у Шофлина идет о культурном доминировании, очевидно, что в молодых государствах этническое измерение может быть постепенно выведено из области политического в область культурно-исторического наследия только с течением времени и благодаря направленной политике государства, устойчивому внутреннему развитию и благоприятным внешним факторам.

При переходе из социалистической по содержанию империи в гражданскую (т.е. буржуазную) нацию национальное строительство через обретение *предполагаемого родства* явно реалистичней пути *предполагаемого гражданского согласия.* В своей широко известной работе «Переходы к демократии» Д. Растоу, говоря о национальном единстве как решающей предпосылке демократизации и политико-экономических изменений в целом, определяет его так: «…Широкое большинство граждан в будущем демократическом государстве не должно иметь сомнений или мысленных оговорок насчет того, к какому политическому сообществу они принадлежат. .. Демократия – система правления временного большинства. Чтобы правители и политические курсы могли свободно меняться, границы должны обеспечивать постоянный состав граждан (т.е. «скреплять» единств[5]о. – Примеч. авт.)». В 1991 г. национального единства в трактовке Растоу на постсоветском пространстве не было и не могло быть. Обретение же согласия/

---

1. Preece J.J. Minority rights: Between diversity and community. – Cambridge: Polity press, 2005. – P.3.
2. Американский политолог Ф. Рёдер обоснованно выделяет четыре «взрыва» нациестроительства, которые последовали за американской Декларацией независимости и французской Декларацией прав человека и гражданина, открывших эру национализма и «сознательного строительства» наций-государств: это период с Венского конгресса до Берлинского, первая четверть XX века, тридцатилетие после II Мировой войны и десятилетие после окончания холодной войны (точнее было бы - краха биполярной системы. – Примеч.авт.). - См.: Roeder Ph.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism.- Princeton: Princeton univ. press, 2007. – P.5-6.
3. Preece J.J. Op.cit. – P.9.
4. Schöpflin G. Post-communism: Constructing new democracies in Central Europe // International Affairs. – Oxford, 1991. - Vol. 67, N 2. – P.58.
5. Rustow D. Transitions to democracy: Towards a dynamic model // Comparative Politics. – N.Y., 1970. - Vol. 2, N 3. - April. - P.350-351.

родства на основе этнокультурных характеристик господствующей группы при наличии этнических меньшинств и особенно трудностях социально-экономического порядка должно вызывать политизацию *всех* этничностей и формирование конфликтных групп. В этом, собственно, и состоит вышеупомянутый «парадокс этничности».

Опыт постсоветского развития, каким бы разным он ни был, подтвердил тенденцию к мобилизации этничности как основы национального государства. Во многих случаях получила распространение политика гомогенизации мультикультурного и мультиэтнического сообщества, которая была названа «национализаторской» (Х. Линц и А.[1] Штепан) или «патологическ[2]ой» (Г. Рэй), а проводящее подобную политику государство – «национализирующ[3]им» (Р. Брубекер). Собственно, советский режим также тяготел скорее к этнической гомогенизации (в перспективе – «слиянию наций»), чем к этническому плюрализму, но его политика была направлена как против «местного национализма», так и «великорусского шовинизма». Вспомним слова В.И. Ленина: «Безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократы, как партия пролетариата, ставят своей положительной и главной задачей содействие не самоопределению народов и наций, а проле[4]тариата в каждой национальности». Усилия государства по реконфигурации этнических отношений (произвольное изменение административных границ, депортация и переселение народов, ущемление социальной мобильности ряда этносов, «языковая денационализация» и т.п., как и само иерархичное четырехчленное (союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ) устройство СССР можно назвать грубой социальной инженерией, которая создала основу для проявления в 80-90-е гг. этнического недовольства и стремления к радикальному разрешению проблем.

Как отмечалось, национализаторская политика – универсальное явление, присущее формирующимся нациям и государствам. Конечно, повсюду, в том числе и на постсоветском пространстве, ее формы приобретают выраженную страновую специфику, обусловленную историческим прошлым, геополитическим положением и рядом других факторов. Способы такой политики могут быть разными: закрепление одного государственного языка, фальсификация истории, переписывание учебников, введение новых национальных символов, праздников и героев, запрет иноязычного вещания, прямые репрессии и др. Одним из действенных механизмов консолидации является создание «анклавов» этнических меньшинств, в большей или меньшей мере исключаемых

---

1. Данная политика характеризуется исследователями следующим образом:
-ограничение негосударственного языка в гражданском обществе, образовании и СМИ;
-эксклюзивное законодательство о гражданстве, приводящее к преобладанию титульной нации в выборных органах власти;
-фактическое ограничение доступа к государственной службе национальных меньшинств в связи с распространением одного официального языка;
-особые права государствообразующего этноса в перераспределении земли и иной собственности;
-законодательно закрепленное привилегированное положение всех обычаев, практик и институтов «нации-государства». – См.: Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and post-communist Europe. – Baltimore, L.: The John Hopkins univ. press, 1996. – P. 35.
Для обозначения различий между двумя стратегиями (доминирования или консенсуса) при формировании нации и государства А.Степан предлагает использовать различные термины: «нация-государство» и «государство-нация». – См.: Stepan A. Comparative theory and political practice: do we need a “state-nation” model as well as a “nation-state” model? // Government and opposition. – L., 2008. - Vol. 43, N.1. -P.1-25.
2. Rae H. State identities and the homogenization of people. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002.

из политического сообщества страны. В частности в Латвии и Эстонии подобная политика осуществляется путем лишения гражданства значительной части русскоязычного населения, в Молдавии – с помощью консервации сложившейся ситуации с Приднестровьем и создания институтов, ограничивающих влияние этнических и региональных меньшинств на политическую жизнь страны.

Не стоит, однако забывать, что эта политика была характерна и для стран ныне развитой демократии, которые в настоящее время воспринимаются преимущественно как гражданские государства. На это обстоятельство указывали многие ученые. В частности Ч. Тилли отмечал, что «практически все европейские правительства, в конечном счете, предпринимали шаги по гомогенизации своего на[1]селения» для установления контроля. Война и принуждение были ведущими силами формирования и раннего развития государств, но по мере того, как государства стабилизировались и росли, они становились менее принуждающими: институты развивались и способствовали заключению гра[2]жданских сделок. Такая политика облегчала задачу формирования государственного суверенитета и государственной идентичности, поскольку сужала круг потенциальных участников дискуссии о верховенстве власти, ослабляла шансы соперников центра на легитимное оспаривание его прав, упрощала разработку критериев членства в политическом сообщес[3]тве.

Конечно, формирование наций и государств и используемые при этом механизмы – не единообразный процесс. Например, в Западной Европе широко применялись меры по ограничению корпуса граждан на основе социально-статусных различий. Подобные возможности в независимых республиках бывшего СССР существенно ограничены. Формирование наций и государств в них происходит в условиях массовой политики, и при решении задач политической мобилизации необходимо принимать во внимание существующие международные стандарты в области прав человека и гражданина.

Универсальную исследовательскую логику, позволяющую анализировать процесс государство- и нациестроительства (включая этноконфессиональные политики) как в Западной Европе, так и в других регионах мира, предложили С. Роккан и его коллеги.

---

3. Р. Брубекер указывает на отличия «национализирующего» государства от гражданского, где этничность не является фактором государственной политики, а государство и гражданство определяется в терминах либеральной демократии и гражданских прав. Первому, по его мнению, присущи три особенности:
1. Оно является преимущественно «этнически гетерогенным, воспринимаемым как нация-государство, чья доминирующая элита продвигает язык, культуру, демографические, экономические и политические позиции номинально государство образующей нации»;
2. Организованные и обладающие самосознанием национальные меньшинства выступают за автономию и сопротивляются ассимиляции;
3. Внешние «родины» национальных меньшинств стремятся защитить их от ассимиляции, руководствуясь желанием распространить формальный статус нации поверх политических границ. - Brubaker R. National minorities, nationalizing states, and external homelands in the New Europe// Daedalus - 1995 – N 124 (2). – N 107-132.

4. Ленин В.И. О национальном и национально-колониальном вопросе // ПСС. – М., 1958. - Т.36. – С. 554.

1. Tilly Ch. Reflection on the history of European state-making// Formation of national states in Western Europe. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 43.

2. См.: Ch. Tilly. Coercion, capital and European states, AD 990-1990. – Oxford: Basil Blackwell, 1990. – P.25-26, 69-70.

3. Политика гомогенизации населения, проводимая в Испании и Франции, подробно проанализирована в: Rae H. Op. cit. – Ch.2, 3.

Размежевание центр-периферия, основанное на этнических, языковых и региональных противоречиях, и соответствующие действия центра по утверждению единых культурных и языковых стандартов сыграли важную роль в становлении наций и государств во многих ст[1]ранах Европы. Итальянский политолог С. Бартолини указывает, что процесс формирования любой территориальной политии можно рассматривать в терминах консолидации центра, границ, определения критериев членства и политическог[2]о структурирования. Подобная логика позволяет описать возникновение и развитие государства и нации в любой стране мира как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование институциональной структуры политии и социокультурных механизмов объединения сообщества.

В основе моделей, созданных в рамках роккановской традиции, лежит анализ взаимоотношений между центром, контролирующим коммуникативные потоки в системе (или претендующим на это) и представленным группой «строителей нации», и периферией – теми, кто стоит к ней в оппозиции. Использование этого подхода представляется плодотворным в отношении анализа процессов политической организации меньшинств в постсоветских государствах и выяснения их специфики.

Для объяснения процесса государственного строительства Роккан и его единомышленники обратились к концепции известного экономиста А. Хиршмана, определяющей стратегии индивидуального поведения в отношении формальных правил в неблагоприятных условиях: «лояльность» (правилам), «голос» (стремление опротестовать и изменить правила) и «выход» (невыполнение невыгодного правила). Хиршман рассматривает «выход» и «голос» как альтернативные варианты выражения недовольства людей, реализующиеся в зависимости от возможностей, предоставляемых организацией, в которой эти лю[3]ди находятся. Он также интерпретирует «недостаточную государственность» (statelessness) как «атрофию голоса» («atrophy of voice»), возникающую в результате присутствия возможностей для «выхода». То есть она определяется как отсутствие институциональных каналов «голоса», которые не развиваются по причине возможностей «выхода» для членов сообщества.

В качестве макросистемных «двойников» «голоса», «лояльности» и «выхода» Рокканом и его коллегами использовались понятия «границ», «строительства системы» и «политического структурирования». Применение концепции Хиршмана позволило им объяснить роль взаимодействия между центром и периферией и между различными центрами в процессе формирования территориальных государств и наций, а также выявить модели этого явления, разнообразие которых нашло свое систематическое отражение в концептуальной карте Европы. Согласно карте строительство центра формирующегося государства и его нового порядка обусловлено эффектом существующих границ и предоставляемых ими возможностей «выхода», а внутреннее институциональное строительство и консолидация сообщества связаны со стратегией возведения границ и возможностями «выхода», создаваемыми успешностью этой стратегии и международным

1. См.: Rokkan S. Cities, states and nations. A dimensional model for the study of contrasts in development// Building states and nations. Models and data resources. – Beverly Hills: Sage, 1973; The center-periphery polarity// Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verl., 1987, etc.

2. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – Oxford, Oxford University Press, 2005

3. Hirschman A.O. Exit, voice, and loyalty: Response to decline in firms, organizations, and states. - Cambridge: Harvard univ. press, 1970.

порядком. Различные варианты «выхода» были характерны для разных периодов формирования государства. Например, для ранних этапов была характерна сецессия: многие территориальные государства на стадии формирования сталкивались с угрозой распад[1]а.

Соотношение возможностей «выхода» или «голоса» связано с формированием границ государства. Границы определяют конфигурацию акторов и публичных (то есть обязательных для потребления) ресурсов, «закрытых» на определенной территории. В ситуации «закрытости» возможности для выхода отсутствуют, что толкает акторов на укрывание ресурсов, которыми они временно обладают, или реализацию «голоса». Контроль над «выходом» и «входом» посредством образования границ предполагает наличие иерархии в организации, сообществе или государстве. Обычно с закрытием границ возрастают возможности политического контроля. Компетенция, досягаемость и сложность внутренней иерархии зависят от ограничений, которые предполагает строительство границ и контроль над «выходом».

Контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерируют процесс возрастания политического производства, механизмы легитимации центральной иерархии и структурирования политии, способствуют более эффективному выполнению специализированных функций политической иерар[2]хии. Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции и наоборот.

Представители роккановской традиции также выявили зависимость внутреннего структурирования политии и соответственно формирования нации от специфики консолидации центра и границ различного характера (политических, экономических, социальных и культурных), проанализировав не только территориальный, но и социокультурный (членский) аспекты этого п[3]роцесса. Последнее обстоятельство предполагало, что принадлежность акторов к политическому сообществу и возможность «выхода» за его пределы определяется контролем центра не только над территориальными, но и социокультурными границами, определяемыми социокультурными нормами и правилами членства. Это означало, что «выход» может быть поделен на два типа: территориальный (сецессия и проч.) и функциональный или членский (эмиграция, отказ от уплаты налогов, сл[4]ужбы в армии и проч.). Так, по мнению итальянского компаративиста Д. Карамани, «функциональный «выход» (эмиграция) замещает территориальный «выход» (сецессию), когда контроль над территорией и границами, как и степень национальной интеграции возрастают до такой степени, что географический сепаратизм становится немыслим[5]ым».

---

1. Finer S. State-building, state boundaries and border control: An essay on certain aspects of the first phase of state-building in Western Europe considered in the light of the Rokkan-Hirschman model// Social science information. – 1974. – Vol. 13. – P. 79-126.
2. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. - P. 29.
3. См., например, Rokkan S. The center-periphery polarity// Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M.: Campus, 1987.
4. Finer S. State-building, state boundaries and border control: An essay on certain aspects of the first phase of state-building in Western Europe considered in the light of the Rokkan-Hirschman model// Social science information. – 1974. – Vol. 13. – P. 82.
5. Caramani D. The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. – Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 25.

Степень контроля над границами во многом определяет и возможности развития не только национального государства, но и демократических институтов, являющихся результатом исторического компромисса политических акторов и баланса их контроля над ресурсами (об этом говорил и Растоу). Так, Бартолини выделяет две идеалтипические ситуации, показывающие возможные последствия полного совпадения и «закрытия» границ или отсутствия такового. Полное «закрытие» границ влечет за собой усиление контроля центра над различными периферия и акторами. Такая ситуация требует значительной концентрации ресурсов в руках центра или одного политического актора, неизбежно влечет за собой создание неравных условий для политических субъектов и благоприятствует доминированию оного из них. Значительное несовпадение и неопределенность границ усиливает возможности «выхода», снижает стимулы к структурированию каналов «голоса», ограничивает сферу политического производства центра и делает государство зависимым от отдельных групп интересов (например, крупных экономических игроков – выгодных налогоплательщиков[1]).

Исследуя опыт формирования государств в Западной Европе, Роккан обнаружил, что степень контроля и совпадения границ во многом определялась концентрацией, совпадением или конкуренцией центров различных типов: административных/военных, экономических и культурных. При высокой концентрации центров на относительно небольшой территории, «пространственной сегментацией различных типов владельцев ресурсов, цепочки отдельных центров, в каждой из которых существует осо[2]бая элита», возрастали возможности «выхода» и осложнялся процесс формирования государства. Подобная ситуация наблюдалась в трансграничных периферия «внешних» династических центров, конкурирующих за влияние на эти территории. Такие периферии сложно было интегрировать в рамках единого государства. Проблема многократно обострялась в тех случаях, когда различные региональные интересы в них дополнялись культурными, этническими или конфессиональными противоречиями. Эти противоречия подкрепляли и усиливали друг друга, создавая основу для альтернативной центру политической идентичности. В этом случае нацие- и государствообразование шло по поликефальному типу, которому было свойственно преобладание консенсусных практик над практиками доминирования, в том числе и в отношении этнических меньшинств. Подобная полицентрическая модель преобладала в Западной Европе на территории высокоразвитого в культурном, экономическом и организационном отношении «пояса городов», от Адриатики до Северного моря. На этой территории в меньшей степени, чем в европейских фрагментированных государствах типа Испании, была выражена поляризация между экономическими и административными центрами. Одно из важных отличий пояса городов заключалось в том, что «взаимодействие между различными автономными территориями регулировалось одними и теми же нормативными принципами, которые были воплощены в древней традиции римского прав[3]а».

Монокефальный тип возникал там, где наблюдалось сосредоточение различных центров на небольшой территории, «все элиты и держатели ресурсов на которой склонны концентрироваться недалеко друг от друга и соответственно совместно использовать

1. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – Oxford: Oxford University Press, 2005
2. Rokkan S. The center-periphery polarity… - P. 21.
3. Rokkan S. Cities, states and nations… - P.85.

различные возможнос[1]ти». Этот тип отличался доминированием в процессе строительства государства одного из политических факторов и был свойственен европейским династическим центрам.

Многие постсоветские страны представляют собой бывшие трансграничные периферии имперских образований: Российской империи-СССР, Османской империи, Ирана, Австро-Венгрии. В этом смысле территории Молдовы, Украины, Белоруссии, стран Балтии и некоторых других новых независимых государств похожи на европейский пояс городов. Однако между ними и этим поясом существуют значительные отличия, сформировавшиеся на основе геополитических особенностей, специфики политических традиций и комплекса стоящих задач.

В силу особенностей так называемого «имперского транзита[2]» постсоветские страны не могли создавать национальное государство на базе множества независимых мелких политических образований и идентичностей, как это происходило, например, в Швейцарии. В большинстве случаев они решают эту задачу на основе унаследованных из прошлого сегментов-государств, многие из которых были сформированы в рамках современных границ в советский период (наиболее показательный пример в этом отношении – создание республик Средней Азии, границы которых были нарезаны хотя и произвольно, но в отличие от африканского континента с учетом распространения языков, экономической жизнеспособности регионов, клановой принадле[3]жности и т.п.) Сам термин «сегменты-государства» пре[4]дложен Ф. Рёдером и означает формально входящие в состав общего государства территориальные единицы разного масштаба, обладающие работающими системами институционального управления и возможностями создавать доминирующую политическую идентичность.

По мнению Рёдера, лидеры советских союзных республик могли осуществить этнонациональный проект в условиях, когда большинство населения отдавало предпочтение идентичности своего сегмента-государства над идентичностью общего государства, как в Гр[5]узии. В этом случае гегемония этнической политической идентичности позволяет успешно подавлять возможные альтернативные проекты, например, сохранения общего государства - СССР (это подтверждают случаи Абхазии и Южной Осетии, также создавших сегменты-государства при превращении Грузии в «мини-империю» при З. Гамсахурдиа). Сегмент-государство, таким образом, позволяет концентрировать мощные организационные ресурсы для пропаганды «воображаемого сообщества» и превращения оппонентов во «врагов нации».

Однако необходимо учитывать, что при традиционном характере общества строительство национального государства на базе сегмента требует авторитарной власти, которая в этом случае позволяет обеспечить не национальное единство, но целостность страны. Это характерно для молодых центрально-азиатских государств, где институциональные сегменты по-прежнему имеют клановый, а в Казахстане, Киргизии и Туркмении – еще и племенной[6] характер. Сильные кланово-племенные структуры

1. Rokkan S. The center-periphery polarity… - P. 21.
2. Skak M. – From empire to anarchy: Post-communist foreign policy and international relations. – L.: Hurst, 1996. - P. 18, 21
3. См. Slezkin Y. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // Slavic Review, 1994. – N2 (53). – P.414-452.; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007 и др.
4. См.: Roeder Ph.G. Op. cit.
5. Ibid. – P. 82-83.

сдерживают формирование этнонационального самосознания и одновременно подавляют этнические меньшинства (доля титульных этносов в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении – 80-81 проц., Киргизии и Казахстане – 57-59 проц.)

Как отмечают С. Берглунд, Я. Экман и Ф. Ареброт, «в политическом отношении восточная часть Европы представляла собой переходную зону между западной традицией разделения власти и восточной традицией ее концент[1]рации». Если упрощать ситуацию, сложившуюся на территории бывшего СССР в целом, то можно отметить следующую тенденцию: продвижение на юг и восток ослабляло традиции распределения власти и усиливало наследие, связанное с ее концентрацией. Для постсоветских стран в прошлом были характерны отсутствие или слабость феодальных отношений западноевропейского типа. Данные особенности способствовали более длительному выживанию традиционных властных отношений, таких как царствование или клиентелизм. Эта тенденции в более значительной степени проявлялась на ю[2]ге.

Состояние «приватизации» государства, особенно ярко проявившееся в южных республиках бывшего СССР в 90-х годах, образно характеризуют слова английского историка Д. Ливена: «Некоторые исследователи связывали политическую ситуацию в современной Северной Евразии с реалиями средневековой Европы. Король слаб, его бароны сильны. Они контролируют регионы. Нет никакой государственной бюрократии, способной защитить интересы общества. Но власть при дворе и победа во фракционной политике жизненно необходимы для процветания баронов, поскольку обеспечивают выгодное покровительство, монополии и государственные посты…[3]»

Противоречивость административно-территориальной и культурной политики Советского Союза во многом определила будущие проблемы формирования центра, границ и консолидации наций в постсоветских странах, а также репертуар способов их решения. С одной стороны, предпринимались попытки формирования единой гражданской нации (общности «советский народ») путем стандартизации правового, политического, социального и культурного пространства, имело место искусственное перемещение титульной группы на периферию с целью ее «подъема». С другой – в основе административно-территориальной организации лежал принцип деления на национально-государственные образования, в ряде которых осуществлялась политика «коренизации» и развивался институт «титульности». Советский этнофедерализм был институционально слаб и предопределил этнические размежевания. Территориальные и социокультурные эксперименты привели к несовпадению административно-политических, экономических, этнолингвистических, культурных и прочих границ и появлению «переходных» территорий, в которых подобное несовпадение, а значит и потенциальные возможности для «выхода» были особенно отчетливыми (Крым, Приднестровье, Нагорно-Карабахская автономная область и др.) Таким образом была заложена основа для сецессий, суть которых точно определил канадский исследователь Дж. Вуд: «Сецессия – пример

---

6. В послевоенный советский период государственно-партийный аппарат Узбекистана формировался на основе самаркандского (позднее ферганского и вновь самаркандского) клана, Таджикистана – ленинабадского (ходжентского), Киргизии – нарынского, Казахстана - Старшего (южного) жуза, Туркмении – племени текке. – Примеч. авт.

1. Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. The challenge of history in Central and Eastern Europe //The handbook of political change in Eastern Europe/ Ed. by Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. - Second edition. - Chaltenham: Edward Elgar, 2004. – P. 14.

2. Ibid. - P. 16.

3. Ливен Д. Указ. соч. – С.627.

политической дезинтеграции, когда политические акторы одной или нескольких подсистем переносят свои лояльности, ожидания и политическую деятельность от центра юрисдикции (центра политической власти) к создаваемому собственному центру[1]».

Отнюдь не считая сецессии лучшим способом урегулирования конфликта, отметим, что, по мнению А. Павковича и П. Радана, они могут быть весьма выгодным способом разрешения этнополитических проблем, так как позволяют:

- ликвидировать недовольства и обиды сецессионистской группы;
- завершить политическую борьбу или вооруженный конфликт по поводу отделения;
- предоставить суверенные полномочия политическим лидерам сецессионистов;
- усилить политический контроль населения самопровозглашенных государств над «своим» правительством и его курсом;
- обеспечить ряд экономических выгод, например, рост занятости и доходов различных социальных страт в этих государства[2]х.

В целом на постсоветском пространстве войны «за права народов» отличаются общим сценарием, который оформлен уникальными историческими структурами советской системы и запущен ее развалом.

Учет вышеназванных особенностей позволяет констатировать наличие значительных различий в моделях формирования нации и государства в районе «пояса городов» и на европейской части постсоветского пространства (что до зоны «концентрации власти», то там такое сравнение выглядит некорректным). Неконсолидированные границы и невысокая степень контроля над ними, характерные для периода, последовавшего за распадом СССР, не привели к ожидаемому качеству развития каналов «голоса», институтов и практик, обеспечивающих влияние на принятие решений и, соответственно, достижение консенсуса основных сил по наиболее важным «системоустанавливающим» вопросам. Напротив, сфера политического производства сузилась, а республиканские государственные институты в той или иной степени ослабли.

Попытка решения актуальных задач по консолидации центра и границ на территории новых независимых государств часто сопровождается воспроизводством имперских традиций доминирования одного или нескольких акторов, в новых условиях представляющих интересы центра. Национализаторская политика в этом смысле вполне соответствует интересам правящих элит, действующих во имя и от имени новой политической этничности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. John R. Wood. Secession: A comparative analytical framework // Canadian journal of political science. – Vol.14. – 1981. – P.111.

2. См.: Pavković A., Radan P. Creating new states: Theory and practice of cecession. – Aldershot, Burlington: Ashgate, 2007.

Irina Kudryashova, Elena Meleshkina. Ethnic minorities and nation-building in the post-Soviet space: Constructing a theoretical framework.

Divisions over recognition of Kosovo, Abkhazia and South Ossetia's independence put in focus policies towards ethnic minorities, structuring and legitimization of power in newly-formed multi-ethnic states. In most cases state-building requires the homogenization of population, i.e. "nationalizing" policies of both exclusion and inclusion. The relevant European experience has been conceptualized by political scientists examining the key parameters of "nationalizing" policies used in respect of ethnic minorities as well as the influence of centre-periphery polarity and different ways of political control maintenance on the process of state- and nation-building. Applying these approaches to the post-Soviet realities the authors offer a theoretical framework for analyzing grounds, forms and consequences of the politicization of ethnicity and evaluation of possible stability/instability, including secessions, bringing a realistic perspective to bear on what is happening and what can be done.

А.Г. Волеводз[1]

Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе

Озабоченность международного сообщества серьезными нарушениями общепризнанных принципов и норм международного права способствует широкому распространению практики формирования и деятельности международных судов уголовной юрисдикции. В статье рассматривается история формирования правовых основ международного уголовного правосудия, современные модели организации и деятельности международных судов уголовной юрисдикция, признаки, объединяющие их в современную систему международного уголовного правосудия.

> *Вопрос о международной юстиции есть вопрос времени. Не теоретические только, а гораздо более практические потребности вынудят государства вступить на путь ее осуществления.*
>
> *Л.А. Камаровский, 1881 год*

Складывающие в различных частях земного шара сложные политические и фактические ситуации, озабоченность международного сообщества серьезными нарушениями общепризнанных принципов и норм международного права способствуют широкому распространению практики формирования и деятельности судебных органов, призванных действовать в сфере правоприменения международного уголовного права.

Эти органы осуществляют *международное уголовное правосудие.* Оно представляет собой одно из направлений международного сотрудничества, которое заключается в осуществлении судами, учрежденными международным сообществом при участии ООН, на основании или во исполнение международных договоров, деятельности по рассмотрению и разрешению по существу дел о международных а также об иных

1. ***Волеводз Александр Григорьевич*** - доктор юридических наук, профессор Кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

отнесенным к их юрисдикции преступлениях, и имеет своими целями: (1) привлечение к ответственности и наказание лиц, виновных в совершении этих преступлений, (2) защиту от таких преступлений международного сообщества в целом, каждого его члена и всех людей, (3) предупреждение международных преступлений, восстановление и поддержание на этой основе мира и безопасности.

Практическая деятельность органов международного уголовного правосудия находится под пристальным вниманием международного сообщества, а порой подвергается критике. Диапазон оценок простирается от исключительно положительных, признающих за судебной практикой органов международного уголовного правосудия прецедентный и основополагающий характер для международного права, до полного отрицания законности их учреждения и легитимности осуществляемого ими правосудия.

К сожалению, эти мнения, порой диаметрально противоположные, преимущественно основаны на сиюминутном, продиктованном политическими мотивами, отношении к тем или иным решениям международных уголовных судов и не учитывают одного важного обстоятельства. А именно того, что международное уголовное правосудие направлено на пресечение международных преступлений, общественная опасность которых признана международным сообществом, и привлечение к ответственности лиц, виновных в их совершении. Оно предполагает применение международного права, тех его норм и принципов, которые имеют основополагающее значение для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом от особо опасных для человеческой цивилизации нарушений принципов и норм международного права.

Для формирования основанного на уважении к праву отношения к международному уголовному правосудию следует понимать, сколь долгим явился путь от высказанной идеи о нем до ее реализации. Даже в рамках такой, в общем-то, динамично развивающейся системе, как международное право.

Формирование основ международного уголовного правосудия

Международное уголовное правосудие - «поздний ребенок» системы международного права. До конца XIX века его нормы были редким гостем в доктрине, а также среди объектов международных договоров и международно-правовой практики. В первую очередь это объяснялось отсутствием возможностей для их применения: по окончании вооруженных конфликтов на основании оговорок об амнистии в мирных

договорах или фактической амнистии уголовное преследование не осуществлялось. Во всяком случае, на основании норм международного права или международных договоров.

На доктринальном уровне, детально обосновав вносимое предложение об учреждении Международного уголовного суда, после окончания франко-прусской войны 1870-1871 гг., впервые выступил в 1872 г. Президент Международного комитета Красного Креста (МККК[1]) *Гюстав Муанье*. Он предложил *проект Конвенции об учреждении международного судебного органа для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях Женевской конвенции об улучшении положения больных и раненых в воюющ*[2]*их армиях от 22.08.1864* , в котором предусматривался порядок формирования и деятельности такого суда.

Первым и беспрецедентным по своей основательности научным произведением, посвященным всестороннему обоснованию идеи международного суда, в т.ч. специального международного уголовного суда, явилась защищенная в 1881 г. *докторская диссертация российского правоведа Л.А. Камаровского «О международном суде»*, изданная в том же году в виде отде[3]льной книги, а в 1887 г. увидевшая свет на французском языке в Пари[4]же.

В эпоху существования национальных, преимущественно монархических государств, невозможно было представить, чтобы действия должностных лиц суверенной страны преследовались в уголовно-правовом порядке на международном уровне. Однако, несмотря на очевидную неудачу, предложение Муанье и исследования Камаровского представляют собой ни что иное, как первый опыт обоснования доктрины учреждения Международного уголовного суда, и знаменуют начало длительной и упорной борьбы за его учреждение.

К началу XX века общим стало понимание того, что именно деяниями людей, руководящих государствами, совершаются нарушения норм международного права и что

1. См.: Prof. Dr. Htlmut Satzger: Internationales und Europäisches Strafrecht. – Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden 2005. S. 150.

2. См.: Moynier. Note sur la creation d'une institution judiciaire internationale propre a prevenir et a reprimer les infractions a la convention de Geneve, lue au comite international de secours aux militaires blesses dans sa seance du 3 janvier 1872. – Revue. 1872. P. 325, sv.; Богаевский П.М. Красный крест в развитии международного права. - Киев, 1913. - Ч.1. - 308 с.; Ч.2. - 489 с.

3. См.: Камаровский Л.А. О международном суде / Л.А. Камаровский; отв. редактор Л.Н. Шестаков; автор биографического очерка: В.А. Томсинов; автор вступительной статьи: У.Э. Батлер. – М.: Зерцало, 2007. – 488 с. (Серия «Русское юридическое наследие»).

4. См.: Kamarovskii L.A. Le tribunal international / Transl. S. de Westman. Paris, 1887.

государство используется ими как орудие посягательства на ценности, охраняемые международным правом, и как инструмент причинения вреда другим государствам во время войн. С учетом этого, кодификация на международно-правовом уровне законов (норм) и обычаев войны в Гаагских конвенциях и Декларации 1899 и 1907 гг. привела к формированию такого международно-правового понятия как «военные преступления».

Ужасы Первой мировой войны и массовые нарушения принципов и норм международного права, зафиксированных, прежде всего в упомянутых конвенциях, по окончании военных действий привели к реанимации идеи об учреждения Международного уголовного суда. Государства-победители предприняли попытку урегулировать на международно-правовом уровне порядок привлечения к уголовной ответственности за военные преступления, придать виновных международному суду.

Версальский мирный договор между Германией и 27 союзными и ассоциированными державами от 28.06.1919 содержал обязательства сторон (ст.ст. 227, 228[1]):

- организовать специальный международный трибунал для публичного рассмотрения дела по обвинению императора Вильгельма II Гогенцоллерна в «совершении тягчайшего преступления против международной нравственности и священной власти договоров»;
- обратиться к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче суду бывшего императора;
- преследовать в уголовном порядке и выдавать предполагаемых военных преступников;
- «сообщать потребные документы и сведения».

Аналогичные нормы были включены в Сен-Жерменский мирный договор от 10.09.1919 между Австрийской Республикой и 17 союзными державами (ст.[2]ст. 173 – 176), Трианонский мирный договор от 04.06.1920 между Венгрией и 17 союзными и ассоциированным[3]и державами (ст.ст. 157 – 160), Нейльский мирный договор между Болгарией и 16 союзными державами (ст.ст. 118 – 1[4]20).

1. См.: Коровин Е.А. Международные договоры и акты нового времени. Сборник. – М – Л.: Госиздат, 1924. – С. 47 – 97.

2. См.: Там же. - С. 117.

3. См.: Там же. - С. 125.

4. См.: Там же. - С. 130.

Положения ст.ст. 227 – 229 Версальского мирного договора на практике реализованы не были. Но, по-существу, он явился первым международно-правовым документом, в котором содержались нормы об уголовном преследовании главы государства по международному уголовному праву. Недостатки правового регулирования, связанные с отсутствием международно-правовых документов, регламентирующих, с одной стороны, процессуальный порядок реализации норм Версальского мирного договора, а с другой – норм международного права, формулирующих конкретные составы военных преступлений, не позволили создать в то время международный суд.

Допущенные пробелы были отчасти учтены при попытке создать международный суд для привлечения к уголовной ответственности физических лиц, предпринятой после убийства в г. Марселе 9 октября 1934 г. короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Лигой Наций были разработаны и 30.11.1937 открыты для подписания Конвенция о предотвращении и наказа[1]нии терроризма и Конвенция о создании Международного [2]уголовного суда. Они формировали международно-правовую основу организации и деятельности Международного уголовного суда с ограниченной юрисдикцией. Данные Конвенции в силу не вступили, но опыт их подготовки и юридические новации были учтены при формировании правовых основ деятельности Международных военных трибуналов, учрежденных после Второй Мировой войны.

Первым из них стал *Международный Военный Трибунал* (далее – МВТ или Трибунал), учрежденный Соглашением от 08.08.1945 между Правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондонское[3] соглашение). К нему впоследствии присоединились Австралия, Бельгия, Венесуэла, Дания, Гаити, Гондурас, Греция, Индия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Польша, Уругвай, Чехословакия, Эфиопия и Югославия.

Устав Международного Военного Трибунала от 08.0[4]8.1945 определил:

---

1. См.: 19 League of Nations Official Journal 23 (1938).

2. См. M. O. Hudson, edition, International Legislation. A collection of the texts of multiple international instruments of general interest (1935–1937), vol. VII, No. 402–505 (Washington, 1941), PP. 862–893; Блищенко И. Жданов Н. Терроризм и международное право. - М.: Прогресс, 1984.

3. См.: Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Политиздат, 1955. - № 11 - С. 163 – 165.

1. Материально-правовые основы деятельности, отнеся к его юрисдикции преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет. Трибунал был наделен правом судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, совершили эти преступления. За эти преступления МВТ вправе был приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое признает справедливым.

2. Организационно-правовые (судоустройственные) основы деятельности МВТ, порядок назначения и замены судей, Председателя Трибунала, некоторые другие общие вопросы организации его деятельности, включая порядок финансирования его расходов.

3. Процессуально-правовые (судопроизводственные) основы его деятельности, в том числе права и обязанности участников процесса, процессуальные гарантии для подсудимых, общие положения о доказательствах и доказывании, порядке судопроизводства, общие положения о приговоре.

Некоторые общие положения процессуального характера были детализированы в Регламенте МВТ, принятом Трибуналом в соответствии со ст. 13 его Устав[1]а.

Заседания МВТ проходили в период с 9 октября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в городах Берлине, где были проведены лишь организационные и распорядительное заседания, и Нюрнберге, где уголовное дело в отношении главных военных преступников рассматривалось по существу, получив историческое название *Нюрнбергский процесс.* Суду МВТ были преданы 24 главных военных преступника. Трибунал приговорил 12 из них к смертной казни через повешение, 3 – к пожизненному заключению, 4 – к тюремному заключению на срок от 10 до 20 лет, 3 – оправда[2]л.

Еще одним послевоенным органом международного правосудия стал Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока (далее – МВТДВ или

---

4. См.: Там же - С. 166 – 183.

1. См.: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в двух томах. // Под редакцией К.П. Горшенина (главный редактор), Р.А. Руденко и И.Т. Никитченко. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. – Т. I. – С. 21 – 25.

2. См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 3-х т.т. / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М.: Юридическая литература, 1965–1966. Т. 1. Нацистский заговор против мира и человечества. Преступления германских монополий. 1965. - 799 с.; Т. 2. Военные преступления. Преступления против человечности. 1966. - 799 с.; Т. 3. Преступления против человечности. 1966. - 799 с.; Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1983; Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог / Предисл. Л.Н. Смирнова. 3-е изд. - М.: Юридическая литература, 1983 и др.

Трибунал), принципиальное решение о создании которого принято на Потсдамской конференции руководителей СССР, США и Великобритании 1945 г. и закреплено в Заявлении, определяющем условия капитуляции Японии от 26.07.1945. Юридически он был создан особым документом – Специальной прокламацией, учреждающей Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока, от 19.01.1946, изданной Главнокомандующим оккупационными войсками в Японии генералом Д. Макартуром, к кото[1]рой прилагался его Устав. Он во многом соответствовал Уставу МВТ от 08.08.1945 и также определял материально-правовые, организационно-правовые и процессуально-правовые основания его деятельности.

Заседания МВТДВ проходили с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года в Токио, получив историческое название Токийский процесс или Суд в Токио. Суду были преданы 28 человек, в том числе 4 бывших премьер-министра, 13 бывших министров, 9 представителей высшего военного командования, 2 посла. Приговор вынесен 25 подсудимым, 7 из них приговорены к смертной казни, остальные — к лишению свободы, причем 16 - к пожизненному заключени[2]ю.

Процессы, проведенные МВТ и МВТДВ, явились первым положительным опытом деятельности органов международной уголовной юстиции. А их уставные документы и приговоры положили начало формированию системы основополагающих принципов международного уголовного права, являющихся ныне общепризнанными.

Нормативное закрепление этих принципов осуществлено в Резолюции 95(I) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» от [3]11.12.1946, а детализация – в принятом в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН документе «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунал[4]а».

Уставы и Приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов:

---

1. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.- М., 1956. - С. 79 - 86.
2. См.: Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. - М.; Л., 1950; Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Хабаровский процесс над японскими военными преступниками // Советское государство и право. - 1950. - № 3. - С. 8-25; Васильев А.Н. Уроки истории (Японские агрессоры перед Токийским трибуналом) // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. - 1985. - № 5; Николаев А.Н. Токио: суд народов. - М.: Юридическая литература, 1990.
3. См.: Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября - 15 декабря 1946 г.- Лейк Соксес, Нью-Йорк: Объединенные Нации, 1947. - С. 139 - 140.
4. См.: Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2.- М.: БЕК, 1996. - С. 101 - 102.

1. Заложили основы для признания правосубъектности индивида в международном праве, а также оказали влияние на формирование основ современного международного права в целом и международного уголовного права в частности.

2. Дали международному праву новые принципы, не существовавшие до их принятия, – принципы международного уголовного права и международного уголовного процесса.

3. Кодифицировали существовавшие нормы международного права о преступном характере тех или иных деяний и впервые на международном уровне установили конкретные меры ответственности за их совершение.

4. «Соглашения об учреждении Международного Военного Трибунала для суда над главными немецкими преступниками и Международного Трибунала для суда над главными японскими преступниками, а также Уставы этих трибуналов, являются основными источниками международного уголовного права и по существу представляют собой, первые в истории международные уголовные и уголовно-процессуальные кодексы[1]».

5. Создали фундаментальную международно-правовую базу для суда над военными преступниками.

Полученный опыт правового регулирования, организации и практической деятельности МВТ и МВТДВ показал, что международное правосудие должно опираться на развитую материально-правовую и процессуально-правовую базу.

До Нюрнбергского и Токийского процессов само понятие «международное преступление» в международном праве, фактически, отсутствовало. После их завершения международное сообщество приняло меры по криминализации ряда деяний и отнесению их к юрисдикции Международного уголовного суда.

Резолюцией 177 (II) от 21.11.1947 Генеральная Ассамблея ООН учредила Комиссию международного права и поручила ей составить проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В 1954 году Комиссия представила на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН *проект Кодекса преступлений против мира и безопасност*[2]*и человечества* (т.н. проект четырех статей) и два новых проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. (Проект 20 ст[3]атей) и 1996[4] г.

1. См.: Ромашкин П.С. К вопросу о понятиях и источниках международного права // Советское государство и право. - 1948. - № 3. - С. 28.

Кроме того, были разработаны два международных договора, которые прямо предусмотрели возможность преследования и наказания правонарушителей международным уголовным судом: Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 0[1]9.12.1948 и Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30.11.19[2]73.

Несмотря на то, что эти документы отнесли преступления геноцида и апартеида к юрисдикции международного суда, к реальному формированию организационно-правовых (судоустройственных) и процессуально-правовых (судопроизводственных) основ его деятельности длительное время приступить не удавалось. Хотя принципиальное решение об этом состоялось одновременно с принятием Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 09.12.1948. В последующие годы Генеральная Ассамблея ООН, несколько раз обращалась к результатам работы Комитета по международной уг[3]оловной юстиции, но в 1957 году постановила отложить рассмотрение вопроса о международн[4]ой уголовной юстиции, к которому после длительного перерыва непосредственно вернулась в декабре 1989 года: в ответ на просьбу Тринидада и Тобаго Генеральная Ассамблея ООН обратилась к Комиссии международного права с просьбой возобновить работу над вопросом о международном уголовном суде. Итогом данного обращения и последовавшей активной работы явилась Дипломатическая конференция полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросу об учреждении международного уголовного суда,

---

2. См.: Draft Code of Offences against the Peace and Security of Mankind, 1954 [Electronic resourse] / Yearbook of the International Law Commission, 1954. Vol. II. – Electronic data (1 file). - http://www.un.org/law/ilc/convents. - 28.02.09.

3. См.: Ежегодник Комиссии международного права 1985 год, том II (часть вторая).

4. См.: Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Пятьдесят первая сессия. Дополнение № 10 (A/51/10): Доклад комиссии международного права о работе ее сорок восьмой сессии (6 мая – 26 июля 1996 года). – ООН: Нью-Йорк, 1996. – С. 24 – 124.

1. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. - 22 июня 1954 г. - № 12. - Ст. 244.
2. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII.- М., 1978. - С. 58 - 63.
3. См.: Резолюции ГА ООН 687(VII) от 05.12.1952 г. «Международная уголовная юстиция», 898(IX) от 14.12.1954 г. «Международная уголовная юстиция».

4. См.: Резолюция ГА ООН 1187(XII) от 11.12.1957 г. «Международная уголовная юстиция».

состоявшаяся г. Риме 15 июня - 17 июля 1998 года, завершившаяся принятием и открытием для подписания Римского Статута Международного уголовного с[1]уда.

Столь длительное по времени отсутствие постоянного действующего Международного уголовного суда (далее - МУС) не явилось препятствием для учреждения и деятельности иных институтов международной уголовной юстиции. При этом, как отмечается в ряде документов ООН, ныне МУС «является основным элементом формирующейся *системы международного уголовного правосудия*, которая включает национальные суды, международные суды и гибридные суды, в которых имеются как национальный, так и международный компоненты. Эти органы международного правосудия тесно связаны с усилиями по установлению и поддержанию международного мира и безопасности[2]».

Органы международного уголовного правосудия: множественность институциональных моделей

На сегодняшний день известно несколько институциональных моделей учреждения, формирования, правового регулирования, организации и деятельности органов международного уголовного правосудия[3].

К первой институциональной модели относятся учрежденные в качестве вспомогательных органов Совета Безопасности ООН:

- Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (далее – МТБЮ) - Резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 от 25.05.199[4]3;

- Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с

1. См.: Заключительный акт Дипломатической Конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению международного уголовного суда [Электронный ресурс] // Документ ООН A/CONF.183/10 от 17 июля 1998 года. - Электрон. дан. (1 файл). - http://www.un.org/russian/conferen/court/finalact.htm. 09.03.09.
2. См.: Доклад Международного уголовного суда. – Документ ООН A/60/177, 1 August 2005; Доклад Международного уголовного суда. – Документ ООН A/62/314, 31 August 2007.
3. Подробнее об этом См.: Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: Хрестоматия. – М.: Издательство Юрлитинформ, 2009.
4. См.: Документ ООН S/ Res/ 827 (1993), 25 May 1993.

1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года (далее – МТР) - Резолюцией Совета Безопасности ООН № 955 от 08.11.199[1]4.

Оба трибунала учреждены на основании главы VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» Устава ООН и являются *ad hoc* судебными органами.

Ко второй группе институциональных моделей органов международного уголовного правосудия относятся т.н. смешанные (гибридные) уголовные суды (трибуналы). Определение «смешанный (гибридный)» применяется к ним в силу целого ряда причин, основными из которых являются следующие.

Во-первых, порядок их деятельности и юрисдикция определяются совокупностью норм международного права (соглашениями с ООН, другими международными договорами) и внутригосударственного права (уголовно-процессуального).

Во-вторых, материально-правовая основа правосудия, осуществляемого такими судами, является «смешанной»: применимое этими судами право включает нормы как международного, так и внутригосударственного уголовного права.

В-третьих, эти судебные органы имеют смешанный состав судей, обвинителей, следственных судей, административного персонала, который включает не только представителей государств суда, но и международных (иностранных) участников уголовного судопроизводства.

В-четвертых, соглашениями об их учреждении допускается возможность приглашения со стороны защиты как национальных адвокатов, так и международных (иностранных) защитников.

В-пятых, в качестве основанных на договоре органов, смешанные суды не привязаны ни к какой существующей правовой системе, которая автоматически могла бы быть применена к их несудебной, административной и финансовой деятельности.

В-шестых, эти судебные органы обладают смешанной (гибридной) внутригосударственной и международной правоспособностью.

В-седьмых, с учетом смешанного (гибридного) характера учреждения и деятельности эти специальные судебные органы не входят в судебную систему государств, для которых они созданы, а являются т.н. «внешними» судами.

Ныне международному уголовному правосудию известно две категории смешанных (гибридных) судебных органов:

---

1. См.: Документ ООН S/RES/955 (1994), 8 November 1994.

(1) специальные суды, созданные в соответствии и на основе международных договоров государств с ООН,

(2) суды, формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции.

К первой категории смешанных (гибридных) судов, относятся:

- Специальный суд по Сьерра-Леоне. Учрежден на основании Соглашения между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне во исполнение Резолюции 1315(2000) Совета Безопасности ОО[1]Н от 14.08.2000. Его Устав вс[2]тупил в силу 16.01.02 после принятия Закона о Ратификации соглашения о Специальном суде (The Special Court Agreement,2002 (Ratification) Act, 20[3]02).

- Специальный трибунал по Ливану. Соглашение между ООН и Ливанской Республикой об учреждении Специального трибунала по Ливану было подписано правительством Ливана и ООН соответственно 23 января и 6 февраля[4] 2007 г. во исполнение Резолюции 1664 (2006) Совета Безопасности ООН от 29.03.06. К Соглашению прилагается Устав Специального трибунала по Ливану, который является его неотъемлемой частью (ст. 1 п. 2 Соглашения).

Особенностью второй категории смешанных (гибридных) судов является то, что они учреждены Миссиями по поддержанию мира, которым предоставлен административный мандат ООН. В соответствии с ним они реализуют полномочия законодательной, исполнительной и судебной властей по месту проведения миротворческих операций.

Именно такой широкий административный мандат Миссии ООН по делам Временной администрации в Косово (МООНВАК) предоставлен Резолюцией Совета Безопасности ООН 124[5]4 (1999), Временной администрации ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ) – Резолюцией Совета Безопасност[6]и ООН 1272 (1999). Во исполнение этих мандатов были созданы:

1. См.: Документ ООН S/2002/246, 8 March 2002.

2. См.: Документ ООН S/2002/246, 8 March 2002. Дополнение.

3. См.: The Special Court Agreement, 2002 (Ratification) Act, 2002 [Electronic resourse] / Special Court for Sierra Leone. – Electronic data (1 file). - http://www.sc-sl.org/Documents/SCSL-ratificationact.pdf. - 07.07.08.

4. См.: Документ ООН S/RES/1757 (2007), 30 May 2007.

5. См.: Документ ООН S/RES/1244 (1999), 10 June 1999.

6. См.: Документ ООН S/RES/1272 (1999).

- Смешанные суды на территории Косово, сформированные, как и вся судебная система, в рамках операции ООН по поддержанию мира с участием международного элемента. Правовую основу их создания и функционирования составили Распоряжения МООНВАК № 2000/6 от 15.02.2000 «О назначении и отрешении от должности международных судей и международ[1]ных прокуроров», № 2000/64 от 15.12.2000 «О привлечении к разбирательству международных судей/прокуроров и/или измене[2]нии места рассмотрения дела», № 2003/26 от 06.07.03 «Временный Уголовно-процессуальный кодекс Косо[3]во».

- Коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе, учрежденные Временной администрацией ООН в Восточном Тиморе. Их деятельность регулируется Распоряжениями ВАООНВТ № 2000/11 от 06.03.2000 «Об организации судов в Вост[4]очном Тиморе» и № 2000/15 от 06.06.2000 «Об учреждении Коллегий с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлени[5]й».

Смешанные (гибридные) уголовные суды двух категорий кроме общего сходства имеют и ряд существенных различий, ключевым из которых является их положение в судебной системе соответствующих государств. Так, суды, учрежденные на основании договоров с ООН, не входят в судебную систему соответствующих государств и являются «внешними» по отношению к судам этих государств. А суды, учрежденные временными администрациями ООН, входят в судебные системы этих государств, являются их элементами, но обладают «смешанным» характером при осуществлении специальной предметной юрисдикции.

Однако данное отличие носит относительный характер, поскольку судебные системы этих государств изначально созданы не в порядке обычной законодательной процедуры, а в результате деятельности внешних органов управления – временных администраций ООН в рамках миротворческих миссий. Иными словами данные судебные

---

1. См.: Документ ООН S/2000/177/Add.2, 28 March 2000// UNMIK/REG/2000/6, 15 February 2000.
2. См.: Документ ООН S/2001/218/Add.1, 26 March 2001//UNMIK/REG/2000/64, 15 December 2000.
3. См.: UMNIK/REG/2003/26 [Electronic resource] / UN Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK). – Electronic data (1 file). - http://www.unmikonline.org/regulations/unmikgazette/02english/ E2003regs/RE2003_26.pdf. - 28.07.08.
4. См.: UNTAET/REG/2000/11, 6 March 2000 [Electronic resource]/ UN Transitional Administration of East Timor. – Electronic data (1 file). - http://www.un.org/peace/etimor/untaetR/Reg11.pdf. - 28.07.08.
5. См.: UNTAET/REG/2000/15, 6 June 2000 [Electronic resource]/ UN Transitional Administration of East Timor. – Electronic data (1 file).- http://www.un.org/peace/etimor/untaetR/Reg0015E.pdf.-28.07.08.

органы, де-юре, являясь составной частью внутригосударственной судебной системы, де-факто являются «внешними» судами для государств, на территориях которых они функционируют, поскольку созданы «внешним законодателем».

К третьей модели органов международного уголовного правосудия относятся национальные суды, к юрисдикции которых специальными решениями отнесено правосудие по делам о международных преступлениях с участием международных судей и иных участников уголовного судопроизводства.

Ныне общепризнано, что государства, являясь участниками договоров, устанавливающих преступность и наказуемость международных преступлений, обязаны принимать меры по имплементации в национальное законодательство норм международного права о их преступности и наказуемости. А также создавать соответствующие правоохранительные органы и суды, к юрисдикции которых отнесено расследование и судопроизводство на внутригосударственном уровне по делам о международных преступлениях, готовить специалистов для них, в порядке уголовного судопроизводства осуществлять расследование и рассмотрение по существу дел о международных преступлениях и уголовное преследование лиц, виновных в их совершении.

Однако на практике встречаются случаи, когда в силу тех или иных обстоятельств, национальные суды не отправляют правосудие по делам о международных преступлениях. В зависимости от причин, пути преодоления такого положения могут быть различными: от учреждения международных уголовных судов до передачи соответствующих материалов в постоянно действующий МУС. Это определяется с учетом множества факторов.

Одним из таких факторов может являться отсутствие или нехватка национальных специалистов (следователей, прокуроров и судей), способных надлежащим образом обеспечить на внутригосударственном уровне расследование и уголовное судопроизводство по делам о международных преступлениях.

Заинтересованные государства и международное сообщество ныне исходят из того, что для преодоления такого рода препятствий нет необходимости каждый раз учреждать международные суды, а достаточно организовать международное сотрудничество для того, чтобы:

(1) создать условия для подготовки соответствующих специалистов, тем самым преодолевая объективную их нехватку;

(2) обеспечить участие в уголовном судопроизводстве по делам о международных преступлениях во внутригосударственных судах таких специалистов, которые не имеют

причин субъективного свойства уклоняться от расследования международных преступлений и осуществления правосудия по делам о них.

Второе из названных направлений сотрудничества реализуется путем участия в уголовном судопроизводстве по делам о международных преступлениях во внутригосударственных судах международных судей и, в отдельных случаях, международных обвинителей, а также международного вспомогательного персонала. Его правовой основой является законодательство соответствующего заинтересованного государства.

На практике это осуществляется путем формирования во внутригосударственных судах специализированных судебных составов (по форме «суд в суде»), наделенных ограниченной предметной юрисдикцией (в отношении международных преступлений) с участием международных и национальных судей и обвинителей. Иными словами речь идет не о международных, а о национальных судах с т.н. международным «элементом» - участием в их деятельности международных судей и обвинителей наряду с национальными судьями и обвинителями. В отличие от международных *ad hoc* и смешанных (гибридных) судов, национальные суды с т.н. международным «элементом» могут быть обозначены как «интернационализированные» суды.

Первым из таких судов является Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины. Он создан на основе поправок, внесенных 14 декабря 2004 г. в Закон о Суде Боснии и Гер[1]цеговины и Закон о Прокуратуре Боснии и Герцеговины. Он функционирует в составе пяти Судебных коллегий, каждая из которых действует в качестве суда первой инстанции, принимает к своему производству и рассматривает по существу дела о преступлениях геноцида, преступлениях против человечности и военных преступлениях; каждая судебная коллегия осуществляет правосудие в составе трех судей: одного национального и двух – международных. Апелляционной инстанцией для Отдела по военным преступлениям является Отдел I Апелляционного отделения Суда Боснии и Герцеговины в составе двух международных и одного национального судьи.

Вторым примером национального суда, к юрисдикции которого и отнесено рассмотрение дел о международных преступлениях с участием международных судей и иных участников уголовного судопроизводства, являются Чрезвычайные палаты в судах

---

1. См.: Zakon o sudu Bosne i Hercegovine [Electronic resourse] – «Sluzbeni glasnik Bosne i Hercegovine» br. 29/00, 16/02, 24/02, 3/03, 27/03, 42/03, 4/04, 9/04, 35/04, 61/04, 32/07) / Sud Bosne i Hercegovine. - Electronic data (1 file). - http://www.sudbih.gov.ba/files/docs/zakoni/sr/Zakon_o_Sudu_BiH_-_precisceni,_nezvanicni_tekst.pdf. – 28.07.08.

Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии. Правовую основу их деятельности составляют:

- Закон об учреждении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии от 10.08.01[1];

- Соглашение между ООН и Королевским правительством Камбоджи о преследовании в соответствии с камбоджийским правом за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии, одобренное Резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 57/228B от 13.05.03 и подписанное Сторонами в г. Пномпене 6.06.02[2]3;

- Закон об учреждении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии, принятый в новой редакции от 27.10.03[3]4.

Согласно ним в рамках судебной системы страны сформированы специализированные суды - Чрезвычайные палаты, которые функционируют при международной помощи. Они наделены юрисдикцией в отношении высокопоставленных руководителей Демократической Кампучии и тех, кто несет наибольшую ответственность за преступления и серьезные нарушения камбоджийского уголовного права, международного гуманитарного права и обычаев, а также международных договоров с участием Камбоджи, совершенные в период с 17 апреля 1975 г. по 6 января 1979 г.

«Интернационализированные» суды существенно отличаются от иных органов международного уголовного правосудия, т.к. являются внутригосударственными, а не «внешними» судами по отношению к судебным органам государств.

Однако, эти органы уголовного правосудия безусловно имеют международный характер. Прежде всего, потому, что главной целью их создания является осуществление правосудия в отношении лиц, виновных в совершении международных преступлений.

---

1. См.: Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers in the Court of Cambodia for the prosecution of crimes committed during The period of Democratic Kampuchea (NS/RKM/0801/12), promulgated on 10 August 2001 [Electronic resource] / Extraordinary Chambers in the Court of Cambodia. – Electronic data (1 file). - http://www.eccc.gov.kh. - 15.04.08.

2. См.: Документ ООН A/RES/57/228 B, 22 May 2003.

3. См.: Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers, with inclusion of amendments as promulgated on 27 October 2004 (NS/RKM/1004/006): Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers in the Court of Cambodia for the prosecution of crimes committed during The period of Democratic Kampuchea [Electronic resource] / Extraordinary Chambers in the Court of Cambodia. – Electronic data (1 file). - http://www.eccc.gov.kh/english/cabinet/law/4/KR_Law_as_amended_27_Oct_2004_Eng.pdf. - 01.03.09.

Кроме того, источники правового регулирования деятельности этих судов сформированы под непосредственным влиянием ООН: в Боснии и Герцеговине – Высокого представителя по данному региону, в Камбодже – Генерального секретаря и Генеральной Ассамблеи. А в круг участников уголовного судопроизводства допущены международные судьи, обвинители и защитники.

И, наконец, **четвертая и наиболее совершенная из действующих ныне институциональных моделей** органов международного уголовного правосудия – Международный уголовный суд.

Система международной уголовной юстиции

Объединение в единую систему столь различных органов международного уголовного правосудия представляется весьма сложным и дискуссионным вопросом.

При, порой, весьма существенных различиях в правовом регулировании, их деятельность имеет специфические и, по существу, единые материально-правовые основы - криминализацию в международном праве преступлений, отнесенных к их юрисдикции, т.е. международных преступлений.

Она основана на единых принципах международного права, получивших признание еще в Уставе Нюрнбергского трибунала.

Кроме того, органы международного уголовного правосудия, хотя и не находятся в иерархической подчиненности по отношению друг к другу (подобно организационному подчинению судов первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций на внутригосударственном уровне), тем не менее взаимодействуют между собой.

Это свидетельствует о достижении принципиального согласия различных государств, как основных субъектов международного права, по вопросу о компетенции и полномочиях судебных органов, наделенных международной уголовной юрисдикцией.

Изложенное позволяет рассматривать правовое регулирование и деятельность судов, осуществляющих международную уголовную юрисдикцию, в рамках единой системы, которая международным сообществом обозначается самостоятельным термином - «*международная уголовная юстиция*» или «*international criminal justice*[1]».

Хотя мы и ведем речь именно о системе международной уголовной юстиции, следует отметить, что к настоящему времени еще не сложилась стройная система норм права, регулирующих отправление международного правосудия в сфере уголовной

1. См.: Резолюция Совета Безопасности ООН 489(V) от 12 декабря 1950 года «Международная уголовная юстиция» // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятая сессия. – С. 84.

юрисдикции. Однако государства и ООН, несмотря на многие разногласия и спорные вопросы, идут к этому. Жизнь, стремление государств к мирному сосуществованию показывают, что данная проблема с каждым днем становится все более острой.

Последнее обстоятельство обусловлено тем, что отдельные государства и их коалиции предпринимают попытки вывести правовое регулирование и практику международного уголовного правосудия из сферы ведения международного сообщества, объединенного ООН, на более низкий уровень межгосударственного регулирования. И тем самым превратить международную уголовную юстицию в механизм для решения на международной арене различных политических задач. Ярким примером этого является учреждение и деятельность Иракского Специального Трибунала, который хотя и имеет некоторое сходство с органами международной уголовной юстиции, однако вряд ли может быть признан таковы[1]м.

Несмотря на отличия в правовых основах учреждения и деятельности, юрисдикции и организации, все органы международного уголовного правосудия обладают общими признаками.

Во-первых, их учреждение, наделение юрисдикцией для осуществления правосудия по делам о международных преступлениях, включение в круг участников уголовного судопроизводства международных судей, прокуроров, защитников изначально обусловлено волеизъявлением международного сообщества, объединенного Организацией Объединенных Наций. Все указанные выше органы учреждены или сформированы при непременном участии в той или иной форме ООН.

Во-вторых, материально-правовой основой международного уголовного правосудия, отправляемого этими органами, являются международные договоры, устанавливающие преступность и наказуемость международных преступлений, а также принципы международного уголовного права, признанные международным сообществом.

В-третьих, к их предметной юрисдикции отнесены наиболее тяжкие преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, а именно: преступления геноцида, преступления против человечности и военные преступления. В отдельных случаях их юрисдикционная сфера дополняется преступлениями по внутригосударственному праву отдельных стран.

---

1. См.: Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Ук. соч. – С. 516 - 545; Трикоз Е.Н. Судебный процесс над Саддамом Хусейном в Иракском Специальном Трибунале // Право и политика. - № 10. – 2006. – С. 66-72.

В-четвертых, территориальная юрисдикция органов международной уголовной юстиции ограничена: либо территорией государства-участника (МУС), либо государств, на территории которых совершены преступления, отнесенные к их предметной юрисдикции, и поименованные в уставных документах.

В-пятых, органы международной уголовной юстиции наделены универсальной персональной юрисдикцией: ими к уголовной ответственности могут быть привлечены любые физические лица за совершение преступлений, отнесенных к их предметной юрисдикции.

Единственным исключением из приведенных принципов установления предметной, территориальной и персональной юрисдикции, является Специальный трибунал по Ливану (далее – СТЛ), в Уставе которого (ст. ст. 1 – 2) определено, что:

- СТЛ обладает юрисдикцией над лицами, виновными в совершении нападения 14.02.05, в результате которого погиб бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири, а также погибли или были ранены другие лица;

- предметная юрисдикция СТЛ определяется (1) положениями УК Ливана, касающихся преследования и наказания за акты терроризма, преступления и правонарушения против жизни и личной неприкосновенности, незаконные объединения и недонесение о преступлениях и правонарушениях, включая нормы, касающиеся материальных элементов преступления, участия в преступлении и сговора; и (2) ст. ст. 6 и 7 Закона Ливана от 11.01.58 «Об усилении наказаний за ведение подрывной деятельности, гражданскую войну и межконфессиональную вражду».

Однако, данное исключение обусловлено тем, что СТЛ создан, фактически, для расследования и осуществления уголовного преследования за одно конкретное преступление – террористический акт 14.02.05, в результате которого погиб бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири, а также погибли или были ранены другие лица.

Представляется, что такое исключение в большей мере свидетельствует не об особом месте этого судебного органа в системе международной уголовной юстиции, а о перспективах развития отдельных звеньев этой системы и ее самой.

Определение предметной юрисдикции СТЛ является первым частным опытом отнесения терроризма, давно признанного преступлением по международному праву, к подсудности международного судебного органа. Вопрос об этом ставился и ранее: как в достаточно отдаленном от сегодняшнего дня прошлом (в Конвенции о создании Международного уголовного суда, открытой для подписания Лигой Наций 30 ноября 1937

г.), так и в недавнее время (при разработке Римского статута МУС). К сожалению, безуспешно.

С учетом этого, возможно именно отнесение к его юрисдикции преступления терроризма и накопление на этой основе международного опыта осуществления уголовного преследования лиц, виновных в его совершении, явится эффективным путем к последующему распространению юрисдикции всех органов международной уголовной юстиции на эти преступления.

В-шестых, составы этих международных судебных органов являются интернациональными. Даже в случаях учреждения некоторых из них на базе национальных органов юстиции обеспечивается обязательное участие в отправлении правосудия международных (иностранных) судей. При смешанном составе судейского корпуса, в принятии решений по конкретным уголовным делам доминируют именно международные судьи.

В-седьмых, наряду с международными судьями, участниками судопроизводства являются международные прокуроры (обвинители) и международные защитники (адвокаты).

В-восьмых, отправление правосудия этими судами осуществляется, преимущественно, в соответствие с уголовно-процессуальными предписаниями, содержащимися в документах, относящихся к системе международного, а не внутригосударственного права, т.е. по правилам т.н. международного уголовного процесса. Основными его источниками являются Уставы, а также Правила процедуры и доказывания соответствующих судов. Вместе с тем, в зависимости от особенностей их учреждения и юрисдикции, такие суды могут руководствоваться предписаниями внутригосударственного уголовно-процессуального законодательства.

В-девятых, обеспечивая международный характер, судопроизводство осуществляется на доступных языках международного общения (английском, французском) или с обязательным переводом на них.

В-десятых, будучи основаны на договорах или иных решениях с участием ООН, эти суды не привязаны жестко ни к какой внутригосударственной системе права, которая автоматически применялась бы к их несудебной, административной и финансовой деятельности, чем обеспечивается независимость этих судебных органов.

В-одиннадцатых, деятельность этих органов международного уголовного правосудия финансируется при непременном участии ООН.

Изложенное позволяет констатировать, что органы международного уголовного правосудия (международной уголовной юстиции) – это суды, учрежденные международным сообществом при участии ООН на основании или во исполнение международных договоров. Они в составе международных судей, с участием международных обвинителей и защитников, в процессуальном порядке, предусмотренном международно-правовыми документами, осуществляют рассмотрение и разрешение по существу уголовных дел в отношении лиц, виновных в совершении наиболее тяжких преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества (международных преступлений), а также по делам об иных преступлениях, отнесенным к их юрисдикции при учреждении, а равно реализуют иные функции, необходимые для отправления международного правосудия.

Они образуют систему международной уголовной юстиции, которая представляет собой совокупность учрежденных международным сообществом при участии ООН на основании или во исполнение международных договоров судебных органов для осуществления правосудия по уголовным делам в отношении лиц, виновных в совершении международных преступлений, а также иных преступлений, отнесенных к их юрисдикции.

* * * * *

Международная уголовная юстиция находится в процессе развития. Она прошла сложный путь от появления первых работ доктринального характера к действующим органам международного правосудия.

До недавнего времени деятельность большинства этих органов была обращена в прошлое: они создавались для рассмотрения преступлений совершенных до их учреждения. С появлением МУС международная юстиция приобрела превентивное значение, т.к. он создан не для рассмотрения преступлений, совершенных в прошлом, а обращен в будущее.

И давая текущую оценку отдельным решениям органов международного уголовного правосудия, вряд ли следует исходить из конъюктурных соображений, а более нужно помнить о целях их создания и деятельности. Ведь еще на Нюрнбергском процессе адвокат доктор Отто фон Людингхаузен обратил внимание на то, *международное уголовное правосудие обусловлено и продиктовано «стремлением найти средства и пути к тому, чтобы изъять войну вообще как средство политики из сферы взаимоотношений между народами, …. Преследует высокую цель, направленную на создание международного права … которому подчинились бы все народы и государства, если они хотят считать себя культурными государствами*[1]*».*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Яртых И.С. Нюрнбергский процесс: Защитительные речи адвокатов. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. – С. 6 – 7.

Alexander G. Volevodz International criminal justice: from the idea to modern system

Profound concern of international community about serious violations of basic principles and admitted rules leads to wide spread practice of establishing and functioning of international courts of criminal justice. The article touches upon the history of legal basis of international criminal justice, modern models of establishing and functioning of international criminal courts, and signs, that consolidate them into modern system of international criminal justice.

В.А.ИОВЕНКО[1]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПЕРЕВОД: НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ, НОВАЯ ЛЕКСИКА (ИСПАНОЯЗЫЧНЫЙ АРЕАЛ)

В статье рассматриваются три особенности публицистического перевода: насыщенность медиатекстов языковыми единицами и текстовыми структурами национально-культурного характера; политологические комментарии переводчика в виде примечаний к тексту перевода; поиск соответствий на переводящем языке новым словам и выражениям исходного языка. Даны примеры из испанско-русских переводов. Для журналистов-международников, переводчиков, испанистов.

Перевод текстов, относящихся к сфере средств массовой информации, подчиняется общим закономерностям, принципам и нормам переводческой деятельности. В то же время публицистическому переводу, как и любому другому типу перевода (например, художественному, военному, техническому), присущи свои особенности. Остановимся на трёх из них.

Первая особенность связана с тем, что публицистические тексты, как никакой другой литературный жанр, насыщены своеобразными языковыми единицами и текстовыми структурами, которые принято относить к проявлениям национально-языковых картин мира – того, порой неуловимого и непривычного для нас в текстах на иностранных языках, что, помимо «традиционных» грамматических и лексических расхождений, отличает один язык от другого.

Вторая особенность сопряжена с необходимостью, во многих случаях, политологического комментирования для иноязычных получателей фрагментов информации, содержащейся в оригинальном медиатексте, что

1. ***Иовенко Валерий Алексеевич,*** доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД России.

предполагает наличие у журналистов-международников, которым нередко приходится выступать в роли переводчика, хороших «фоновых» знаний.

Наконец, третью особенность публицистического перевода мы усматриваем в том, что переводчикам текстов СМИ постоянно приходится искать соответствия и эквиваленты на переводящем языке новым лексическим единицам исходного языка, которые появляются в ответ на новые явления политической и общественной жизни. В этом отношении не является исключением испаноязычное медийное сообщество.

Национально-языковая картина мира в испанских СМИ и перевод

Специфика национального восприятия и речевой номинации в родном и иностранном языках, формирующая их национально-языковые, или этноречевые картины мира, выступает важным фактором, который обусловливает выбор переводчиком вариантов перевода. Идиоматичное владение иностранным языком и адекватный перевод немыслимы без преодоления «навязываемых» своим языком способов постижения объективной действительности и овладения приёмами иноязычной интерпретации мира. Поэтому, осуществляя перевод, важно уметь выйти за рамки понятийных стереотипов языка, на котором создан подлежащий переводу текст, чтобы «оказаться» в национально-языковой картине мира того языка, на который выполняется перевод.

Этноречевая обусловленность переводческих решений срабатывает весьма часто при переводе именно публицистических текстов и порой может иметь высокую степень актуализации. Переводной текст, в котором не учтены национально-культурные аспекты коммуникации на переводящем языке, воспринимается его получателями как неестественны[1]й.

---

1. Подробнее см.: Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. – М.: изд-во «ЧеРо», 2005. – С. 103-106.

Приведём ряд примеров. Так, в испанских газетах нередко встречается лексика, использование которой в данной ситуации является для нас, русскоязычных читателей, непривычным. Адаптировать неприемлемые ad hoc испанские слова и выражения к лексическому стандарту русских газетных текстов призваны *лексические* или *контекстуальные замены*.

В первом случае вместо необычного для нас употребления испанских лексем используются лексические обороты, более уместные в газетном тексте на русском языке:

El Secretario General de la ONU también instó al Consejo de Seguridad a prorrogar ***otros*** (букв. *другие*) *seis meses el mandato de dos centenares de cascos azules desplegados en la antigua colonia española. – Генеральный секретарь ООН обратился с просьбой к Совету Безопасности продлить* ***ещё на*** *шесть месяцев мандат двухсот миротворческих «голубок касок», развёрнутых в бывшей испанской колонии.*

Контекстуальные замены чаще всего вызваны тем, что в испанских СМИ, в отличие от аналогичных русских источников, излюбленным стилистическим приёмом авторов является употребление в рамках одного и того же фрагмента текста нескольких, как правило, необычных, с точки зрения носителей русского языка, синонимов для обозначения государства, государственного или политического деятеля, события. При переводе на русский язык желательно повторить первое название, использованное испанским автором, либо дать семантически нейтральный эквивалент:

Aunque la Administración estadounidense apuesta por la mano dura para castigar el desafío nuclear ***norcoreano*** (букв. *северокорейский*)*, tanto China como Corea del Sur no quieren cerrar la puerta al diálogo para no aislar aún más al* ***país asiático*** (букв. *азиатская страна*). *– Хотя американская администрация выступает за жёсткие меры наказания* ***Северной Кореи****, осуществившей ядерные испытания, Китай и Южная Корея не хотят прекращать диалог, что ещё в большей степени изолировало бы* ***КНДР****.*

Другая отличительная черта испанских медиатекстов - яркие, порой неожиданные для нас стилистические фигуры, которые призваны привлечь внимание читателей. Буквальный перевод подобных стилистических образов может вызвать недоумение и даже непонимание, поскольку текстам СМИ на русском языке свойственны в целом стилистическая сдержанность и языковая умеренность. Поэтому переводчик вынужден стилистически переосмыслить контрастные испанские обороты:

Los países europeos todavía no han dado pasos determinantes en la formación de un mercado energético común, porque se trata de un campo considerado estratégico, como para aceptar ***la entrada del oso ruso en sus tuberías domésticas*** (букв. *вхождение русского медведя в их домашние трубы*). - *Европейские страны ещё не предприняли решающих шагов в формировании единого энергетического рынка, потому что речь идёт о сфере, считающейся стратегической, коль скоро им придётся согласиться на* ***использование газа из России в своих домах.***

Ещё одним проявлением национально-языковой картины мира при переводе текстов СМИ выступает их неодинаковый «по умолчанию» стилистический «регистр» в родном и иностранном языках. В этой связи нельзя не упомянуть о достаточно известном переводчикам-испанистам явлении, когда при переводе на русский язык часто приходится снижать – разумеется, в разумных пределах - возвышенный стилистический «регистр» испанских медиатекстов, как это произошло в следующем случае:

Es mejor no dar a ningún rival por vencido ***hasta que termine el último asalto*** (букв. *пока не завершится последний штурм*). *– Лучше заранее не считать побеждённым какого бы то ни было соперника до тех пор,* ***пока не будут закрыты избирательные участки и подведены результаты голосования***.

С другой стороны, испанские тексты СМИ, в отличие от подобных текстов на русском языке, во многих случаях более лаконичны с языковой

точки зрения. Иными словами, для передачи какой-либо мысли испанцы чаще пользуются меньшим числом слов. В русском же переводе неизбежны лексические добавления:

Sobre el tratado de cooperación con la UE que ***caduca*** *en diciembre, el Presidente ruso dijo que quería que se hiciera "desde una nueva visión", teniendo en cuenta que el actual data de hace 20 años y no incluye la mayor parte de los asuntos que son hoy estratégicos. – Касаясь договора о сотрудничестве с ЕС,* ***срок действия которого истекает*** *в декабре, российский Президент сказал, что он хотел бы, чтобы новый договор был разработан под новым углом зрения, учитывая, что ныне действующий договор подписан 20 лет назад и не включает бóльшую часть проблем, являющихся сегодня стратегическими.*

Журналистам, работающим с испанским языком, приходится иметь дело с медиатекстами, представляющими не только пиренейский вариант испанского языка, но и его национальные варианты почти в двух десятках стран Латинской Америки. А это – дополнительный источник национально-культурной самобытности испаноязычного медийного пространства. При переводе на испанский язык необходим учёт разных для этих стран языковых форм и экстралингвистических явлений, стоящих за семантикой одного и того же языкового объекта. И, следовательно, в идеале нужны разные варианты перевода – для испанцев и испаноамериканцев.

Известно, что в испанском языке каждой латиноамериканской страны существуют свои особые слова, выражения, грамматические формы и конструкции. Одни из них вообще не используются в испанском языке Испании (*castellano*), среди них многочисленные *индихенизмы.* А другие, хотя и встречаются в речи испанцев, но имеют иные значения. Многие лексические латиноамериканизмы напоминают обычное испанское слово, но обладают своеобразным словообразовательным оформлением, которое не свойственно пиренейскому варианту испанского языка: *fallo* ***ejemplarizante*** (Уругвай; в Испании – *ejemplar*) – *служащее примером судебное решение;*

conversaciones para ***efectivizar*** *el acuerdo* (Парагвай; в Испании – *hacer efectivo*) *– переговоры с целью достижения соглашения.*

Трудности в понимании латиноамериканизмов и передаче их значений на русском языке усугубляются и тем обстоятельством, что далеко не всегда в распоряжении журналистов-международников могут оказаться специальные словари чилинизмов, мексиканизмов и других национальных вариантов испанского языка.

Нельзя обойти молчанием ещё одну специфическую особенность испаноязычных медийных текстов, которая придаёт им неповторимый национальный колорит. Речь идёт о сокращениях, которыми изобилуют материалы испанских СМИ. Процесс непрерывного образования всё новых аббревиатур привёл даже к появлению многочисленных словарей испанских (перуанских, аргентинских и т.п.) сокращений.

Некоторые из них, такие как *UE* (*ЕС*), *ONU* (*ООН*), *OEA* (*ОАГ*), *OTAN* (*НАТО*), *EE.UU.* (*США*), *PSOE* (*ИСРП*) хорошо знакомы нашим журналистам, работающим в испанской информационной среде. Поэтому их расшифровка на русском языке не вызывает трудностей. И всё же в подавляющем большинстве случаев интерпретация испанских аббревиатур, создатели которых полагают – и не без основания -, что испаноязычные читатели, для которых и предназначены эти материалы, знакомы, если не со всеми аббревиатурами, то со многими из них, а также «присвоение» им русского «ярлыка» сопряжены с проблемами. Ситуация усугубляется тем, что в каждой испаноговорящей стране непрерывно возникают собственные сокращения. Так, за сокращением *FARC*, которое широко используется в колумбийских СМИ, «скрываются» *Fuerzas Armadas Revolucionarias Colombianas* (*Революционные вооружённые силы Колумбии, РВСК*).

Политологический комментарий в переводе

Общепризнанным в теории и в практике перевода является тезис о том, что перевод означает не только и не столько переход от одного языка к другому, сколько переход от одной культуры к другой культуре. Несмотря на известную метафоричность заключительной части данного утверждения, оно верно отражает сущность процесса перевода и представляет собой одну из важнейших аксиом переводоведения. Из этого положения следует, что переводчики – как письменные, так и устные – должны, по мен[1]ьшей мере, не только владеть двумя языками, но и быть осведомлёнными о различных сферах предметной ситуации – культуре, истории, политической обстановке, состоянии экономики и т.п.

В переводном тексте способом преодоления социокультурного барьера, который часто возникает между людьми, принадлежащими к различным языковым коллективам, выступают специальные переводческие приёмы, а именно: замены-переосмысления, опущения, но чаще всего текстовые

1. Выражение «по меньшей мере» означает, с одной стороны, что процесс перевода и коммуникативная деятельность переводчиков обусловлены и многими другими факторами, которые отнюдь не ограничиваются языковыми и национально-культурными аспектами межъязыкового посредничества. С другой стороны, нецелесообразно ограничивать этот процесс двумя языками и культурами, поскольку возможно одновременное участие двух и более переводчиков и использование не только двух, но трёх и даже бóльшего числа языков, как это предусмотрено, например, процедурами деятельности ООН или ЕС. Соответственно, возрастает число культур, языков и ситуаций, задействованных в подобных актах перевода.

Valery A.Iovenko. International journalism and translation: national and idiomatic pictures of the world, political commentary, new vocabulary (Spanish speaking countries)

The article examines three peculiarities of mass media texts translation: abundance of specific national idiomatic units and text structures; political commentary in footnotes, made by a translator; search for equivalents in the target-language to new words and expressions of the source-language. The article gives examples from Spanish-Russian translations.
The article is addressed to international journalists, translators, Spanish language specialists.

добавления страноведческого, литературоведческого, политологического и иного характера.

Текстовые добавления, которые преследуют цель обогатить «фоновые» знания получателей переводных текстов, привлечь их внимание к некоторым явлениям, чьё подробное описание в оригинальных текстах не требуется ввиду их известности иноязычной аудитории, - отличительная черта именно публицистических переводов. Впрочем, и художественный текст бывает столь насыщен культурологическими наслоениями, что примечания переводчиков помещаются не только в сносках к тексту, но и в приложении к тексту перевода (например, в переводе с испанского языка на русский романа кубинского писателя А.Карпентьера «Превратности методы»).

Переводчики могут воспользоваться приёмом текстового добавления, вводя в текст перевода небольшие вставки (от одного слова до двух-трёх слов), или, размещая вне корпуса текста перевода, как правило, в примечании или в сноске более или менее обширные по содержанию комментарии.

В качестве примера небольших вставок могут служить добавления *президентский дворец* и *1980 года*, которые следовало бы ввести в текст перевода на русском языке следующей испанской фразы:

La izquierda y el centro izquierda de Chile archivaron las dogmas y el revanchismo para no asustar al electorado, tranquilizar a los generales, instalarse en La Moneda, abatir el tutelaje militar de la Constitución y ganar las últimas municipales.

Левые и левоцентристы в Чили сдали в архив догмы и стремление взять реванш, чтобы не напугать избирателей, успокоить генералов, обосноваться в ***президентском дворце*** *Ла-Монеда, положить конец ситуации, когда в соответствии с положениями Конституции* ***1980 года****, общество находилось под плотной опекой военных, и одержать победу на последних муниципальных выборах.*

Текстовое добавление *президентский дворец* повысит «фоновую» осведомлённость русских получателей, которые вряд ли знают о том, что Ла-Монеда является официальной резиденцией чилийских Президентов. Добавление *1980 года* представляется важным с политологической точки зрения, поскольку оно вводит наших читателей в непростую внутриполитическую ситуацию, сложившуюся в этой южноамериканской стране в те годы, когда у власти находилось военное правительство генерала Аугусто Пиночета.

Остановимся подробнее на текстовых политологических комментариях, которые переводчик мог бы сделать и разместить вне рамок корпуса текста перевода.

Известно, что в испанских и русских медийных текстах часто и в разных смысловых контекстах упоминаются имена политических и государственных деятелей различных стран. В этих случаях следует создавать читателям переводного текста оптимальные условия для включения сведений о персоналиях в контекст понимания и адекватной интерпретации замысла автора исходного текста.

Так, если испанский журналист упомянул имя *Тони Блэра* в выражении *candidatos eurotibios como Tony Blair (кандидаты-евроскептики типа Тони Блэра)*, то надлежит не столько соотнести эту лексическую номинацию с бывшим главой английского правительства, сколько пояснить – в виде политологического комментария, который переводчик мог бы вынести в примечание к этому тексту - , что стоит за словом *«евроскептики»:*

Тони Блэр *– премьер-министр Великобритании в 1997-2007 годах. Англия, хотя и является членом ЕС, традиционно занимает весьма сдержанную, а зачастую негативную позицию в отношении многих программ и инициатив этой европейской наднациональной организации* (Прим. перев.).

Появление в другой испанской статье имени *Хосе Марии Аснара*, к тому же в контексте географического объекта (*Азорские острова*), вряд ли

способно – без соответствующего политологического комментария переводчика – напомнить нашим читателям о бывшем испанском премьере и, главное, о проводившейся им внешней политике и её последствиях:

Хосе Мария Аснар *– Председатель Правительства Испании в 1996-2004 годах. лидер Народной партии Испании. Весной 2003 года на трёхсторонней встрече, состоявшейся на Азорских островах, Хосе Мария Аснар и Тони Блэр поддержали решение Президента США Джорджа Буша о вводе американских, английских и испанских воинских контингентов в Ирак. В марте 2004 года Народная партия проиграла парламентские выборы своему традиционному сопернику Испанской социалистической рабочей партии во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапатеро. В июне 2004 года испанские войска были выведены из Ирака. В марте 2008 года на очередных всеобщих выборах в Испании победу вновь одержали социалисты* (Прим. перев.).

Таким образом, при переводе порой оказывается недостаточным лишь идентифицировать подобные обозначения с их носителями. Важно выявить дополнительные, иногда скрытые семантические нюансы, которые сопровождают их и приобретают значимость при принятии переводчиком решений. Неоценимую роль могут сыграть здесь профессиональные комментарии переводчика.

В следующем примере нам представлялся бы оправданным и своевременным обширный политологический комментарий переводчика (в виде примечания к переводному тексту) на небольшой фрагмент испанской газетной статьи, в котором упоминался *líder de la revolución naranja (лидер оранжевой революции)*:

Оранжевой революцией *журналисты назвали приход к власти на Украине в 2004 году сторонников правоцентристских партий и избрание Президентом страны Виктора Ющенко. Подобные образные названия журналисты использовали при описании политических событий, имевших место в ряде других стран Восточной Европы и на постсоветском*

пространстве: в конце 80-х годов прошлого века в тогдашней Чехословакии, где от власти мирным путём в результате ***бархатной революции*** *были отстранены коммунисты, бурные события в начале этого века в Грузии и Киргизии, получившие названия, соответственно,* ***революции роз*** *и* ***революции тюльпанов****. Впрочем, подобная традиция образного политического языка восходит к апрелю 1974 года, когда революция в Португалии, носившая мирный характер и совпавшая по времени с цветением гвоздик, была названа* ***революцией гвоздик*** (Прим. перев.).

Столь же целесообразным стал бы для русских читателей испанской статьи подробный комментарий (опять же в виде внетекстового примечания) переводчика, в котором была бы затронута история международных отношений, в связи с использованием в оригинальном тексте двойного наименования географического объекта – Мальвинские (Фолклендские) острова. Благодаря такому комментарию, переводчику удалось бы преодолеть прогнозируемые им расхождения в объёме «фоновых» знаний и различном наполнении социокультурного тезауруса носителей русского и испанского языков:

Мальвинские (Фолклендские) острова. *Вот уже почти двести лет длится конфликт между Аргентиной и Великобританией по поводу принадлежности островов, которые находятся в южной части Атлантического океана. Аргентина называет их Мальвинскими островами, в то время как для Великобритании это – Фолклендские острова. В 1982 году территориальный конфликт вылился в настоящую войну. США в нарушение положений Межамериканского договора о взаимной помощи, подписанного ещё в 1947 году в Рио-де-Жанейро, поддержали не это южноамериканское государство, а своего союзника по НАТО - Великобританию. Аргентина проиграла войну, но продолжает настойчиво добиваться суверенитета над островами* (Прим. перев.).

В приводимом ниже примере уместным стал бы, по нашему мнению, комментарий переводчика по поводу выражения *el país de los Cedros* (*страна кедров)*, которое использовал испанский журналист в статье, посвящённой положению на Ближнем Востоке:

Страна кедров. *Так образно в международной журналистике называется Ливан. В газетах можно встретить необычные названия и некоторых других стран: Страна кленового листа (Канада), Страна восходящего солнца (Япония, Страна за Пиренеями (Испания)* (Прим. перев.).

Приемлемость политологических комментариев, осуществляемых переводчиками (редакторами) в рамках примечаний (сносок) к тексту перевода и недопустимость подобных модификаций в самом корпусе переводных текстов объясняются особым статусом этого текста, «внетекстовой» сущностью комментариев и дистанцированностью переводчиков (редакторов) от авторов оригинальных текстов.

Новая лексика и её освоение в переводе

Новые политические реалии привели к образованию в языке испанских средств массовой информации неологизмов или к переосмыслению старых слов. Например, прилагательное *comunitario* (от *comunidad – сообщество*) соотносится с предыдущим названием Европейского Союза, которое просуществовало до подписания в 1992 г. Маастрихтского договора, а именно: *Comunidad Económica Europea (Европейское экономическое сообщество, ЕЭС). Comunitario* означает всё, что связано с функционированием ЕС: *autoridades comunitarias – власти ЕС, legislación comunitaria - законодательство ЕС.*

Новая лексика может стать ответом языка на невиданные ранее стихийные бедствия, например, *цунами – tsunami.* И это невзирая на то, что в обиходе у испанцев давно существует слово *maremoto*. Однако именно

tsunami, а не *maremoto* было использовано в 2007 году в мексиканской прессе для обозначения не столь катастрофического по масштабам наводнения, которое за несколько лет до этого имело место в Юго-Восточной Азии:

Un ***tsunami fluvial*** *engulle en noviembre de 2007 una aldea de Chiapas. –* ***Речное цунами*** *поглотило в ноябре 2007 года деревню в штате Чиапас.*

Процесс формирования новых международных организаций сопровождается появлением новых должностей. Важно знать, как они называются на родном и иностранном языках: *secretario general iberoamericano – генеральный секретарь иберoамериканских встреч на высшем уровне (*от *Cumbres Iberoamericanas – межгосударственное объединение - иберoамериканское сообщество в составе Испании, Португалии, стран Латинской Америки), comisario de la ampliación de la Unión Europea – комиссар Европейского Союза по вопросам расширения (вступления новых стран-членов), jefe de la diplomacia europea – комиссар ЕС по вопросам внешней политики и безопасности.*

Выражение *челночная дипломатия,* с которым в последние годы мы часто встречаемся на страницах газет и журналов, эквивалентно испанскому *diplomacia lanzadera (espolín).*

Значение глагола *спонсировать*, без которого ныне редко обходятся авторы публицистических материалов, передаёт в переводе на испанский язык глагол *patrocinar.*

Английское слово *glamour (очарование, близость к принятым в «высшем» обществе стандартам шикарного стиля жизни)*, которое на наших глазах проникло в испанский и русский языки, получило в качестве своего испанского эквивалента выражение *vida glamurosa.*

Новые политические и компьютерные технологии отражают такие слова, как *monitorear* и *online: monitorear derechos humanos – проводить мониторинг (отслеживать ситуацию) в области прав человека, edición online – издание в режиме реального времени (в оперативном режиме).*

Впрочем, это слово используется в последнее время столь часто, что уже не требует специального перевода на русский язык, например: *издание online, онлайн-интервью.*

В интернет-изданиях испанских газет слово *hemeroteca,* давно существующее в испанском языке в значении *«собрание подшивок газет и журналов»,* теперь используется в значении *«электронная библиотека периодической печати».*

Эквивалентами новомодного английского глагола *to clone* и образованных от него слов стали в испанском и русском языках, соответственно, *clonar, clon, clonación* и *клонировать, клон, клонирование.*

ПРИМЕЧАНИЯ

А.А. Урюпина[1]

Денежная сфера в Российской Федерации: анализ динамики основных показателей денежной массы и их влияние на темпы инфляции

Увеличение денежной массы в российской экономике является одним из главных факторов инфляции в России. В статье рассматриваются процессы, происходившие в денежной сфере Российской Федерации в течение последних лет: анализируется динамика, структура и особенности денежной массы и влияние роста агрегатов денежной массы на уровень российской инфляции

Денежная масса имеет огромное экономическое значение. Изменение темпов роста денежной массы воздействует на объём производства, занятость, цены, процентные ставки. Правительства государств в лице Центральных банков пытаются управлять денежной массой, преследуя цели экономической политики.

С момента возникновения денег было известно, что их количество тесно связано с уровнем цен. Например, количественная теория денег утверждает, что объем денежной массы определяет уровень инфляции. Для составления прогноза инфляции экономисты принимают за основу модели, использующие показатели денежной массы М2.

Именно поэтому процессы, происходившие в денежной сфере России в течение последних лет, а именно анализ структуры и особенностей денежной массы в России, в контексте сравнения динамики денежной массы и соответствующего уровня российской инфляции, ее монетарных источников, требуют специального исследования.

При проведении денежно-кредитной политики Банк России опирается на денежные агрегаты, характеризующие текущие монетарные условия и являющиеся индикаторами будущего инфляционного давления. Денежные

1. ***Урюпина Анастасия Александровна*** – аспирант кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России

агрегаты - это статистические показатели денежной массы, находящейся в обращении в стране, они отличаются между собой по уровню ликвидности и представляют собой иерархическую систему: каждый последующий агрегат включает в свой состав предыдущий. Агрегат М1 включает наличные деньги (М0) и средства на текущих банковских счетах. Агрегат М2 состоит из агрегата М1 плюс срочные и сберегательные вклады в коммерческих банках, агрегат М3 - содержит агрегат М2 плюс сберегательные вклады в специализированных кредитных учреждениях.

Денежная база не является денежным агрегатом, она представляет собой основу для формирования денежных агрегатов и поэтому называется деньгами «повышенной эффективности».

Наличность является непосредственной частью предложения денег, тогда как банковские резервы влияют на способность банков создавать новые депозиты, увеличивая предложение денег.

Центральный банк определяет денежную базу как «денежно-кредитные обязательства Банка России в национальной валюте, которые обеспечивают рост денежной массы[1]».

Термин «денежная база» впервые ввел А. Мелтзер в 19[2]59 г. Дж. Кейнсом в «Трактате о деньгах» (1930 г.) использовалось понятие «резерв[3]ные деньги». Выдающиеся экономисты занимающиеся денежными теориями М.Фридмен и А.Щварц, также Ф.Кейган применяли термин «деньги высокой эффективност[4]и».

Таким образом Центральный Банк может контролировать предложение денег путем воздействия на денежную базу. Изменение денежной базы, в свою очередь, оказывает мультипликативный эффект на предложение денег.

---

1. Бюллетень банковской статистики №1 (176) 2008. с.146
2. Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. М.: Эдиториал УРСС, 2003. с. 163
3. Keynes J. A Treatise on Money. – London: Macmillan and Co. Vol I, 49-50
4. Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. М.: Эдиториал УРСС, 2003. с. 163

Денежная база – это чистые денежные обязательства государства перед экономическими агентами.

Денежная база в узком определении – это выпущенные в обращение наличные деньги, а также резервы коммерческих банков, хранящиеся в Центральном Банке.

Денежная база в широком определении включает:

- Наличные деньги в обращении с учетом остатка средств в кассах кредитных организаций - выпущенные в обращение Банком России наличные деньги сумма и остатки наличных денег в кассах кредитных организаций. При этом не учитываются остатки наличных денег в кассах учреждений Банка России;
- Обязательные резервы - остатки на счетах обязательных резервов, депонируемых кредитными организациями в Банке России;
- Средства на корреспондентских счетах кредитных организаций в Банке России (включая усредненные ставки обязательных резервов);
- Средства на депозитных счетах кредитных организаций в Банке России;
- Вложения кредитных организаций в облигации Банка России;
- Средства резервирования по валютным операциям, внесенные в Банк России;
- а также иные обязательства Банка России по операциям с кредитными организациями (обязательства по обратному выкупу ценных бумаг) в валюте Российской Федерации[1].

Статистически денежная база в широком определении рассчитывается на основе данных сводного бухгалтерского баланса Банка России.

В составе денежной базы в широком определении все элементы учитываются только в национальной валюте.

В Приложении 1 «Денежная база в широком определении» представлен объем, структура и динамика денежной базы Российской Федерации за период с января 1997 года по 1 января 2008 года. За 2007 г. денежная база в

1. Бюллетень банковской статистики №10 (173) 2007 с.146

широком определении увеличилась на 33,7%, в 2006 году на - 41%, а в 2005 г. — на 22,4%[1].

Таблица 1

Денежная база и ее структура

	01.01.2007		01.01.2008	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Денежная база (в широком определении):	4122,4	100	5513,3	100
- наличные деньги в обращении с учетом остатков в кассах кредитных организаций	3062,1	74,3	4118,6	74,7
- корреспондентские счета кредитных организаций в Банке России	638,1	15,5	802,2	14,5
- обязательные резервы	221,1	5,4	221,6	4
- депозиты кредитных организаций в Банке России	98,1	2,4	270,3	4,9
- облигации Банка России у кредитных организаций	103,1	2,5	100,7	1,8

Источник: составлено автором на основе данных www.cbr.ru

Изменение структуры денежной базы в широком определении в 2007 г. показано в Таблице 1. Доля наличных денег практически не изменилась и на 1 января 2008 года составила 74,7%). Удельный вес средств на корреспондентских счетах кредитных организаций в Банке России снизился с 15,5 до 14,5%, доля средств на счетах обязательных резервов снизилась с 5,4% на 1 января 2007 составила 4%. Доля депозитов кредитных организаций в Банке России значительно повысилась - с 2,4% до 4,9% на соответствующие даты (1 января 2006 года этот показатель был равен 0,2%). Удельный вес облигаций Банка России у кредитных организаций снизился с 2,5% до 1,8%.

Денежная база в широком определении увеличилась за первый квартал 2007 года на 2,1% (в 2006 г. она сократила[2]сь на 6,6%). Основным источником роста денежной базы в I квартале 2007 г., как и в 2006 г., были покупки Банком России иностранной валюты на внутреннем валютном рынке. Рост

1. Подсчитано автором на основе данных www.cbr.ru
2. Состояние денежной сферы и реализация денежно-кредитной политики в I квартале 2007 года (http://www.cbr.ru/analytics)

денежного предложения сдерживался Банком России путем увеличения объемов абсорбирования ликвидности.

Денежная масса. В настоящее время денежный агрегат М2 рассматривается как важнейший объект денежно-кредитной политики. Он используется при разработке экономической политики и установлении количественных макроэкономических ориентиров. Поскольку в агрегат М2 входят срочные вклады населения в коммерческие банки, то расчет этого показателя особенно важен, так как он иллюстрирует склонность населения к сбережению, следовательно, его доверие банкам и государству в целом.

В Российской Федерации денежная масса М2 рассчитывается в национальном определении, а также по методологии денежного обзора.

Денежная масса в национальном определении. Денежная масса (агрегат М2) – это сумма наличных денег в обращении и безналичных средств. В показатель денежной массы в национальном определении включаются все средства нефинансовых и финансовых (кроме кредитных) организаций и физических лиц в наличной и безналичной валюте в рублях.

Центральный банк дает определение денежной массы как «совокупность денежных средств в валюте Российской Федерации, предназначенных для оплаты товаров, работ и услуг, а также для целей накопления нефинансовыми и финансовыми (кроме кредитных) организациями и физическими лицами – резидентами Российской Федерации»[1].

Источником информации для расчета денежной массы являются данные ежемесячного сводного бухгалтерского баланса кредитных организаций и сводного бухгалтерского баланса Банка России. В Приложении 2 представлена информация об объеме, структуре и динамике денежного агрегата М2 в Российской Федерации.

1. Бюллетень банковской статистики №10 (173) 2007. С.146

Темп роста денежной массы в национальном определении представлен на Рисунке 1, а на Рисунке 2 темпы прироста основных денежных агрегатов в последние годы.

Рисунок 1

Источник: Россия: экономическое и финансовое положение. Декабрь 2006

В целом за 2007 год рублевая денежная масса (М2) возросла на 47,5% по сравнению с 48,8% в 2006 году и 38,6% в 2005 году[1].

Рисунок 2

Темпы прироста основных денежных агрегатов
(к соответствующей дате предыдущего года, %)

1. www.cbr.ru

Источник: Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.5

Наличная часть денежной массы (М0) по состоянию на 1 января 2008 года составила 3 702,2 мл[1]рд. рублей, увеличившись с начала года на 917 млрд. р[2]ублей, или на 32,9%.Динамика наличных денег в обращении отражает главным образом изменение размеров номинальной заработной платы и пенсий.

В условиях укрепления российского рубля объемы нетто-продаж населению наличных долларов США уменьшились. Несмотря на рост чистых продаж наличных евро, в целом нетто-продажи наличной иностранной валюты уполномоченными банками через обменные пункты физическим лицам сократились (за 9 месяцев 2007 года примерно до 1,05 млрд. долл., в 2006 г. аналогичный показатель составил 4,69 млрд. долл. США)[3].

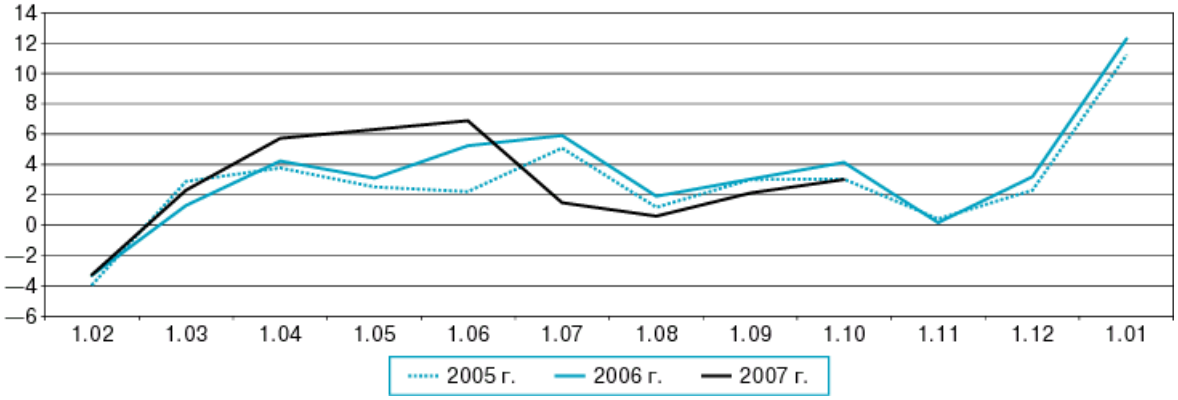
В Приложении 2 указана таблица ежемесячного прироста темпов денежной массы. В 2007 году показатель денежной массы демонстрировал устойчивый рост, за исключением января и октября, когда денежная масса сократилась на 3,3% и 0,6% соответственно[4].

Динамика денежного агрегата М2 имеет внутригодовые сезонные колебания, как показано на Рисунке 3.

1. www.cbr.ru
2. рассчитано автором на основе данных www.cbr.ru
3. Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.5
4. www.cbr.ru

Рисунок 3

Темпы прироста денежного агрегата М2
(месяц к предыдущему месяцу, %)



Источник: Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С. 5

Данные о ежемесячной динамике денежной массы важны для прогнозирования инфляции на основе ее монетарного источника в экономике с инфляционными ожиданиями. Мы видим, что в июне – июле каждый год усиливается прирост денежной массы, а наибольший всплеск ее темпов происходит к концу года. Данная тенденция отражается на темпах роста цен, который к концу года активизируется, перекидываясь на начало следующего года. В начале года (февраль), наоборот, происходит *резкое сжатие денежной массы*, но уже в марте-апреле темп ее роста достигает среднего в году уровня и стабилизируется. Рост денежной массы резко замедляется в июле-августе, что помогает стабилизировать цены в конце лета - начале осени.

Также важно обратить внимание на некоторую разбалансировку темпов роста денежной массы в первых кварталах года и затем на их синхронизацию в последующие периоды. Однако при сохраняемой синхронности можно увидеть, что каждый год рост происходит от все большей базы, что говорит о накоплении инфляционного потенциала.

Итак, можно сделать вывод о том, что в начале каждого года рассматриваемого периода внутригодовая (ежемесячная) инфляция асинхронна. В этом случае сложно делать адаптивные инфляционные ожидания, и экономические агенты чаще ошибаются в предсказаниях движения цен не в свою пользу. К середине года, когда темпы роста денежной

массы синхронизируются, адаптивные инфляционные ожидания становятся более точными.

Такой вывод об ошибке в предсказании темпов инфляции экономисты делают, на основе формулы адаптивных инфляционных ожиданий:

$$\pi^e_{t+1} = \pi^e_t + \mu\,(\pi_t - \pi^e_t),$$

где π^e_{t+1} – темп инфляции, ожидаемый в будущем периоде; π^e_t - ожидавшийся темп инфляции в текущем периоде; π_t - фактический темп инфляции; μ - коэффициент[1] адаптации,величина которого колеблется в пределах [0;1].

В соответствии с концепцией адаптивных ожиданий экономические агенты ошибаются в оценке инфляции не в свою пользу при повышении ее темпов и в свою пользу – при замедлении темпов.

Если рассматривать динамику денежной массы как монетарный фактор инфляции (при прочих равных условиях), то можно сделать вывод, что в течение года по сумме ошибок и выигрышей экономические агенты все же остаются в проигрыше. Суммарный период роста темпов денежной массы в течение года более протяженный, чем суммарный период снижения. К тому же значение темпов роста (максимально на 12% в конце года) превышает по модулю темпы снижения (максимально на 4% в начале года).

Побочным эффектом увеличения предложения денежной массы в российской экономике выступает рост монетарного фактора инфляции. При темпах роста денежных агрегатов выше 35% в год темпы потребительской инфляции сложно удерживать в рамках 10%, инфляционный диапазон составляет в таком случ[2]ае 10-12%. Динамика индекса потребительских цен показана на Рисунке 4.

Рисунок 4

Динамика ИПЦ на ежемесячной основе (прирост цен к предыдущему месяцу)

1. в некоторых изданиях данный коэффициент называется степенью коррекции ценовых ожиданий или долей величины ошибки прогноза
2. www.quote.ru от 27.02.2008

Источник: составлено автором на основе данных www.gks.ru

Соотношение темпов роста потребительских цен и денежного агрегата М2 обусловило увеличение рублевой денежной массы в реальном выражении. Высокий спрос на деньги обусловили высокий экономический рост и укрепление рубля за рассматриваемый период.

На Рисунке 5 показано соотношение темпов роста денежной массы и прироста индекса потребительских цен в 2007 году.

Рисунок 5

Денежная масса и динамика ИПЦ на ежемесячной основе в 2007 году

Источник: составлено автором на основе данных www.gks.ru, www.cbr.ru

В колебаниях индекса цен и денежной массы наблюдаются сдвиги. Аналитики Deutsche Bank оценивают временной лаг между увеличением

денежной массы и темпов инфляции в пять-семь[1] месяцев. Так, на всплеск инфляции в начале 2008 года повлиял высокий уровень денежного предложения во втором квартале 2007 года, когда он достигал пикового значения (рост денежной массы в мае 2007 года по сравнению с маем 2006[2] года достигал почти 60%).Рост потребительских цен в[3] январе 2008 года составил 2,3%, в то время как денежная масса в январе 2008 года сократилась на 2[4],7%.

Таблица 2 показывает изменение структуры денежной массы в России за период с 1 января 2006 года по 1 января 2007 года.

Таблица 2**Структура денежной массы (М2)**

	на 1.01.2007		на 1.01.2008	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Денежная масса (М2) В том числе:	8995,8	100	13272,1	100
- наличные деньги в обращении (М0)	2785,2	31	3702,2	28
- безналичные средства	6210,6	69	9569,9	72

Источник: составлено автором на основе данных www.cbr.ru

Приведенные в таблице данные говорят о том, что за 2007 год произошла реструктуризация денежной массы в пользу безналичных средств на 3%. Это говорит прежде всего о перераспределении сил воздействия на инфляцию. Уменьшение доли наличных денег (доля агрегата М0 снизилась соответственно на 3%) говорит об относительном ослаблении инфляционного давления со стороны совокупного спроса. С другой стороны, увеличение депозитарной части денежной массы говорит о расширении возможностей банков создания «новых денег», что, при прочих равных условиях, ускоряет ее наращивание. Однако для более точного прогноза инфляционных последствий следует учитывать в первом случае предельную склонность к

1. www.quote.ru от 27.02.2008
2. www.prime-tass.ru Новости от 13.02.2008
3. "Российская Бизнес-газета" №640 от 12 февраля 2008 г.
4. www.quote.ru новости от 27.02.2008

потреблению и наличные валютные средства, а во втором – величину нормы обязательного резервирования и депозиты в иностранной валюте.

В показатель денежной массы в национальном определении в отличие от аналогичного показателя, исчисленного по методологии денежного обзора, не включаются депозиты в иностранной валюте.

Денежная масса по методологии денежного обзора. В Российской Федерации для характеристики величины денежной массы применяется показатель M2X, в состав которого помимо величины M2 включаются также все виды депозитов в иностранной валюте (в рублевом эквиваленте). Объем денежной массы по методологии денежного обзора на 1 января 2008 года составил 14 млрд. 628 трлн. руб[1].

На Рисунке 6 показано изменение структуры денежной массы с 1 октября 2006 по 1 октября 2007 года.

Рисунок 6

Структура денежной массы по методологии денежного обзора (%)

Источник: Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.6

1. www.cbr.ru

В структуре рублевой денежной массы доля наличных денег в обращении на 1 октября 2007 года составила 28% (сократилась на 2,9 процентного пункта с 1 октября 2007 года относительно 1 октября 2006 года)[1].

Темпы прироста депозитов в иностранной валюте (в долларовом выражении) составили за 9 месяцев 2007 года 10,7% (за аналогичный период [2]2006 г. – 5,2%), что существенно ниже темпов прироста депозитов в национальной валюте (33,2%). Темпы прироста депозитов в иностранной валюте за 2006 г. составляли 7,2%, за 2005 г. — 21,5%.

Удельный вес депозитов в иностранной валюте в структуре денежной массы по методологии денежного обзора уменьшился с11,4% на 1 января 2007 года до 9,6 на 1 октяб[3]ря 2007 года. На начало 2006 года удельный вес депозитов в иностранной валюте составлял 16,3[4]%.

Темпы прироста денежной массы по методологии денежного обзора в январе-сентябре 2007 года составили 25,1% (за аналогичный период 200[5]6 г. – 23,2%). В 2006 г. темпы прироста денежной массы по методологии денежного обзора составили 40,5%, а в 2005 г. — 36,3[6]%.

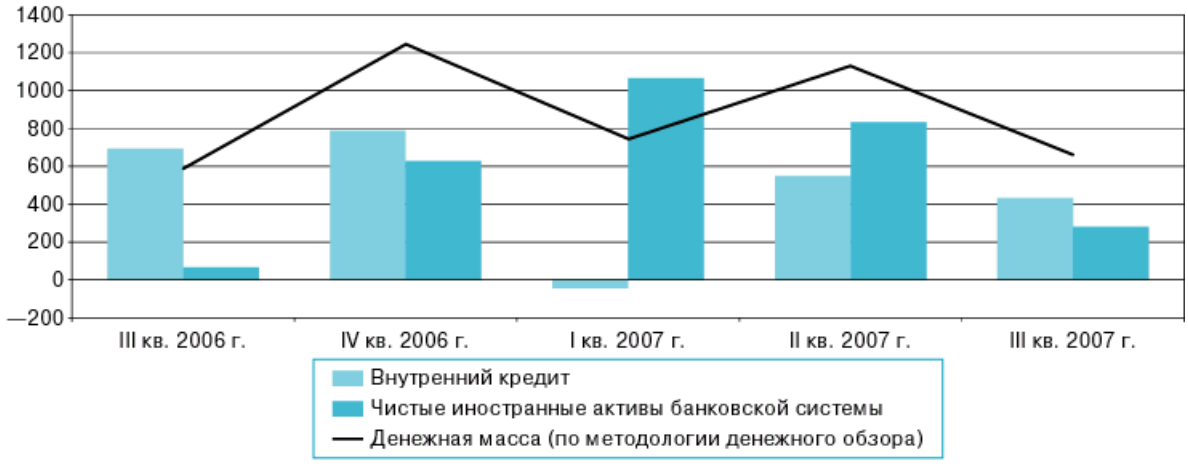
На Рисунке 7 показаны основные источники прироста денежной массы в 2006-2007 годах. Прирост чистых иностранных активов банковской системы являлся важным источником увеличения денежной массы по методологии денежного обзора.

Чистые иностранные активы на счетах Центрального банка на счетах центрального банка РФ на 1 января 2008 года составили 9 трлн. 915 [7]млрд. руб. Данный показатель на 43,1% больше аналогичного показателя на 1 января 2007 года, когда он был равен 6 трл. 927 млрд. ру[8]б.

1. Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.5
2. Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.5
3. Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.5
4. Вестник Банка России от 28 марта 2007 года № 16 (960)
5. Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.6
6. Вестник Банка России от 28 марта 2007 года № 16 (960)
7. www.cbr.ru

Рисунок 7

Основные источники прироста денежной массы по методологии денежного обзора в 2006—2007 гг. (изменение за квартал, млрд. руб.)



Источник: Вестник Банка России № 70 (1014) 19 декабря 2007 г. С.6

При росте общего объема денежной массы за 2007 год на 4,5 трлн. руб. чистые иностранные активы увеличились на 2,99 трлн. руб. Внутренний кредит экономике возрос за этот период на 2,5 трлн. руб.[1]

В 2006 году денежная масса выросла на 2,9 трлн., тогда как чистые иностранные активы увеличились на 2,0 трлн. руб., а внутренний кредит экономике — на 1,3 трлн. руб. (в 2005 г. аналогичные показатели составили 1,9; 1,7 и 0,1 трлн. руб. соответственно)[2].

В формировании денежного предложения повысилось значение банковских кредитов нефинансовым организациям и населению. Требования к этой группе заемщиков за 2007 год возросли на 4,2 тр[3]лн. руб., что превышает увеличение чистых иностранных активов. В то время как за 2006 г. они возросли на 2,7 трлн. руб., за 200[4]5 г. — на 1,5 трлн. руб. Это опять же говорит об усилении давления на экономику со стороны совокупных расходов.

В последние годы усилилось влияние банковских кредитов реальному сектору российской экономики на рост денежной массы. Наиболее быстрыми

8. www.cbr.ru
1. www.cbr.ru
2. Там же
3. Там же
4. Вестник Банка России от 28 марта 2007 года № 16 (960)

темпами увеличивались кредиты населению. Таким образом, инвестиционный спрос рос медленнее спроса в потребительском секторе экономики, что опять же способствовало усилению инфляционного давления со стороны совокупных расходов (совокупного спроса).

Одновременно на фоне заметной разницы в уровнях процентных ставок в России и на международных финансовых рынках сохраняется тенденция к росту займов, привлекаемых российскими организациями за рубежом[1].

В последнее время также наблюдается перераспределение источников нарастания денежной массы в пользу ее депозитарного расширения по сравнению с ростом агрегата М1, что делает монетарную инфляцию более управляемой. Так же опережающий рост долгосрочных депозитов может косвенно свидетельствовать о нарастании склонности к сбережению.

Таким образом, эффектом увеличения денежной массы в российской экономике выступает рост монетарного фактора инфляции. Одной из причин высоких темпов инфляции в России является рост денежного предложения. Благодаря высоким ценам на нефть в последние годы повысились доходы государства, что в свою очередь, привело к росту бюджетных расходов. Дополнительное влияние на цены оказывали высокие темпы увеличения доходов населения. В частности, ускоренный рост заработной платы без адекватного увеличения производительности труда.

Уменьшение доли наличных денег в структуре денежной массы говорит об относительном ослаблении инфляционного давления со стороны совокупного спроса. С другой стороны, увеличение депозитарной части денежной массы говорит о расширении возможностей банков создания «новых денег». В формировании денежного предложения повысилось значение банковских кредитов нефинансовых организаций и населению.

Сдерживающее влияние на рост денежной массы оказывает накопление средств на счетах органов государственного управления в Банке России, главным образом на счетах Стабилизационного фонда, в феврале 2008 года преобразованного в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

---

1. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2007 год

По итогам года 2008 Банк России ожидает прирост денежной массы менее[1] 40%. С конца 2007 года по настоящее время сохраняется ровный темп роста денежной массы.

В будущем прогнозируется снижение темпа роста денежной массы. Темпы роста будут снижаться из-за изменений, в основном по капитальному счету платежного баланса, в меньшей степени - по текущему. Центральный банк России уже длительное время практически не покупает валюту на рынке, следовательно – не эмитирует рубли. Таким образом, в ближайшее время будет тенденция к снижению денежной базы, а затем денежной массы.

1. Интервью первого заместителя председателя Банка России Алексея Улюкаева агентству ПРАЙМ-ТАСС
13.02.2008 www.prime-tass.ru

Anastasia A. Uryupina: **Money supply in Russian Federation: the analysis of monetary aggregates and their influence on the inflation**

The money supply growth is one of the main factors responsible for inflation in Russian Federation. The article examines the money supply in Russia in the past few years: the evolution, structure and other characteristics of monetary aggregates and how the growth of monetary aggregates effects the price level in Russia.

Приложения

Приложение 1

Источник: Бюллетень банковской статистики №1 (176) 2008. С.46

Приложение 2

Денежная масса М2 (национальное определение) в 2007 году
(млрд. руб.)

Дата	Денежная масса М2[1]	Темпы прироста денежной массы, %		
	Всего			
	в том числе			
	к предыдущему месяцу			
	к 01.01.2007			
	наличные деньги (М0)			
	безналичные средства			
01.01.2007				
	8 995,8			
	2 785,2			
	6 210,6			
	12,3			
	—			
01.02.2007				
	8 700,8			
	2 630,1			
	6 070,6			
	-3,3			
	-3,3			
01.03.2007				
	8 902,0			
	2 682,0			
	6 220,1			
	2,3			
	-1,0			
01.04.2007				
	9 412,6			
	2 741,2			
	6 671,4			
	5,7			
	4,6			
01.05.2007				
	10 006,0			
	2 859,4			
	7 146,6			
	6,3			
	11,2			
01.06.2007				
	10 699,3			
	2 896,6			
	7 802,6			
	6,9			

Источник: www.cbr.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

М.М.Лебедева

Роль образования в диалоге цивилизаций

Тезис о том, что образование способствует диалогу между народами, кажется очевидным. Но почему это происходит? Есть ли какие-либо ограничения для данного утверждения? Каковы механизмы, обеспечивающие диалог цивилизаций? Что вообще происходит с образованием в современном мире? Каковы тенденции его развития и проблемы в образовательной сфере, которые способствуют или, напротив – мешают цивилизационному диалогу? Эти вопросы оказываются не такими простыми.

1. Образование в постиндустриальную эпоху

Образование во все времена и во всех культурах способствовало развитию, а знание считалось необходимым его ресурсом. Френсис Бэкон, английский философ конца XVI — начала XVII вв., очень образно сформулировал это, сказав, что сила заключается в обладании информации. Позднее мысль Ф. Бэкона, приобретя форму «знание – сила», стала афоризмом.

Важной особенностью образовательного ресурса является то, что в отличие от естественных ресурсов, таких как нефть, газ, минералы и т.д., он является неисчерпаемым. Более того, повышение образовательного уровня в обществе влечет за собой его дальнейший прирост и умножение. В настоящее время, по данным Всемирного банка, время на традиционный, «физический» капитал приходится лишь 16% общего объема мирового богатства, 20% — на природный, а остальные 64% составляет человеческий капитал, включающий в себя прежде всего уровень квалификации, а значит и образование. Сам факт неисчерпаемости образовательного ресурса свидетельствует о том, что он изначально предполагает такие отношения сторон, которые не сводятся к игре с нулевой

суммой: образование одного участника не может уменьшить образование другого. Более того, их совместная деятельность, их диалог приводит к приумножению образовательного ресурса.

Особое значение образование получает сегодня – в период развития научно-технической революции. Постиндустриальная эпоха с ее коммуникационными и информационными, а также биотехнологиями создала экономику, которая получила название «новая экономика». Это не просто экономика, использующая Интернет ресурсы и базы данных, а новый тип мышления и взаимодействия в мире, ориентированный, по словам К. Туроу, на «искусственные интеллектуальные отрасли» (*man-made brain-power industries*), где важнейшим компонентом являются не только знания, но и умения их применять, а что особенно важно – производить новые знания. К. Туроу писал, что «в эпоху подъема искусственных интеллектуальных отраслей выигрывают те, кто научится играть в новую игру, с новыми правилами, требующими новых стратегий. Завтрашние победители будут обладать свойствами, очень непохожими на свойства нынешних победителей[1]».

Эти изменения в экономике, и в целом в образе жизни современного человека не могли не сказаться на образовании. «Стратегическим ресурсом XXI века становятся знания и умение человека пользоваться этими знаниями. Поэтому, пожалуй, самым значимым социальным аспектом глобализации стало расширение возможностей для раскрытия человеческого пот[2]енциала». Образование, с одной стороны, начинает играть все б**о**льшую роль в современном мире: оно является необходимым условиям развития и в то же самое время стимулирует это развитие, превращаясь, по сути, в фактор политического развити[3]я.

---

1. Туроу. Будущее капитализма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

2. Торкунов А.В. На что следует делать ставку в сфере образования. Российская газета. 2 июня 2006.

3. Подробнее см. Лебедева М.М. Мировая политика (глава «Образование как фактор мировой политики). Изд. 2. – М., 2006.

С другой стороны, резко возрастает востребованность образования в обществе. Финансовые и другие затраты (затраты времени, усилий) человека на образование с лихвой окупают себя в последующие периоды жизни. Так, В.Л. Иноземцев приводит данные, согласно которым, в США с 1978 по 1987 г. доходы населения в среднем выросли на 17%, а у выпускников колледжей — на 48%. При этом у лиц с незаконченным высшим образованием доходы снизились на 4%. В целом же по предварительным подсчетам в течение жизни выпускник университета конца XX — начала XXI в. может заработать на 600 тыс. с лишним долларов больше, чем его сверстник со средним образование[1]м.

Новые технологии с их интенсивным развитием требуют от человека не только получение качественного образования, но и необходимость приобретения знаний на протяжении всей жизни. Отсюда быстрыми темпами развивается образование в течение всей жизни (long life learning), а также предоставление образовательных услуг по отдельным направлениям, например, связанных с внедрением новых технологий в той или иной сфере, появлением новых продуктов и т.п.

Способствуют ли все эти современные тенденции развития экономики и образования лучшему пониманию людей, принадлежащих к разным этническим группам, культурам, цивилизациям? Здесь мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными тенденциями современного мира. Первая тенденция ведет к глобализационным процессам, к установлению фактически универсальной деловой или «давосской культурой» (по названию швейцарского города, в котором ежегодно проходят экономические форумы, собирающие экономическую и политическую элиту со всего мира). «Ее основной двигатель, - пишет П.Л. Бергер, - международный бизнес, - тот же самый двигатель, который управляет экономической и технологической глобализацией. Но было бы ошибкой думать, что эта культура только для немногих, которых приглашают в Давос;

1. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. – М.: “Academia” – “Наука”, 1999.

есть еще и миллионы таких, кто хотел бы быть туда приглашенным и кто находится в том состоянии, которое у социологов принято называть упреждающей социализацией[1]».

Действительно, сегодня в различных концах земного шара насчитывается огромное число людей, молодых, особенно молодых, занятых бизнесом, работающих в международных организациях и т.п. не испытывают проблем с общением. Они обладают единой деловой культурой, сформированной в результате образования и дальнейшей работы. Профессиональная сфера в этом случае во многом нивелировала их принадлежность к различным странам, национальным культурам и даже цивилизациям. Межцивилизационный диалог в профессиональной сфере в этом случае, несомненно облегчен. Однако здесь вряд ли можно говорить о диалоге цивилизаций, построенном на образовательном фундаменте. Скорее всего, мы имеем дело с «надстроечными» структурами, которые могут способствовать, отталкиваясь от профессионального диалога, дать толчок межкультурному диалогу, особенно в тех случаях, когда общение переходит на личностный уровень. В то же время сами по себе эти «надстроечные» структуры межцивилизационный диалог не порождают.

Другое вопрос – содержание образования. Очевидно, что содержание образования может влиять на формирование межцивилизационного диалога. Так, наличие при обучении курсов, в которых раскрываются особенности истории, традиций, быта и т.п. других народов позволяют лучше подготовить выпускников к диалогу с другими культурами и, в частности к работе в международной и мультикультурной среде. В этом случае будут сформированы не только «надстроечные структуры» как при овладение бизнес культурой, но и более глубокие пласты, позволяющие знать и понимать другие цивилизации.

---

1. Бергер П.Л. Введение. Культурная динамика и глобализация / Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. Пер. с анг. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – С. 10-11.

Даются ли такие знания студентам? На этот вопрос попытались ответить американские исследователи Дж. Е. Дибберна и Д. Дж. Уелана на примере анализа программ бакалаврской подготовки. В исследовании, результаты которого были представлены в докладе на конференции Ассоциации профессиональных школ по международным отношениям (APSIA) в декабре 2005 г. , показано, что в учебных программах бакалавров, обучающихся в США, проблемы глобального мира отражены недостаточно. Из случайным образом отобранных 35 университетов США только в 23 (т.е. в 66% случаев) предлагались курсы, которые относились к изучению других народов и культур. Но даже в тех университетах, где были такие курсы, их количество ограничивалось двумя-тремя, и они не затрагивали вопросы политики и международных отношени[1]й.

Вывод, который можно сделать из приведенного исследования, заключается в том, что для формирования межцивилизационного диалога школы, колледжи, университеты должны шире включать в свои программы изучение других стран и народов, поскольку такой диалог должен основываться прежде всего на знаниях.

Вторая тенденция, обусловленная развитием образования в условиях появления новых технологий и формирования «новой экономики», не только не направлена на диалог, но даже порождает раскол цивилизаций (кстати, не случайно, одна из книг В.Л. Иноземцева носит названия «Расколотая цивилизация»). Проблема заключается в том, что несмотря на закрепление права на образование в законодательствах многих государств мира, а также во Всеобщей декларации прав человека, 26-я статья которой гласит, что «каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и об[2]щего образования», на деле это оказывается далеко не всегда так.

---

1. Dibben J.E., Whelan D.J. U.S. Undergraduate Genaral Education Curriculum Review. Paper prepared for APSIA Meeting, December, 2005.
2. Всеобщей декларации прав человека.

Доступ к образованию различных слоев населения в современном мире неравный. Прежде всего существенные различия наблюдаются между странами «глобального Севера» и «глобального Юга». Так, если процент грамотности населения Японии составляет 98%, то Нигер[1]ии - 57%, а в некоторых странах он еще ниже. Это означает, что огромное количество людей в развивающихся государствах не только не владеют новыми технологиями, новыми научными знаниями, но и элементарно не умеют читать и писать.

Следует отметить, что повышение доходов на душу населения в государствах «глобального Юга» не всегда сопровождается увеличением образовательного уровня в этой стране. При этом прирост населения в странах «глобального Юга» идет намного более быстрыми темпами, чем в странах «глобального Севера». Так, по данным ООН, население 48 беднейших стран мира к 2050 г. увеличится в три раза, несмотря на то, что этот рост будет сдерживать эпидемия СПИДа в Африке, а по прогнозам на 2045–2050 гг. весь прирост населения будет происходить за счет стран «глобального Юга», т.е. за счет стран с более низким образовательным уровнем, что неминуемо повлечет за собой снижение общего образовательного уровня.

Ситуация еще осложняется и тем, что нередко внутри одного государства разрыв в образовательном уровне между отдельными слоями населения растет. Особенно остро это чувствуется в странах, где есть большой приток мигрантов. Часто плохое владение языком страны пребывания, а порой и нелегальное положение семей мигрантов, серьезно ограничивает их доступ даже к начальному образованию.

На указанные процессы накладывается и тенденция, связанная с коммерциализацией образования. Ее суть заключается в том, что в условиях все большей востребованности образовательного ресурса на рынке появляются различные виды образовательных услуг,

---

1. Rourke J.T., Boyer M.A. International Politics on the World Stage, Brief, Third Edition. –USA: Dushkin/ McGraw-Hill, 2000. – P. 308.

начиная от начального и заканчивая университетским, не говоря уже о послевузовском образовании. В результате усиливается поляризация общество в отношении доступности образования, хотя в ряде случаев может повысится конкурентоспособность учреждений, предоставляющих образовательные услуги.

Разные страны в зависимости от конкретных условий по-разному реагирует на эту тенденцию. Так например, Норвегия и Швеция в значительной степени ориентируются на развитие государственного образования. Частные школы в них охватывают только до 2% учеников. В то же время в США частные школы получили значительно большее развитие, давая право родителям выбирать, в какой школе будет учиться ребено[1]к.

Не зависимо от того, какая политика принимается в отношении различных видов образования, очевидно, что любые диспропорции, значительные барьеры в доступе к получению образования влекут за собой недовольства и порождают цивилизационные противостояния. Пожалуй, одним из примеров подобных проявлений стали погромы, организованные в европейских странах мигрантами в конце 2005 г. Неинтегрированность их в культуры стран проживания, более низкий уровень жизни и, в частности образования, повлекли за собой антиобщественное поведение.

Таким образом, развитие образования в постиндустриальную эпоху имеет довольно противоречивый и разновекторный характер. Будучи по своим исходным характеристикам нацеленным на развитие, на лучшее понимание между народами, оно в силу социально-экономической неравномерности и неодинакового доступа населения к получению образования, может порождать прямо противоположные явления. Поэтому именно доступ к образованию приобретает особое значение, а уровень образования является одним из базовых показателей индекса человеческого развития ООН.

---

1. Carnoy M. Globalization and Education Reform // Globalization and Education: Interaction and Contestation across Cultures . - L. a.o.: Rowman, Littlefield Publ., 2000. – P. 43-62.

2. Развитие интеграции в сфере образования

Очевидной тенденцией современного мира выступает интеграция образовательного пространства, правда, в значительной степени это касается высшего образования. В наиболее явном виде интеграционные процессы в образовательной сфере проявляется на европейском континенте. Глобальзационные процессы, развитие единого рынка труда поставили проблему сопоставимости высшего образования в разных европейских государствах.

Стимулом к развитию интеграции в области образования в Европе послужили экономические процессы. М.М. Лебедева отмечает, что еще 1960-е-1970-е годы наметилось некоторое технологическое отставание европейских стран от США и Японии, что сказалось на ее развитии в конце XX века. и выразилось в том, что в Европе позднее и медленнее, чем, например, в США, а также других странах внедрялись банковские пластиковые карты и связанные с ними услуги, развивалась сотовая телефонная сеть, вводился Интернет. Более того, по массовому использованию ряда технологических инноваций развитые европейские страны в начале 1990-х стали уступать не только США и Японии, но и, например, таким странам, как ЮАР, где еще в начале 1990-х годов широкое распространение получили технологические инновации того времени, такие пластиковые карты, оплата коммунальных услуг по компьютеру через национальную сеть, а также развитие сотовой телефонной сет[1]и.

В условиях значимости образования для политического и экономического развития количество студентов в стране становится важнейшем индикатором ее развития. В этом отношении в начале 1990-х годов лидирующие позиции занимали США и Канада (см. Табл.1).

---

1. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире / МЭ и МО. – 2006. - № 10. С. 69-75.

Табл.1

Страна	Число студентов на 10 тыс.жителей
США	559,1
Канада	510,2
Германия	281,0
Италия	251, 9
Россия	191,[1]0

В конце 1990-х гг. по другим показателям в области образования европейцы также стали отставать прежде всего, от США, а также, от Австралия и даже от Новой Зеландии, которые начинают интенсивно предоставлять образовательные услуги, и эта статья становится значимыми статьями их экспорта. По данным ЮНЕСКО, в 2002/2003 учебном году в США обучалось 582996 иностранных студентов, что составило 4% всех американских студентов, а в Австралии – 179619 [2](18% от общего числа студентов). В то же время с начала 1990-х гг., число европейских студентов, которые обучались в США, превысило число американских студентов, обучающихся в Евро[3]пе.

Факт отставания европейского образования имел не только экономическое значение. Европа, с ее культурными историческими традициями, неотъемлемой частью которых было университетское образование, стала именно в этой области уступать место новичкам.

Все это и заставило европейцев в конце 1990-х годов серьезно заняться реформой в области высшего образования, а для этого обратится к своему историческому наследию и

---

1. Безгласная Е.А.. Структурные сдвиги в российском высшем образовании // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. Аналитический доклад / Под ред. Л.Г. Ионина. – М.: Логос, 2001. С. 32-33.
2. Всемирный доклад по образованию. Сравнение мировой статистики в области образования. – Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО, 2005.
3. Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие: документы международных форумов и мнения зарубежных экспертов / Под ред. В.И.Байденко. – М., 2002.

вспомнить, что интеграционные процессы в европейской образовательной сфере имеют давнюю историю, восходящую своими корнями еще к средневековым университета[1]м.

Начало новой эпохи европейским интеграционным процессам в области высшего образования было положено в 1998 г. на встрече министров образования четырех стран – Германии, Италии, Великобритании и Франции. По ее итогам была принята Сорбонская декларация, в основу которой легла была положена Университетская Хартия (Magna Charta Universitetum), принятая в 1988 г. в Болонье в связи с празднованием 900-летия старейшего европейского университета. В ней сформулированы четыре фундаментальных принципа:

- автономность университета,
- независимость университета от политических и идеологических догм,
- связь в университете исследования и образования,
- в соответствии с традициями университета отказ от нетерпимости, ориентация на диалог, который отвечает «жизненно необходимым нуждам представителей различных культур узнавать друг друга и влиять друг на друга[2]».

Особо следует выделить последний пункт. Фактически в нем прямо сформулирована идея диалога культур через образования. Причем, этот диалог понимается как жизненно необходимый.

Болонский процесс не предполагает и никогда не предполагал унификацию национальных образовательных подходов, стандартов, традиций и т.п., как иногда представляется в средствах массовой информации. Такая универсализация и даже более мягкий вариант, связанный со стандартизацией, могли бы скорее привести к отчуждению

---

1. Лебедева М.М. Указ. Соч.
2. Magna Charta Universitatum http://www.magna-charta.org/pdf/mc_pdf/mc_english.pdf

культур друг от друга. Поэтому разработчики Болонского процесса сосредоточились именно на сопоставимости образования в разных странах. Ими также был найден удачный термин, описывающий процесс развития высшего образования в странах Европы как его гармонизацию.

В подписанной через год после принятия Сорбонской декларации Болонской декларации идея диалога получает дальнейшее развитие. В частности, в соответствии с Болонской декларацией, положившей начало одноименному процессу в области высшего образования в Европе, предусматривается мобильность студентов и преподавателей. Предполагается, что за время обучения студент проведет, по крайней мере, один семестр в университете другой страны.

В результате выпускники европейских университетов начнут работу, во-первых, имея множество межличностных контактов в профессиональной среде со своими однокурсниками из разных стран, которые были установлены еще в период обучения, во-вторых, уже имея опыт жизни в другой европейской культуре. Это означает, что взаимодействие культур, национальных образовательных норм и стандартов будет усиливаться.

В рамках Болонского процесса широкое распространение получило создание совместных магистратур университетами разных стран. Их смысл заключается в том, чтобы в процессе обучения студент имел возможность более полно и непосредственно познакомиться с образовательными традициями, научными школами и подходами каждой из них. Важно, что совместные магистратуры создают возможность для развития интегративного подхода к образованию, предполагающего не простое усвоение знаний и методов обучения в двух странах, а огромную предварительную работу профессорско-преподавательского состава, направленную на интегрирование в единую целостность своих национальных образовательных традиций, а также традиций своих университетов.

Конкретно это выражается в разработке совместных магистерских программ, а также совместных курсов. Они отличаются от программ и курсов, которые есть в каждом партнерском университете.

Требования мобильности студентов и обучение в совместных магистратурах не было искусственно введенными в образовательный процесс в рамках Болонского процесса. Еще до принятия Болонской декларации стало очевидно, что интенсификация контактов в современном мире, в частности в Европе, требует «преодоления национального самоограничения университетов, формирования “единого языка”, на котором должны говорить будущие специалисты, что в дальнейшем поможет избежать конфликтов, связанных с различием в культурах, своего рода “столкновения цивилизаций”[1]».

Диалог ученых и преподавателей из разных стран осуществляется через обсуждения и совместный поиск новых путей развития науки и образования. Он ведет к взаимному обогащению преподавателей и ученых, а в конечном итоге - к обогащению и развития национальных традиций, их совместному вкладу в мировую науку и образование. “... Глубокие мысли, - писал А.Д.Сахаров, - появляются только в дискуссии[2],” (с.33).

Иными словами, речь идет о развитии диалога на уровне профессоров и преподавателей, от успеха которого во многом зависит и успешность образовательных программ, а в общем итоге – успех межкультурного и межцивилизационного диалога. Похоже, что одной из причин тех трудностей, которые возникают на пути реализации Болонского процесса, как раз и является недостаток диалога между преподавателями. Инициированный на уровне министров образования, Болонский процесс стал реализовываться администрациями университетов. По этому поводу проректор МГУ В.Миронов замечает: «Любопытно, что инициаторами Болонского процесса выступили

1. Подробнее см.: Rousselet K., Lebedeva M.M. Une experience internationale d’enseignement des relations internationales: le dialogue des traditions // Космополис. Альманах, 1997. – с. 29-31.
2. Сахаров А.Д. Тревоги и надежды. - М.: Интер-Версо, 1990.

министры образования, а не сами образовательные структуры[1]».

Реформа «сверху» позволила в кратчайшие сроки охватить большое число университетов в 46 государствах Европы. Темпы, которыми развивалась образовательная реформа в Европе, оказались удивительными. Болонский процесс вскоре же вышел за пределы Европейского союза и охватил практически все европейские государства.

В то же время несколько в стороне от выработки и принятию решений по реформированию высшего образования, его новой конфигурации оказались преподавате[2]ли. В последние годы, правда, наметился прогресс в развитии профессионального диалога преподавателей, в частности, в рамках проекта, получившего название "TUNING" ("Настройка образовательных структур в Европе" / "Tuning Educational Structures in Europe"), который предполагает согласование содержательных аспектов обучен[3]ия.

Развитие Болонского процесса в европейских странах явилось своего рода толчком для проведения реформ образования в других частях земного шара. Так, США, образовательное пространство которых в значительной степени децентрализовано, стали интенсивно обсуждать вопрос о дальнейшей стратегии в области образования. Вопрос стоит и об образовательных пространствах других регионов, а также налаживании диалога между ними.

Все это стимулирует диалог в развитии высшего образования между представителями различных культур, а в конечном итоге становится основой для развития широкого межцивилизационного диалога.

---

1. В. Миронов. Болонский процесс и национальная система образования / Мировой Общественный Форум «Диалог цивилизаций». Вестник, 2006. - № 1. – С.236-245.
2. Лебедева М.М. Болонский процесс: первые результаты и задание на завтра (ракурс международные отношения) // Болонский процесс: проблемы и перспективы / Под ред. проф. М.М. Лебедевой. – М.: Оргсервис, 2006. – С. 187-199.
3. Подробнее см.: http://www.tuning.unideusto.org/tuningeu/index.php?option=content&task=view&id=5&Itemid=28

3. Формирование межкультурного диалога путем воспитания и просвещения

Образование предполагает не только овладение определенной суммой знаний и навыков. В широком смысле оно включает в себя и просвещение, и воспитание. Более того, направленность на узкопрофильное, сугубо практически ориентированное образование, которое получает развитие в ряде[1] стран, далеко не всегда способствует развитию диалогичности мышления. Умение слушать, понимать другого, возражать ему формируется прежде всего в условиях, когда нет однозначных ответов. Не случайно, Сократ специально организовывал со своими учениками дискуссии по тем или иным проблемам в именно форме диалогов. Поэтому здесь возникает очень сложная задача нахождение определенного баланса между практически ориентированным образованием, которое сегодня очень востребовано, и широким классическим образованием, обеспечивающим, включающим в себя формирование диалогового мышления и воспитание толерантности.

Воспитательная функция образования, его направленность на межцивилизационный диалог во многом реализуется через интернациональное обучение, когда проводится совместное обучение студентов из разных стран. Отчасти этот вопрос был затронут при обсуждении академической мобильности в рамках Болонского процесса. Однако здесь есть ряд дополнительных аспектов, на которые следует обратить внимание.

Прежде всего необходимо отметить, что воспитание толерантности к другим культурам, к другим цивилизациям, очевидно, должно начинаться задолго до того, как молодые люди станут студентами университетов. В настоящее время в разных странах существуют программы, ориентированные на воспитание толерантности у школьников, проводится научно-исследовательская работа, издается научная и популярная литература в

---

1. Stromquist N. P., Monkman K. Defining Globalization and assesing its Imlications on Knowledge and Education // Globalization and Education: Interaction and Contestation across Cultures . - L. a.o.: Rowman, Littlefield Publ., 2000. – P. 3-26.

эт[1]ой области. Одновременно реализуются программы по воспитанию толерантности под эгидой ООН, ЮНЕСКО, а также других межправительственных и неправительственных организаций.

Что касается процессов интернационализации высшего образования, то, разумеется, данный феномен не является сугубо европейским и не ограничивается рамками Болонского процесса. Тенденция к интернационализации образования в конце XX – начале XX1 вв. наблюдается практически повсеместно.

Государство и университет заинтересованы в притоке иностранных студентов не только по финансовым соображением. Наличие иностранных студентов является престижным, поскольку подтверждает высокий уровень образования и социально-экономического развития, свидетельствуют о привлекательности образования. Примечательно, что престиж государства в области образования в меньшей степени подвержен ситуативным изменениям и остается высоким даже в тех случаях, когда общий престиж государства падает, как это было, например, в США в связи с вторжением в Ирак в 2003 г. Многие молодые люди, в том числе в странах Ближнего Востока, осуждали действия США, но тем не менее стремились туда на учеб[2]у.

В мире происходит резкий рост количества студентов, обучающихся за границей, что обусловлено процессами глобализации, а также другими общемировыми тенденциями, побуждающими к мобильности. По данным ЮНЕСКО, в 2004 г. не менее 2,5 млн. студентов высших учебных заведений обучались за пределами своих стран, в то время как в 1999 г. – 1,75 млн., т.е. за пять лет число студентов, обучающихся за рубежом увеличилось на 41%. При этом шесть стран принимают 67% всех студентов, обучающихся

---

1. См., напр., Асмолов А. Историческая культура и педагогика толерантности // Мемориал. 2001. - №24, с. 61-63; Семина Л.И. Учимся диалогу. Толерантность: объединения и усилия // Семья и школа. 2001. - №11-12, с. 36-40.

2. См. Janardham M. Mideast: U.S May Be Unpopular, but students still head for it / Inter Press Service. 20th of January 2003.

за рубежом. По показателю количества обучения иностранных студентов лидируют США – 23%, за ними следуют: Великобритания - 12%, Германия - 11%, Франция - 10%, Австралия - 7% и Япония 5[1]%.

В то же время наличие иностранных студентов недостаточно для того, чтобы считать университет включенным в международное профессиональное сообщество, т.е. считать функцию интернационализации образования реализованной в полном объеме. Ректор Московского государственного института международных отношений (МГИМО – Университета) академик А.В. Торкунов выделяет ряд критериев, которые обеспечивают университету статус «международного». Он пишет: «В целом "международность" вуза - важнейшая часть стратегии устойчивого и опережающего развития высшей школы. Думается, можно выделить несколько обязательных критериев такого вуза. Во-первых, это вуз, в котором учатся студенты из разных стран (по болонским критериям это не менее 20% от общего числа учащихся). Во-вторых, это вуз, учебные продукты которого соответствуют международным нормам и стандартам. В-третьих, это вуз, в котором преподают не только свои профессора, но и профессура зарубежных университетов. В-четвертых, студенты и преподаватели такого вуза регулярно проходят практику и повышение квалификации в других странах. В-пятых, такой вуз не только воспринимает передовой научный и образовательный опыт, но и сам участвует в выработке международных стандартов и правил в области образования. Последний пункт особенно важен: университет такого класса способен самостоятельно формулировать стандарты качества и их нормативное оформление[2]».

Далее А.В. Торкунов поясняет, что «международность» университета не сводится только к качественному образованию, но и включает в себя воспитание. Причем,

---

1. Всемирный доклад по образованию 2006 г. Сравнение мировой статистики в области образования. http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf
2. Торкунов А.В. Указ. Соч.

воспитание понимается широко, и оно происходит, в том числе и за пределами университетских стен. Ежедневный быт, досуг иностранных студентов, их взаимодействие между собой, а также со своими однокурсниками, прохожими на улице и т.п. составляет то, из чего складывается такое воспитание.

Если говорить о воспитании толерантности, которое формируется на основе знания и понимания других культур, то оказывается важным не только развитие интернационализации в собственной стране, но также и отправка своих студентов на учебу за рубеж. В этом плане самый низкий процент студентов, выезжающих учиться за границу, приходится на США. Он составляет [1]всего 0,2%. Понятно, что наличие хорошего образования в собственной стране ограничивает мотивацию американских студентов для получения образования за ее пределами, но вместе с этим ограничивает и восприимчивость выпускников американских университетов к другим культурам и цивилизациям.

Наконец, важнейшим моментом, обеспечивающим межкультурный диалог, является та роль университета, которую он играет в современном обществе. Университету сегодня принадлежит не только научная, образовательная и воспитательная функции. Университет выполняет очень значимую просветительскую функцию и является влиятельной структурой гражданского общества.

В настоящее время просветительская деятельность университета в некоторой степени отошла на второй план. Это касается многих университетов. Загруженность непосредственной научной и педагогической работой, интенсивный темп современной жизни и т.п. сводят к минимуму изначально присущую университету просветительскую деятельность: это и публичные лекции, и открытые дискуссии, и открытость информационных ресурсов для широких кругов населения. Однако в современных условиях эта деятельность должна быть не только восстановлена, но и приумножена. По

1. Всемирный доклад по образованию…

сути, университет является центром притяжения и одновременно референтным центром для большинства молодых людей, поэтому слово, произнесенное с университетской трибуны, обладает особой силой. В этом смысле трудно переоценить значение популярных лекций по проблемам диалога цивилизаций, прочитанных в университетских аудиториях и ориентированных на широких круг слушателей. Современные технические средства позволяют производить запись таких лекций и размещать их на сайте университета, что резко расширяет круг слушателей.

Значимой характеристикой взаимодействия университетов в современном мире является его сетевой характер. Университет включен в сетевые взаимоотношения как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Этот факт предоставляет еще один важный ресурс университету для воспитания межцивилизационного диалога – быть одним из важнейших структурных звеньев гражданского общества как внутри страны, так и за ее пределами. Такое положение университета позволяет даже в некоторых случаях смягчать, амортизировать возникающие порой на межгосударственном уровне трения и конфликты, сохраняя диалог на уровне профессионального сообщества и структур гражданского общества.

4. Гендерные аспекты межцивилизационного диалога в образовании

Особо следует остановиться на гендерных аспектах образования в межкультурном диалоге. Традиционно развитие образование шло по пути образования мужчин. Лишь на более поздних этапах развития человечества встал вопрос о предоставлении женщинам доступа к образованию на равных с мужчинами.

В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 г., говорится: «…народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права

человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе…[1]».

В современных условиях развитие междицивилизационного диалога невозможно без учета гендерного аспекта. Здесь выделяется два вопроса:

- Образование как обеспечение гендерного равенства:
  - равный доступ к образованию;
  - формирование представлений о равной ответственности мужчин и женщин и распределении обязанности между ними по выполнению домашней работы и воспитанию детей.
- Гендерные аспекты преподавания.

Проблема, связанная с *равным доступом к образованию* не зависимо от пола, довольно внимательно отслеживается международными организациями. Многие государства в соответствии с документами ООН, ЮНЕСКО, обращают внимание на эти вопросы. В результате на сегодняшний день значительные гендерные различия в доступе к начальному образованию являются скорее исключением, как это, например, было при контроле территории Афганистана талибами. Другое дело, что не во всех населенных пунктах в том же Афганистана проблема полностью решена.

Более сложно идет процесс *формирования представлений о том, что мужчины и женщины должны быть в равном мере включенными в работу по дому и в воспитание детей,* из чего следует, что образование и профессиональная карьера одинаково значимо для них. Если, например в Швеции, этому вопросу уделяется особое внимание, и он находит отражение в законода[2]тельстве, то в ряде развивающихся стран это не так. Низкий

1. Всеобщая декларация прав человека.
2. ED-98/CONF. 202/3 http://rudiplom.ru/articles/Gimnazicheskoe_obrazovanie_v_Shvetsii_gendernyi_aspekt.html

уровень социально-экономического развития, а также существующие в обществе стереотипы относительно роли женщины в обществе не позволяют говорить о гендерном равенстве в образовании.

В области высшего образования, преимущественный доступ к которому еще относительно недавно имели мужчины по сравнению с женщинами, также предпринимаются усилия для ликвидации гендерного неравенства. Так, в октябре 1998 г. на Всемирной конференции ЮНЕСКО в Париже была принята Всемирная декларация о высшем образовании для XX1 в.: подходы и практи[1]ческие меры. Четвертая глава данной Декларации непосредственно посвящена гендерным вопросам. В ней отмечается, что несмотря на то, что в вопросе о доступе к высшему образованию женщин за последние годы наметился значительный прогресс, все же в раде стран существуют проблемы гендерного неравенства в области высшего образования, обусловленные социально-экономическими и культурными факторами. Поэтому приоритетной задачей остается преодоления этих барьеров и предоставление высшего образования на равных условиях в зависимости только от способностей. Кроме того, в Декларации указывается на необходимость проведения гендерных исследований; изменения положения, связанного с недостаточной представленностью женщин в структурах различного уровня, связанных с принятием решений по вопросам образования и общества; а также на необходимость продолжения усилий по преодолению стереотипов о роли женщины в обществе.

В 2001 г. сотрудниками Всемирного банка была выпущена книга «Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои ин[2]тересы», которая была переведена и опубликована на русском язы[3]ке в 2002 г. . В ней показывается, что гендерное

1. http://www.e-joe.ru/sod/99/4_99/st180.html
2. Engendering Development. Through Gender Equality in Rights, Resources and Voice / The World Bank and Oxford University Press. Washington (D.C.), 2001.

неравенство является тормозом развития, причем это особенно чувствуется в развивающихся странах.

Согласно материалам, представленным во «Всемирном доклад по образованию» в 2006 г. в большинстве стран, по которым имеются данные по выпускникам высших учебных заведений, их большую часть составляют женщины. В то же время в Докладе отмечается, что почти по половине государств данные отсутствуют, однако именно в этих странах проблема получения высшего образования женщинами стоит особенно остр[1]о.

Важным моментом является и то, по каким специальностям выпускается больше мужчин, а по каким – женщин. Так, в целом «женщины составляют от двух третей до трех четвертей выпускников в областях здравоохранения, социального обеспечения и образования. Однако совершенно иная картина имеет место в странах Африки южнее Сахары, а также некоторых странах Восточной и Южной Азии, таких как Бангладеш и Камбоджа, где мужчины преобладают и в этих областях[2]».

Получившие высшее образование по педагогике женщины идут работать в школы и дошкольные учреждения. В результате резкое увеличение выпускников-женщин в области образования по сравнению с мужчинами порождают его феминизацию, что составляет часть более широкой проблемы, обозначенную выше как *гендерные аспекты преподавания*. Феминизация образования особенно оказывается значимой для начальной школы, где большинство учителей – женщины. В то же время в университетах преподавателей мужчин больше, особенно это касается профессорского уровня. Например, в 1980-х гг. в Великобритании среди профессоров университетов было [3]всего 3% женщин.

---

3. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002.

1. Всемирный доклад по образованию…..
2. Там же.
3. Саралиева З.Х.-М., Балабанов С.С. Воспроизводство научно-педагогических кадров: гендерный аспект / Социологические исследования, 2002. - № 11. С. 110-120.

Как следствие диспропорций в гендерных аспектах преподавания у молодого поколения происходит закрепление стереотипа, согласно которому более сложную интеллектуальную работу выполняет мужчина.

В последние годы в различных странах мира наблюдается увеличение доли женщинах в качестве преподавателей университетов. Так, в Республике Корея в 2003 г. женщины составляли 9,2% профессорского состава вузов, в 2006 г. – около 11%, а к 2015 предполагается, ч[1]то она достигнет 15% . Тем не менее, эта тенденция не всегда свидетельствует о том, что гендерные вопросы, связанные с преподаванием, успешно решаются. С З.Х.-М. Саралиева и С.С. Балабанов, например, отмечают, что в России преподавание в высшей школе «теряет свою престижность из-за низкой оплаты труда, мужчины покидают ее и происходит феминизация науки и пре[2]подавательского состава высшей школы». Аналогичные процессы наблюдаются и в других странах, в частности, в Португалии, где «профессора получают невысокие оклады, поэтому мужчины уходят в другие сферы деятельности - более высоко оплачиваемые - промышленность или юриспруденц[3]ию».

Таким образом, необходимо гармоничное включение женщин в процессы образования. Различного рода асимметрии в этом вопросе ведут к дисбалансу в обществе и затрудняют как внутри-, так и межцивилизационный диалог.

* * *

В целом же сегодня образование наряду экономическими, политическими, экологическими, демографическими вопросами, становится одной из глобальных проблем человечества, о чем свидетельствует факт включения вопросов образования в повестку дня

---

1. http://www.school-city.by/index.php?option=com_content&task=view&id=10605&Itemid=3
2. Саралиева З.Х.-М., Балабанов С.С. Указ. Соч. С. 120.
3. Информационный портал «Женщина и общество» http://www.owl.ru/cgi/Content/runbroker.cgi?broker=Brokers::Showcontent&action=printversion&id_news=61889

заседаний Группы восьми в Петербурге в 2006 г. В заявлении участников саммита сказано: «Мы будем сотрудничать в создании исследовательских сетей с участием высших учебных заведений, научно-исследовательских центров и бизнеса, а также пользоваться новейшими технологиями, которые они разрабатывают. Мы будем поощрять сотрудничество между университетами и промышленностью[1]».

Развитие образования, развитие университетов как образовательных структур, гармоничное включение женщин в процесс образования в качестве учащегося и обучающего – все это, несомненно, является важнейшим вкладом в формирование межцивилизационного диалога между народами.

1. Образование для инновационных обществ в XXI веке. Саммит. Группы восьми. Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года. http://g8russia.ru/docs/12.html

Кириллов В.В. «История России» М., Высшее образование. 2009. (2-е издание).

Жанр учебника один из старейших, однако, именно он является актуальным в любую эпоху и требует постоянной модернизации и разнообразия типов учебных книг в связи с постоянно появляющимися новыми запросами общества и личности. Особенно это касается учебных пособий, рассчитанных на широкий круг читателей: от абитуриентов, готовящихся к поступлению в ВУЗ, до студентов неисторических факультетов, изучающих историю. Соединение этих двух категорий учащихся вполне логично, ибо первым (не важно – для ЕГЭ или для профильного экзамена в институте или университете) необходимо продемонстрировать знание основных событий и процессов; в для вторых, ввиду ограниченности во времени курса истории, необходимо то же самое. Правда, учебник для студента (бакалавров и специалистов) должен давать еще и возможность анализировать закономерности исторического процесса, видеть его альтернативы, противоречия, иметь представление о разных точках зрения, имеющих место в исторической науке. Последнее закладывает в краткий универсальный учебник как минимум два уровня сложности, что значительно усложняет задачу автора. Поэтому большинство «кратких универсальных учебников» (вмещающих под своей обложкой все периоды российской истории: от древних славян – до постсоветской России) так и остаются на деле не более, чем пособиями для поступающего, рассчитанными на краткосрочное «натаскивание» по предмету.

Безусловным исключением из этого ряда является учебник Виктора Васильевича Кириллова «История России» (2 издание. Москва. «Высшее образование», 2009). В.В. Кириллов, профессор и декан исторического факультета МПГУ, является не только ученым, автором более 50 научных работ, но и опытным преподавателем-методистом, который прекрасно осознал, что необходимо его читателям, абитуриентам, поступающим на истфак, и студентам неисторических факультетов. Именно данным категориям учащихся адресовано рассматриваемое пособие. Автору удалось сконцентрироваться на основном фактическом материале отечественной истории с IV столетия - по начало XXI в., уложив его в 650 страниц, и в то же время изложить его так, что у читателя есть возможность задуматься над сложностью и противоречивостью исторического процесса. Понять, почему в исторической науке наблюдается такое множество различных подходов к решению тех или иных проблем. Без последнего не мыслим учебник для студента, который, изучая даже очень краткий курс, должен заниматься не зубрежкой, а осмыслением предложенного материала.

Большим достоинством учебника В.В. Кириллова является помещение в конце каждой главы контрольных вопросов. Обычно те, кто пишет учебные пособия для студентов высших учебных заведений игнорируют этот «школьный момент». А между тем он является важнейшей частью алгоритма самостоятельной работы студента. Вопросы в учебном пособии Кириллова, как и полагается двухуровневому учебнику, содержат несколько вариантов самоконтроля. На абитуриента рассчитаны, прежде всего, вопросы на знания фактического материала, заставляющие сконцентрироваться на главных фактах российской истории или воспроизвести основные причинно-следственные связи, объясненные в тексте параграфов. «Студенческие вопросы» предполагают уже другой подход. К примеру, после главы «Древняя Русь» именно студентам будет полезно и интересно подумать над вопросом: «В чем

заключалась суть идеологических дискуссий между норманнистами и антинорманнистами?» или «определить особенности древнерусской культуры».

Совершенно не лишней является и подборка в конце каждой главы перечня книг, с которыми автор советует познакомиться для более глубокого изучения тем. Список литературы хорош тем, что включает обычно 12-15 названий монографий, которые составляют «золотой фонд» исторической исследовательской мысли и достаточно современны. Студенту не надо «блуждать» по библиотечным каталогам, имея столь надежный «путеводитель». Он исключает работы скорее публицистического, чем научно-исторического жанра, а также «случайные» книги с неоригинальными, неглубокими или просто ошибочными (дилетантскими или фантазийными) версиями истории. Это особенно важно, если помнить, что учебник Кириллова ориентирован на студента-неисторика, который не всегда может самостоятельно ориентироваться в огромных объемах исторической и «около-исторической» литературы.

Список предложенной к изучению литературы очень полезен и для преподавателя, ведущего семинары, т.к. вокруг отдельных книг можно организовать серьезное обсуждение, знакомящее студентов с миром научных дискуссий, что будет куда полезней, нежели «лобовое» традиционное выслушивание ответов или докладов по вопросам, обычно заявленным в планах семинарских занятий. Если еще раз обратиться к главе «Древняя Русь», то такой семинар возможен на основе обсуждения предложенных здесь книг – Назаренко А.В. «Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX-XII вв.»; или книги А.Г. Кузьмина «Славяне и Русь: проблемы и идеи», которая содержит прекрасную подборку мнений ученых в хрестоматийном изложении. Общую же краткую картину истории Древней Руси студент почерпнет из самой главы учебника, и она станет базой, позволяющей понять и обсудить проблемы, заявленные в названных книгах.

Идя навстречу образности мышления молодых людей, особенно старших школьников, В.В. Кириллов поместил в своем учебнике 278 схем и 51 таблицу. Причем профессора Кириллова видимо стоит считать классиком в составлении данного материала. Предельная точность, краткость, образность в сочетании с указанием причинно-следственных связей делают таблицы и схемы, составленные Виктором Васильевичем, не просто равнозначными тексту по обширности и глубине представленного в них материала. Порой таблицы и схемы учебника позволяют с учебно-методической точки зрения организовать вокруг них познавательный процесс, куда более разнообразно и продуктивно, нежели работу с текстом. Я не говорю уже о том, что такая форма подачи фактов, явлений и идей, занимая меньше места (что особенно важно для жанра краткого учебника), дает более быстрое и глубокое усвоение материала. К примеру, обычно вопрос о подготовки вооруженного восстания большевиками осенью 1917 г. занимает несколько страниц учебного текста. Схема 204 из учебника Кириллова на данную тему потребовала ¾ страницы, отразив теоретическую, организационную, военно-техническую сторону подготовки восстания, а так же ход восстания. Причем глаз «схватывает» весь этот материал сразу, процесс «распознания» и запоминания идет много быстрее, особенно учитывая привычку молодежи компьютерного века к «клиповой» подаче материала. Блестящи все схемы и таблицы по хронике войн и внешней политике, развитию крепостничества, содержанию великих реформ 1861-1870-х

гг., направлениям общественно-политической мысли России в разные эпохи. Часть схем и таблиц рассчитана даже на осмысление альтернатив исторического развития. В качестве примера можно привести схему 203 «Альтернативы общественного развития в 1917 г.» (с. 447 учебника) или таблицу 40 «Возможные пути общественного развития России» в 1917 г. (с. 448). Вокруг этих схемы и таблицы можно организовать интересное обсуждение, предполагающее развитие у студентов таких важнейших компетенций как анализ, синтез различной информации, умение выстраивать доказательную базу, вести дискуссию, наконец, проявлять неординарность и творчество в решении задач, предполагающих самостоятельный поиск «ключа» к ним.

Достаточно информативно и в то же время сжато в учебном пособии представлены вопросы развития отечественной культуры. Внимание автора было сконцентрировано на основных направлениях, тенденциях, именах, произведениях и достижениях в области архитектуры, живописи, литературы, общественно-политической и иной публицистики, музыки, науки.

Хороший современный учебник не мыслим без информации о разных позициях и концепциях историков по тем или иным историческим проблемам. Учебник Кириллова знакомит читателя с различными воззрениями историков фактически по всем основным этапам отечественной истории. Абитуриент и студент найдет здесь и разные подходы к проблеме возникновения Древнерусского государства и его характера, оценке значения эпохи ордынской зависимости Руси, основные теории становления крепостничества, подходы к таким сложным и противоречивым эпохам, как царствование Ивана Грозного или Петра I, представлены различные подходы к оценке внутренней сущности и значения Октября 1917 г., вопросы периодизации гражданской войны и многие другие проблемы. Как и должно при написании современного учебника, В.В. Кириллов не навязывает ту или иную схему понимания проблемы, выдавая ее за «самую научную» или «объективную», а информирует о принципах и методологии исследователей, угле их взглядов, степени признания в научном мире той или иной исторической концепции.

Кстати, что очень важно для учебной литературы, во «Введении» автор просвещает читателя относительно ремесла историка. Он объясняет, что учебник, как и любой научный труд, это не истина в последней инстанции, а лишь вариант реконструкции прошлого. Разъясняется, откуда историки черпают свои знания. Дается понятие и классификация исторических источников, систем хронологии, рассказывается о возможностях вспомогательных и сопредельных с историей дисциплин.

Завершая разговор о книге В.В. Кирилова хочется отметить прекрасное структурирование его учебного пособия, четкость, доступность языка и стиля, которые, к счастью, лишены ложной патетики, «воды» и направлены, прежде всего на то, чтобы облегчить студенту или абитуриенту запоминание и понимание основных моментов русской истории.

Все перечисленные достоинства были оценены и научно-методическим советом Министерства образования и науки России, который присвоил книге В.В. Кириллова гриф «рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по неисторическим специальностям». Содержание учебной книги соответствует требованиям основных образовательных программ для подготовки бакалавров и специалистов и может использоваться в учебных программах нашего университета.

Мы рассматривали 2-е издание учебного пособия, уверены, что появятся и новые издания. Уже первое издание книги, которое Виктор Васильевич Кириллов значительно дополнил, пользовалась уважением и спросом у преподавателей-историков, студентов и абитуриентов. Было бы неплохо в будущем снабдить это учебное пособие еще и картами, а так же иллюстрациями к разделам о культуре, что сделает образно-зрительный ряд учебника окончательно завершенным.

Т.В. Черникова - к.и.н., доцент кафедры Всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.